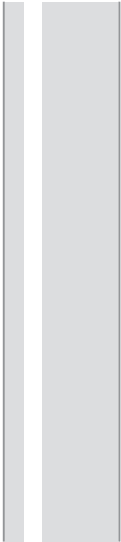

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МАЙКОПСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Ежеквартальный научный рецензируемый журнал МГТУ

ВЕСТНИК МАЙКОПСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 14 № 4 2022

Журнал издается с 2009 года

Майкоп 2022

<i>Периодичность:</i>	4 выпуска в год, журнал издается с 2009 года
<i>Префикс DOI:</i>	10.47370
<i>ISSN</i>	ISSN 2078-1024
<i>Свидетельство о регистрации средства массовой информации</i>	Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-36998 от 29 июля 2009 г.
<i>Условия распространения материалов</i>	Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
<i>Подписка на журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета»</i>	Подписку на журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета» можно оформить по индексу Э66022 на сайте Объединенного каталога «Пресса России» www.pressa-rf.ru , в электронном каталоге Почты России по индексу ПК399, а также по индексу 66022 в электронном каталоге УРАЛ-ПРЕСС https://www.ural-press.ru/ Стоимость подписки на полугодие – 2280 руб.
<i>Учредитель / издатель:</i>	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет» 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191
<i>Редакция:</i>	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет» 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191, тел.: 8 (8772) 52 30 03 e-mail: uprnd@mkgtu.ru http://vestnikmkgtu.ru/
<i>Типография:</i>	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет» 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191, тел.: 8 (8772) 52 30 03 e-mail: uprnd@mkgtu.ru
<i>Дата публикации:</i>	29.12.2022
<i>Копирайт</i>	© Вестник Майкопского государственного технологического университета, 2022
<i>Индексирование:</i>	Российский индекс научного цитирования – библиографический и реферативный указатель, реализованный в виде базы данных, аккумулирующий информацию о публикациях российских ученых в российских и зарубежных научных изданиях.
<i>Тираж</i>	500 экз. <i>Цена свободная</i>

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATEBUDGET EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION «MAYKOP STATE TECHNOLOGICAL UNIVERSITY»

Quarterly scientific peer-reviewed journal MSTU

**VESTNIK
MAJKOPSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO
TEHNOLOGIČESKOGO
UNIVERSITETA**

Volume 14 No 4 2022

First published 2009

Maykop 2022

<i>Frequency:</i>	4 issues a year, the journal has been published since 2009
<i>DOI prefix:</i>	10.47370
<i>ISSN</i>	2078-1024
<i>The certificate of registration of mass media</i>	Registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). Certificate PI № FS77-36998, July 29, 2009
<i>Terms of distribution of materials</i>	The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License
<i>Subscription to «New Technologies» journal</i>	You can subscribe to «Вестник Майкопского государственного технологического университета» journal on the website of the «Press of Russia» United Catalog www.pressa-rf.ru under the E66022 index and in the electronic catalog of the Russian Post under the PK399 index, and in the electronic catalog of the Ural Press under the 66022 index https://www.ural-press.ru/ On the territory of Russia the cost of a six-month subscription is 2280 rubles.
<i>Founder:</i>	Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Maikop State Technological University» 385000, Maikop, 191, Pervomayskaya str.
<i>Editorial office:</i>	Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Maikop State Technological University» 385000, Maikop, 191, Pervomayskaya str. tel.: 8 (8772) 52 30 03 e-mail: uprnd@mkgtu.ru http://vestnikmkgtu.ru/
<i>Printing house:</i>	Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Maikop State Technological University» 385000, Maikop, 191, Pervomayskaya str. tel.: 8 (8772) 52 30 03 e-mail: uprnd@mkgtu.ru
<i>Publication date:</i>	29.12.2022
<i>Copyright</i>	© Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta, 2022
<i>Indexation:</i>	The Russian Science Citation Index is a bibliographic and abstract index implemented in the form of a database that accumulates information on publications by Russian scientists in Russian and foreign scientific journals.
<i>Circulation:</i>	500 issues circulation
	<i>Price free</i>

МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Тхакушинов Асланчери Китович, доктор социологических наук, профессор, действительный член (академик) Российской академии образования, президент ФГБОУ ВО «МГТУ», заведующий кафедрой философии, социологии и педагогики ФГБОУ ВО «МГТУ»

Зам. главного редактора:

Овсянникова Татьяна Анатольевна, доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе и инновационному развитию ФГБОУ ВО «МГТУ»

Члены редакционной коллегии:

Бадмаев В.Н., доктор философских наук, профессор (ФГБОУ ВО «КалмГУ им. Б.Б. Городовикова», Россия);

Нехай В.Н., доктор социологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «АГУ», Россия);

Азашиков Г.Х., доктор философских наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», Россия);

Хагуров Т.А., доктор социологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КубГУ», Россия);

Сиюхова А.М., доктор культурологии, доцент (ФГБОУ ВО «МГТУ», Россия);

Кудаева С.Г., доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», Россия);

Сефербеков Р.И., доктор исторических наук, профессор (ФГБУН ИИАЭ ДФНЦ РАН, Россия);

Мухаджиев С.-Х.Х., кандидат исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «МГТУ», Россия);

Поддубная Т.Н., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КГУФКСТ», Россия);

Захарова Ж.А., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КГУ им. Н.А. Некрасова», Россия);

Алиева С.И., доктор исторических наук, профессор (Азербайджанский государственный педагогический университет, Азербайджанская Республика);

Сопов А.В., доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», Россия);

Шувакович У.В., доктор политических наук, профессор (PhD), (Приштинский университет, Сербия);

Кечина Е.А., доктор социологических наук, профессор (Белорусский государственный университет, Республика Беларусь);

Амирова Л.А., доктор педагогических наук, доцент (ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы», Россия);

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор (РУДН, Россия);

Омер Туран, доктор исторических наук, профессор (Технический университет Ближнего Востока, Турция);

Хагуров А.А., доктор социологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КубГУ», Россия);

Пивненко П.П., доктор педагогических наук, профессор (ФГАОУ ВО «РостГМУ», Россия);

Бегидова С.Н., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «АГУ», Россия);

Волкова О.А., доктор социологических наук, профессор (ОУП ВО «АТиСО», Россия);

Панеш А.Д., доктор исторических наук, доцент (ГБУ РА «АРИГИ им. Т.М. Керашева», Россия);

Чумичева Р.М., доктор педагогических наук, профессор (ФГАОУ ВО «ЮФУ, Академия психологии и педагогики», Россия);

Лукьяненко В.П., доктор педагогических наук, профессор, (ФГАОУ ВО «СКФУ», Россия);

Мусханова И.В., доктор педагогических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ЧГУ», Россия);

Гапуров Ш.А., доктор исторических наук, профессор, (ГКНУ «Академия наук Чеченской республики», Россия);

Соловей Т.Д., доктор исторических наук, профессор (МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия);

Карлов В.В., доктор исторических наук, профессор (МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия);

Бенин В.Л., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы», Россия);

Жаркынбаева Р.С., доктор исторических наук, профессор (Казахский национальный университет им. аль Фараби, Казахстан);

Бобкова Е.М., доктор социологических наук, доцент (Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Институт государственного управления, права и социально-гуманитарных наук, Молдова, Приднестровье)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Chief Editor

Tkhakushinov Aslancheriy Kitovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, a full member (academician) of the Russian Education Academy, President of FSBEI HE «MSTU», head of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogics of FSBEI HE «MSTU»

Deputy Chief Editor

Ovsyannikova Tatiana Anatoljevna, PhD, Professor, prorector for scientific work and innovative development of FSBEI HE «MSTU»

Members of Editorial Board:

Badmayev V.N., Ph.D., professor (FSBEI HPE «KalmSU named after B.B. Gorodovikov», Russia);

Nekhay V.N., Doctor of Sociology, an associate professor (FSBEI HE «ASU», Russia);

Azashikov G.H., Ph.D, a professor (FSBEI HE «MSTU», Russia);

Khagurov T.A., Doctor of Sociology, a professor (FSBEI HE «KubSU», Russia);

Siyukhova A.M., Doctor of Culturology, an associate professor (FSBEI HE «MSTU», Russia);

Kudayeva S.G., Doctor of History, a professor (FSBEI HE «MSTU», Russia);

Seferbekov R.I., Doctor of History, a professor (FSBIS IHAE DFSC of the RAS, Russia);

Muskhadzhiyev S.-H.H., Candidate of History, an associate professor (FSBEI HE «MSTU», Russia);

Poddubnaya T.N., Doctor of Pedagogics, a professor (FSBEI HE «KSUPCS», Russia).

Zakharova Z.A., Doctor of Pedagogics, a professor (FSBEI HPE «KSU named after N.A. Nekrasov», Russia);

Alieva S.I., Doctor of History, a professor (Azerbaijan State Pedagogical University, the Azerbaijan Republic);

Sopov A.V., Doctor of History, a professor (FSBEI HE «MSTU», Russia);

Shuvakovich U.V., Doctor of Politics, a professor (Pristina University, Serbia);

Kechina E.A., Doctor of Sociology, a professor (Belarusian State University, the Republic of Belarus);

Amirova L.A., Doctor of Pedagogics, an associate professor (FSBEI HE «BSPU named after M. Akmulla», Russia);

Narbut N.P., Doctor of Sociology, a professor (PFUR, Russia);

Omer Turan, Doctor of Historical Sciences (Prof. Dr) (Middle East Technical University, Turkey);

Khagurov A.A., Doctor of Sociology, a professor (FSBEI HE «KubSU», Russia);

Pivnenko P.P., Doctor of Pedagogic Sciences, professor (Southern Federal University, Russia)

Begidova S.N., Doctor of Pedagogics, a professor (FSBEI HE «ASU», Russia);

Volkova O.A., Doctor of Sociology, a professor (EITU HE «ALandSR», Russia);

Panesh A.D., Doctor of History, an associate professor (SBI RA «ARIHR named after T.M. Kerashev», Russia);

Chumicheva R.M., Doctor of Pedagogics, a professor (FSAEI HE «SFU, Academy of Psychology and Pedagogy», Russia);

Lukyanenko V.P., Doctor of Pedagogics, a professor (FSAEI HE «NCFU», Russia);

Muskhanova I.V., Doctor of Pedagogics, an associate professor (FSBEI HE «ChSU», Russia);

Gapurov Sh.A., Doctor of History, a professor (SOSI «The Chechen Republic Academy of Sciences», Russia);

Solovey T.D., Doctor of History, a professor (MSU named after M.V. Lomonosov, Russia);

Karlov V.V., Doctor of History, a professor (MSU named after M.V. Lomonosov, Russia).

Benin V.L., Doctor of Pedagogics, a professor (FSBEI HE «BSPU named after M. Akmulla», Russia);

Zharkynbayeva R.S., Doctor of History, a professor, (Kazakh National University named after al-Farabi, Kazakhstan);

Bobkova E.M., Doctor of Sociology, an assistant professor (Trans-Dniester state university named after T.G. Shevchenko, Institute of Public Administration, Law and Social and Human sciences, Moldova, Trans-Dniester).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Алексенко М.А., Малахова О.Ю.

М.М. СПЕРАНСКИЙ – ЧЕЛОВЕК, ГРАЖДАНИН,
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ 15

Иващенко А.С.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИНДИИ
В ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД:
ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ЭВОЛЮЦИЯ 22

Каймаразов Г.Ш., Каймаразова Л.Г.

ВОИНСКАЯ ОБЯЗАННОСТЬ И ВОЕННОЕ
СТРОИТЕЛЬСТВО В ДАГЕСТАНЕ В 1917–1928 ГГ.:
ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 31

Кандор Р.С.

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ
В ПРОЦЕССЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА В ЧЕРКЕССКИХ АУЛЬНЫХ
ОБЩЕСТВАХ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ
(НА ПРИМЕРЕ АУЛА ХАКУРИНОХАБЛЬ, 1887 Г.) 49

Нагиева М.К.

К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ НАУЧНЫХ КАДРОВ
В ДАГЕСТАНЕ В 1950-Е ГГ.: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ 60

Салихова Л.Б.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПОЛИТИКА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ
(НА ПРИМЕРЕ ДАГЕСТАНА) 68

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ашихмина Е.А., Светлова О.А., Фридман М.Ф.

ПРОБЛЕМНОЕ ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖА КАК УСЛОВИЕ
РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ПРИ ПЕРЕХОДЕ
ОБЩЕСТВА В ШЕСТОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД 75

Баишев И.Н.ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ
И ТОЧНЫХ ДИСЦИПЛИН В НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛАХ
НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА) 82**Буркова Т.А., Иванова Н.В., Иксанова Р.М.**ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ
И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
В УСЛОВИЯХ ПОЛИЛИНГВАЛЬНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ) 92**Волнакова М.В.**СНЯТИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ТРУДНОСТЕЙ
У СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА 103**Гейбатова А.Дж.**ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ ПОЭЗИЮ
П. ГАЛЬБИНУРА И ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ
ОСОБЕННОСТЕЙ СТИЛЯ ЕГО ТВОРЧЕСТВА 112**Егорова А.Е., Андреева М.П.**ЦЕННОСТНО-КРЕАТИВНЫЙ ПОДХОД
В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ-ЕСТЕСТВЕННИКА
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 118**Леонтьева А.В., Бибалова С.А., Хатит Ф.Р.**ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ПЕДАГОГА
КАК РЕСУРС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА 127**Уджуху И.А., Мешвез Р.К.**ПРОЕКТИРОВАНИЕ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ВУЗЕ
ПО ДИСЦИПЛИНЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕБНОГО КУРСА 137**Щербашина И.В., Уракова Ф.К., Жажева Д.Д., Пханаева С.Н.**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ПРАКТИКЕ
ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ДИСЦИПЛИН 146

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Китайкина Ю.А.ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЯ РУКОВОДСТВА И ЭФФЕКТИВНОСТИ
РАБОТЫ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 159

Маськова Н.Г., Хажгериева А.А.

ТЕОРИЯ ПОКОЛЕНИЙ: ОСОБЕННОСТИ
МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ
АКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 165

Ретивина В.В.

ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ
К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ:
ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ 174

Сиюхова А.М., Базалина Е.Н., Кубова А.А.

ХЕНДМЕЙД КАК РЕСУРС
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА 181

Тупиков Е.К.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СПОРТ КАК ФАКТОР
СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ 191

Правила направления и опубликования
научных статей 198

Правила рецензирования научных статей
в журнале «Вестник Майкопского государственного
технологического университета» 201

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

Aleksenko M.A., Malakhova O.Yu.

M. M. SPERANSKY – A PERSON, A CITIZEN, A STATE MAN 15

Ivashchenko A.S.

ECONOMIC DEVELOPMENT OF INDIA

IN THE POST-COLONIAL PERIOD:

MAIN FEATURES, PROBLEMS, EVOLUTION 22

Kaymarazov G.Sh., Kaymarazova L.G.

MILITARY DUTY AND MILITARY CONSTRUCTION

IN DAGESTAN IN 1917–1928: A HISTORICAL ASPECT 31

Kandor R.S.

FEATURES OF MILITARY REFORM IN THE PROCESS

OF ADMINISTRATIVE AND POLITICAL CONSTRUCTION

IN THE CIRCASSIAN AUL SOCIETIES OF THE KUBAN REGION

(THE CASE OF THE VILLAGE OF KHAKURINOKHABL, 1887) 49

Nagieva M.K.

REVISITING THE TRAINING OF SCIENTIFIC PERSONNEL

IN DAGESTAN IN 1950s: A GENDER ASPECT 60

Salikhova L.B.

ADMINISTRATIVE POLICY OF THE RUSSIAN

EMPIRE IN THE EASTERN CAUCASUS

(THE CASE OF DAGESTAN) 68

PEDAGOGICAL SCIENCES

Ashikhmina E.A., Svetlova O.A., Fridman M.F.

PROBLEM-BASED LEARNING OF COLLEGE STUDENTS

AS A CONDITION OF THE DEVELOPMENT

OF ENVIRONMENTAL CONSCIOUSNESS WHEN

PASSING TO THE SIXTH TECHNOLOGICAL MODE 75

Baishev I.N.

PECULIARITIES OF TEACHING SCIENCE

AND STEM SUBJECTS IN PRIMARY SCHOOLS
AT THE TURN OF THE XIX – XX CENTURIES
(THE CASE OF THE URAL REGION) 82

Burkova T.A., Ivanova N.V., Iksanova R.M.

FORMATION OF COMMUNICATIVE AND SOCIAL
AND CULTURAL COMPETENCE IN THE
CONDITIONS OF MULTILINGUALISM
(THE CASE OF PRESCHOOL EDUCATIONAL
INSTITUTIONS OF THE CHUVASH REPUBLIC) 92

Volnakova M.V.

REMOVING POTENTIAL DIFFICULTIES
AMONG STUDENTS IN FOREIGN
LANGUAGE CLASSES 103

Heybatova A.J.

FACTORS SHAPING THE POETRY
OF P. GALBINUR AND INDIVIDUALITY
FEATURES OF STYLE 112

Egorova A.E., Andreeva M.P.

A VALUE-ORIENTED CREATIVE APPROACH
TO A FUTURE SCIENCE TEACHER TRAINING
AT THE PRESENT STAGE 118

Leontyeva A.V., Bibalova S.A., Khatit F.R.

DIGITAL CULTURE OF A MODERN TEACHER
AS A PROFESSIONAL ACTIVITY RESOURCE
IN THE CONDITIONS OF EDUCATIONAL
SPACE DIGITAL TRANSFORMATION 127

Udzhukhu I.A., Meshvez R.K.

DESIGNING A CLASSROOM LEARNING
IN A UNIVERSITY USING THE ELECTRONIC
LEARNING COURSE 137

Shcherbashina I.V., Urakova F.K., Zhazheva D.D., Pkhanaeva S.N.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BACKGROUNDS
FOR THE USE OF LINGUOCULTUROLOGICAL
ANALYSIS OF AN ARTISTIC TEXT
IN TEACHING LANGUAGE DISCIPLINES 146

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Kitaykina Yu.A.

RELATIONSHIP OF LEADERSHIP STYLE
AND WORK EFFICIENCY OF THE INTERNAL
AFFAIRS OFFICERS 159

Maskova N.G., Khazhgerieva A.A.

THE THEORY OF GENERATIONS: FEATURES
OF MEDIA CONSUMPTION IN THE CONDITIONS
OF ACTIVE DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES 165

Retivina V. V.

THE ATTITUDE OF MODERN STUDENTS
TO THE PROBLEM OF HEALTH PRESERVATION:
A GENDER ASPECT 174

Siyukhova A.M., Bazalina E.N., Kubova A.A.

HANDMADE AS A RESOURCE OF SOCIAL
AND CULTURAL DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY 181

Tupikov E.K.

PROFESSIONAL SPORT AS A FACTOR
OF YOUTH SOCIALIZATION 191

Rules of directing and publishing
scientific articles in 198

Rules of scientific article review
in «Vestnik Majkopskogo Gosudarstvennogo Tehnologičeskogo Universiteta» 201

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-15-21>

УДК 929:32.001

Алексенко М.А., Малахова О.Ю.

**М.М. СПЕРАНСКИЙ – ЧЕЛОВЕК, ГРАЖДАНИН,
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ**

Алексенко Майя Александровна,

кандидат исторических наук преподаватель Оренбургского техникума железнодорожного транспорта структурного подразделения Оренбургского института путей сообщения филиала СамГУПС, Оренбург, Россия
e-mail: krutaya.20112011@mail.ru

тел.: +7 (987) 840 27 68

Малахова Ольга Юрьевна,

кандидат педагогических наук, доцент, заместитель директора по науке и инновациям Оренбургского института путей сообщения филиала СамГУПС, Оренбург, Россия
e-mail: olgamal74@mail.ru

тел.: +7 (922) 536 31 70

Аннотация

История периодически знакомит нас с людьми по-настоящему гениальными, но, как правило, не оцененными современниками. М.М. Сперанский по праву может считаться таким гением. Блестящий ученик семинарии, ответственный служащий, исполнительный экспедитор и начальник канцелярии стал жертвой придворных интриг. Однако даже после ссылки и возвращения Сперанский оказался полезен двору императора Николая I. Цель исследования заключается в анализе жизни и взглядов выдающегося политического деятеля первой четверти XIX в., чьи преобразования не были оценены своевременно, но блага которого очевидны в настоящее время. Методы исследования: ретроспективный, позволяющий погрузиться в события прошлого; историко-генетический, выявляющий специфику взглядов М.М. Сперанского; хронологический. Результаты исследования заключаются в том, что рассмотрена и проанализирована жизнь и политические взгляды М.М. Сперанского – идейного вдохновителя государственных преобразований. Выводы: идеи М. Сперанского воплотились в будущем в известные нам политические институты – Государственный Совет, двухпалатный парламент, принцип разделения властей.

Ключевые слова: М.М. Сперанский, семинария, реформы, Александр I, Наполеон Бонапарт

Для цитирования: Алексенко М.А., Малахова О.Ю. М.М. Сперанский – человек, гражданин, государственный деятель // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Том 14, № 4. С. 15-21. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-15-21>.

Aleksenko M.A., Malakhova O.Yu.

M.M. SPERANSKY – A PERSON, A CITIZEN, A STATE MAN

Aleksenko Maya Alexandrovna,

Candidate of Historical sciences, a lecturer of Orenburg Technical School of Railway Transport, a structural subdivision of Orenburg Institute of Railways, a branch of SamSTU, Orenburg, Russia

e-mail: krutaya.20112011@mail.ru

tel.: +7 (987) 840 27 68

Malakhova Olga Yuryevna,

Candidate of Pedagogical sciences, an associate professor, a deputy director for science and innovation of Orenburg Transport Institute, a branch of SamSTU, Orenburg, Russia

e-mail: olgamal74@mail.ru

tel.: +7 (922) 536 31 70

Abstract

The history periodically introduces us to really brilliant people, who are, as a rule, not appreciated by contemporaries. M.M. Speransky can rightfully be considered such a genius. A brilliant student of the seminary, a responsible official, an executive forwarder and head of the office, became a victim of court intrigues. However, even after his exile and return, Speransky turned out to be useful to the court of Emperor Nicholas I.

The purpose of the research is to analyze the life and views of an outstanding politician of the first quarter of the 19th century, whose transformations were not appreciated in a timely manner, but whose benefits are obvious at the present time. In the study the following methods have been used: the retrospective one allowing you to immerse yourself in the events of the past, the historical and genetic method, revealing the specifics of M.M. Speransky's views, and the chronological one. The results of the research consist in the study and analysis of M.M. Speransky's life and political views as an ideological inspirer of state reforms. The conclusions made are: M. Speransky's ideas were embodied in the future in the such well-known political institutions as the State Council, the bicameral parliament, the principle of separation of powers.

Keywords: M.M. Speransky, seminary, reforms, Alexander I, Napoleon Bonaparte

For citation: Aleksenko M.A., Malakhova O.Yu. M.M. Speransky – a person, a citizen, a statesman // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2022. Volume 14, No. 4. P. 15-21. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-15-21>.

Великий русский поэт, гений «золотого века» русской литературы А.С. Пушкин справедливо и метко назвал М.М. Сперанского «гением блага». Этими словами верно

характеризуется значение Сперанского для царствования Александра I. Сперанский был главным выразителем тех начал, которые не были оценены по достоинству в свое время, однако для будущего России и русской жизни имели важнейшее значение.

Судьба Михаила Михайловича Сперанского не только в высшей степени интересна, но и весьма поучительна. Родился М.М. Сперанский в новогоднюю ночь 1772 г. в деревне Черкутино Владимирской губернии [6, с. 170] в семье бедного сельского священника Михаила Васильева, не имевшего даже родового прозвища [12, с. 10]. Родители занимались маленьким Михаилом мало, потому мальчик находился под опекой слепого деда Василия. Он и научил его читать [10, с. 27].

Когда мальчику исполнилось семь лет, отец при содействии своего зятя протодякона Матвея Богословского определил его во Владимирскую духовную семинарию. При записи в семинарию необходимо было указать фамилию семинариста. Дядя Михаила – Богословский при зачислении ребенка указал фамилию «Сперанский», что означало в переводе с латинского «надеюсь», поскольку мальчик был очень перспективен, подавая большие надежды. Так появилась фамилия, которая впоследствии станет знаменитой [10, с. 28].

Ректор семинарии архиерей Евгений заметил способного ученика и взял его к себе в «келейники». Со временем Сперанский, обладавший хорошим голосом, был принят в архиерейский хор. Хор пел не только в храме, но и исполнял «кантаты» в домах у богатых купцов. Несмотря на свою бедность, Сперанский отказывался от своей доли гонорара, который платили хору купцы [10, с. 28].

После указа Екатерины II от 6 мая 1778 г. «О создании при Александро-Невском монастыре Первой духовной семинарии» как один из лучших учеников туда попал М.М. Сперанский. В

1792 г. Сперанский закончил обучение в Александро-Невской семинарии. Спустя три года Михаил Михайлович успел набраться опыта во многих сферах, работая преподавателем математики, физики, философии, «префектом семинарии», в обязанности которого входил надзор за младшими учениками. Желая дать Сперанскому немного подработать, митрополит Гавриил порекомендовал Михаила вельможе Куракину в качестве секретаря. С этого рокового знакомства начинается приближение М.М. Сперанского ко двору и лично Александру I.

Сильный ум и феноменальная работоспособность Сперанского, несомненно, имели определяющее значение в стремительном возвышении его по служебной лестнице, что, безусловно, вызывало зависть сослуживцев. Так, когда А.Б. Куракин спросил Сперанского сразу две награды за труды, возник ропот чиновников. Куракин резонно ответил им: «Попробуйте быть такими же орлами, как он, и вам то же будет» [10, с. 35].

Сперанский необыкновенно быстро продвигался по службе, получая повышение практически каждые полгода: в январе 1797 г. – чин титулярного советника, в апреле 1797 г. – коллежского асессора, в январе 1798 г. – надворного советника, в сентябре 1799 г. – коллежского советника. На этом признание Сперанского не закончилось. Ему было присвоено звание «герольда ордена Андрея Первозванного», чуть позже – орден св. Иоанна Иерусалимского и земельный участок в Саратовской губернии [10, с. 34].

Князь Алексей Куракин, будучи генерал-прокурором, взял его к себе в канцелярию, где он быстро занял столь выдающееся положение, что при смене князя Куракина другими лицами его оценили и князь Лопухин и Беклешов [5, с. 53]. Служба в генерал-прокурорской канцелярии, куда в то время стекалась большая часть самых важных государственных дел, скоро выдвинула

Сперанского и познакомила его со многими вельможами [5, с. 53].

Сперанский блестяще справлялся с любыми, даже трудновыполнимыми заданиями. Кроме нелегкой службы сначала в должности экспедитора, затем начальника генерал-прокурорской канцелярии, Сперанскому одновременно пришлось исполнять и обязанности «правителя» канцелярии Комиссии по снабжению Петербурга хлебом. «Президентом» этой комиссии был назначен великий князь Александр Павлович. Так, будущий император Александр I впервые познакомился с молодым талантливым чиновником [7, с. 28].

При учреждении министерств в 1802 г. Сперанский перевелся в ведомство внутренних дел и сразу получил расположение царского приятеля – министра ведомства В.П. Кочубея. Кочубей приблизил к себе грамотного Михаила Михайловича и очень внимательно прислушивался к его советам.

Будущее Михаила сразу стало обеспеченным. Когда Кочубей представлял разные проекты в секретном комитете, удивлял многих своей находчивостью и увлекал внимание самого Государя, то мало кто подозревал, что вдохновителем Кочубея был именно Михаил Михайлович Сперанский. Но это знал Александр Павлович, а главное, не забыл. Когда потребовался новый сотрудник то, естественно, Государь обратил свои взоры на скромного труженика Сперанского. Недаром Аракчеев в минуту злобы сказал, что «если бы у меня была треть ума Сперанского, я был бы величайшим человеком» [5, с. 54]. И вот, когда в 1808 г. Новосильцов окончательно удалился, то докладчиком у Государя сделался Сперанский. До этого он и раньше неоднократно имел случаи представлять доклады императору, в промежутке после ухода Кочубея и до замены его князем Алексеем Куракиным. Доклады эти нравились Государю по ясности изложения,

и Александр скоро привык к новому для него человеку.

Неудачная война с Наполеоном, закончившаяся Тильзитским миром, в сильной степени отразилась на внешней политике Александра. Негласный Комитет, который и до войны уже фактически не имел влияния, после Тильзита ослабел окончательно, а потом и распался. Сначала Новосильцов уехал за границу, потом от дел устранился Кочубей, Строганов еще за год до Тильзитского мира перешел на военную службу. Но император твердо знал, к чему он идет, и не смущался ни общественным ропотом, ни критикой друзей. В конце 1807 г. Сперанский был уволен из министерства с оставлением при прочих должностях по званию статс-секретаря. Встреча в Тильзите привела к роковому для М.М. Сперанского сближению с Александром I. Так, Сперанскому было поручено отправляться вместе с императором в Витебск в 1807 г., на следующий год в сентябре 1808 г. вместе с ним Михаил Михайлович отправляется в Эрфурт на встречу с Наполеоном. Согласно рассказу, содержащемуся в «Воспоминаниях» Ф. Булгарина, Наполеон, побеседовав со Сперанским в течение получаса, подвел его к Александру I и спросил, не будет ли угодно Его Величеству обменять Михаила Сперанского на какое-либо королевство [9, с. 91]. Ему суждено было не только видеть гениального полководца и замечательного человека, но и посчастливилось беседовать с ним. Как это ни странно, но Наполеон в Эрфурте оказал большее влияние на Сперанского, чем на Александра, и последствия такого впечатления обнаружились очень скоро.

Несомненно, Сперанский был необходим императору, ибо в это время он носился с самым обширным планом преобразований и считал полезным идти своим путем, не прибегая к помощи своих старых советников. Вскоре же он мог убедиться, что Сперанский по своим талантам и трудолюбию способен

единолично заменить много комиссий, комитетов и канцелярий [7, с. 39]. К тому же Сперанский не имел определенного политического прошлого; ему не приходилось открыто выступать сторонником английского направления в политике и врагом Наполеона. Напротив, Наполеон очаровал и его, многие французские порядки Сперанскому казались привлекательными [7, с. 38].

Вскоре после Эрфурта, а именно 15 декабря 1808 г., Сперанский стал министром юстиции. На Михаила Михайловича было возложено ведение дел по составлению законов, именно то, над чем безуспешно работал несчастный Розенкампф. Но в частых разговорах императора со Сперанским это дело стало расширяться, и результатом таких бесед явилась мысль приступить к плану всеобщего государственного образования, т.е. к коренной ломке существующего строя. Затея была обширная и крайне заманчивая для такого человека, как Сперанский. Для него открылось широкое поле деятельности, о котором он всегда мечтал, он приступил к работе с неимоверным рвением. Тому, что вышло из-под его талантливого пера, не суждено было осуществиться при его жизни, кроме создания Государственного совета.

Как мыслитель Сперанский сформировался в начале XIX в. Стать великим реформатором ему позволила образованность. Он испытал на себе влияние французских и немецких просветителей, сохранив при этом и элементы собственной политической теории.

Сперанский М.М. в своей политической доктрине опирался на знания античной философии, средневековых и периода нового времени мыслителей. Еще с юности он задумывался о политическом и государственном устройстве, о чем свидетельствует его проповедь 1791 г. Ему на тот момент исполнилось только девятнадцать лет, а он уже задавался вопросами государственной жизни,

социально-политическими проблемами общества.

Сперанский мечтал видеть Россию конституционной монархией, которая бы позволила осуществлять самодержавие, опираясь на закон [4]. В свою очередь, власть, по его мнению, следовало разделить на три ветви: законодательная власть принадлежала двухпалатной Думе, исполнительная – монарх – принимает участие в деятельности Думы, но без нее не может принять ни одного закона, судебная власть принадлежит Сенату и ряду судебных органов. Разделение властей было необходимо и отвечало бы реалиям времени, согласно Сперанскому.

Усилия трех ветвей власти предполагалось объединить в Государственном совете, состоящем из лиц, назначаемых монархом и частично избранных. Государственный совет должен был заседать под руководством царя. Последний мог предлагать на рассмотрение законы, но принятие или отклонение оставалось за Государственной Думой – законодательным органом власти.

Сперанский считал, что одно просвещение монарха не может достичь законности и порядка, следовало руководствоваться теми положениями о государственном устройстве, что были изложены выше. Порядок, в устроенном таким образом государстве, охраняется законами. Его идеал – конституционная монархия, основанная на верховенстве закона, должна опираться на квалифицированный чиновничий аппарат. Для этого он предложил, а после и реализовал закон, предусматривающий обязательную сдачу чиновниками соответствующих занимаемой должности экзаменов, что усилило неприязнь к нему.

Сословную политику следовало пересмотреть, но с тем лишь условием, что обязанности и права необходимо было законодательно закрепить, а не руководствоваться «устным правом». На права дворян Сперанский не покушался, но

уплату налога за имущество все же в их обязанность включил. Владельцам недвижимости он предоставлял гражданские права и политические (это зависело от размера собственности). Рабочий народ политических прав не имел, ограничивался только гражданскими [4].

Крепостничество Сперанский не одобрял, но и немедленного освобождения от крепости не предполагал. Как известно, Николай I к крепостному праву относился аналогично, возможно, что на его отношение оказал влияние сам М.М. Сперанский. Николай Павлович считал, что крепостное право есть зло очевидное, но еще большим злом было бы прикасаться к нему. Сходство во мнении очевидно [4]. Сперанский не предполагал немедленной отмены крепостничества, поскольку опасался, что крепостные начнут кочевой образ жизни, не приспособленные к самостоятельной жизни (без помещика).

В конечном счете, проекты Сперанского в своей совокупности не вызывали радости у дворян, придворных, так как ущемляли их привилегии, посягали на их права (в отношении, например, земельной реформы). Недолго думая, в придворной среде возник заговор, посыпались обвинения в «возжигании бунтов» и даже в «способствовании истребления дворянства». Именно эти мысли были аккуратно доложены императору, всегда опасавшемуся силы дворян (свежи в памяти были события марта 1801 года). Долгая

аудиенция с Александром I закончилась для Сперанского отстранением от службы и ссылкой. Его пылкий ум, феноменальная работоспособность, редкая грамотность могли преобразовать Россию, но к этому был не готов Александр I.

Вглядевшись в суть мыслей М.М. Сперанского о преобразовании России, очевидно, что они не только не были лишены смысла и перспектив внедрения, но и соответствовали времени. Своевременное внедрение его проектов могло предотвратить гибель для династии Романовых, миллионов жизней россиян. Отменив крепостное право в России так же, как и в Польше, Александр I мог избежать убийства Александра II. Приняв Конституцию, даровав права населению России, можно было бы избежать катастрофы 1917 г. Создав реальную Государственную Думу, а не фиктивную, согласно проекту разделения властей Сперанского, Александр I или Николай I могли избежать Первой и Великой российской революций. Ни один проект Сперанского, кроме Государственного совета, не были воплощены Александром I в жизнь. Ощущая на себе давление дворян, император был вынужден отказаться не только от проектов Михаила Михайловича, но и от его «услуг».

Всем известно, что история не знает сослагательного наклонения, но одно очевидно – идеи Сперанского опередили время, были своевременны и даже необходимы России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Автографы Императорской публичной библиотеки. Вып. 1. М., 1872.
2. Биографические очерки. М.М. Сперанский. СПб., 1868.
3. Владыкина Т.И. Секретарское дело графа М.М. Сперанского // Секретарское дело. 2004. № 11.
4. История политических и правовых учений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/istoria-politicheskikh-i-pravovyh-ucheni-2/55.htm>.
5. Ключевский В.О. Император Александр I. Великий князь Николай Михайлович. М., 2010. 320 с. (Биографии и мемуары).
6. Новикова И.А., Рогачевская М.А. Проекты преобразования финансовой и денежной системы М.М. Сперанского // ЭКО. 2008. № 8. С. 170–188.

7. Нольде А.Э. М.М. Сперанский. Биография [Электронный ресурс]. М., 2004. URL: http://www.memoirs.ru/rarhtml/Sper_PB_RA70_1.htm.
8. Томсинов В.А. Светило русской бюрократии. М.: Зерцало-М, 2013. 457 с.
9. Федоров В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М.: МГУ, 1997. 254 с.
10. Чибиряев С.А. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. М.: Наука, 1989. 216 с.
11. Южаков С.Н. М.М. Сперанский. Его жизнь и деятельность. СПб., 1891.
12. Якушкин В.Е. Сперанский и Аракчеев. СПб., 1905.

REFERENCES:

1. Autographs of the Imperial Public Library. Issue 1. M., 1872.
2. Biographical sketches. M.M. Speransky. SPb., 1868.
3. Vladykina T.I. Secretarial work of Count M.M. Speransky // Secretarial business. 2004. No. 11.
4. History of political and legal doctrines [Electronic resource]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/istoria-politicheskikh-i-pravovykh-ucheni-2/55.htm>.
5. Klyuchevsky V.O. Grand Duke Nikolai Mikhailovich. Emperor Alexander I; Alexander I. M., 2010. 320 p. (Biographies and memoirs).
6. Novikova I.A., Rogachevskaya M.A. Projects for the transformation of the financial and monetary system of M.M. Speransky // ECO. 2008. No. 8. P. 170–188.
7. Nolde A.E. MM. Speransky. Biography. [Electronic resource]. M., 2004. URL: http://www.memoirs.ru/rarhtml/Sper_PB_RA70_1.htm.
8. Tomsinov V.A. The light of the Russian bureaucracy. M.: 2013. Zertsalo-M. 457 p.
9. Fedorov V.A. M.M. Speransky and A.A. Arakcheev. M.: 1997. MSU. 254 p.
10. Chibiryaev S.A. A Great Russian reformer. Life, activity, political views of M.M. Speransky. M. 1989. 216 p.
11. Yuzhakov S.N. M.M. Speransky. His life and work. SPb., 1891.
12. Yakushkin V.E. Speransky and Arakcheev. SPb., 1905.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-22-30>

УДК 330 (540) (09)

Иващенко А.С.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИНДИИ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ЭВОЛЮЦИЯ

Иващенко Александр Стефанович,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», Майкоп, Россия

e-mail: ivashchienko-5757@mail.ru

тел.: +7 (918) 922 49 98

Аннотация

После освобождения стран Азии и Африки со второй половины XX в. от колониальной и полуколониальной зависимости перед ними во весь рост встал целый ряд проблем, которые требовали неотложного решения. Одной из таких проблем была задача наполнения продекларированного суверенитета реальными усилиями по созданию дееспособных, состоявшихся государств. Не всем странам афро-азиатского региона даже к сегодняшнему дню удалось решить эту проблему. Однако среди государств третьего мира есть также немало тех, которым это удалось. И таким примером может быть Индия. Страна с почти полуторамиллиардным населением, со сложной поликонфессиональной и полиэтнической структурой в начале XXI в. стала третьей экономикой в мире. Целью статьи является выяснение предпосылок, в том числе и цивилизационных, динамичного развития Индии с 1947 г. Кроме того, выявление основных этапов развития экономики Индии и ее характерных черт, отличий в экономическом развитии от других развивающихся стран, а также основных проблем и трудностей. При написании статьи использовались следующие методы научного исследования: сравнительно-исторический, метод периодизации, проблемно-хронологический метод, историко-генетический и др.

Ключевые слова: Индия, экономика, этатизм, импортозамещение, самообеспечение, планирование, государственное регулирование, протекционизм, бедность

Для цитирования: Иващенко А.С. Экономическое развитие Индии в постколониальный период: основные черты, проблемы, эволюция // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Том 14, № 4. С. 22-30. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-22-30>.

Ivashchenko A.S.

ECONOMIC DEVELOPMENT OF INDIA IN THE POST-COLONIAL PERIOD: MAIN FEATURES, PROBLEMS, EVOLUTION

Ivashchenko Alexander Stefanovich,

Doctor of Historical Sciences, a professor, head of the Department of World History of FSBEI HE "Adygh State University", Maikop, Russia

e-mail: ivashchienko-5757@mail.ru

tel.: +7 (918) 922 49 98

Abstract

After the liberation of the countries of Asia and Africa from colonial and semi-colonial dependence in the second half of XX century, they faced a whole series of problems that required urgent solutions. One of these problems was the task of filling the declared sovereignty with real efforts to create capable, established states. Not all countries of the Afro-Asian region, even today, have managed to solve this problem. However, among the third world countries there are also quite a few states that have succeeded. India can be such an example.

A country with almost one and a half billion people, with a complex multi-confessional and multi-ethnic structure became the third largest economy in the world at the beginning of the 21st century. The purpose of the article is to clarify the prerequisites for the dynamic development of India since 1947 including civilizational ones, as well as to identify the main stages in the development of the Indian economy and its characteristic features, differences in economic development from other developing countries, and main problems and difficulties. The following methods of scientific research have been used in the research: a comparative-and historical one, periodization method, problem and chronological method, historical and genetic method, etc.

Keywords: India, economy, etatism, import substitution, self-sufficiency, planning, government regulation, protectionism, poverty

For citation: *Ivashchenko A.S. Economic development of India in the post-colonial period: main features, problems, evolution // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2022. Volume 14, No. 4. P. 22-30. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-22-30>.*

Российские экономисты и историки, изучающие проблемы развития экономики стран афро-азиатского региона в постколониальную эпоху, значительное внимание уделяли и продолжают уделять успешному опыту трансформации экономик государств Юго-Восточной Азии (в первую очередь, Южной Корее, Сингапуру), а также экономическим достижениям Китая. И это внимание абсолютно логично и обоснованно. Однако в последние годы отечественные исследователи стали проявлять все больший интерес к изучению практики экономических реформ второго по численности населения государства мира – Индии. И под этим интересом есть серьезные основания. Достаточно привести тот факт, что по данным Международного валютного фонда (МВФ) ВВП Индии по паритету покупательной

способности (ППС) в 2017 г. составил 7,4% от общемирового. Это третье место в мире по этому показателю после Китая и США [1, с. 6].

Целью статьи является выявление предпосылок, основных характерных черт и этапов, а также проблем и трудностей развития экономики Индии в постколониальный период.

Динамизму экономического развития Индии в постколониальный период способствовали некоторые элементы индийской цивилизации. Среди них следует отметить культ знания (этот элемент еще в более яркой форме присутствовал и в китайской цивилизации и выражался в сдаче конкурсных экзаменов на получение звания шэньши, т.е. «ученого мужа» – А.И.). Кроме того, профессиональную специализацию индийцев по

кастовому признаку, а также формирование торговых ассоциаций, члены которых получали коммерческие навыки. В качестве примера можно привести парсов (этноконфессиональная группа последователей зороастризма в Южной Индии – А.И.). Элементы демократичности в общественную жизнь Индии были привнесены еще панчаятами, т.е. органами самоуправления в индийской общине. Хотя, конечно, вклад в формирование этого института внесли и английские колонизаторы. Принцип выборности посредством проведения собрания, хотя бы на местном уровне, в Индии был введен институтом под названием «сабха». Элементы плюрализма, которые присутствуют в ментальности индийцев, также сыграли свою позитивную роль. И, наконец, нельзя не отметить вклад деятелей индийского возрождения, во времена английского колониализма, в синтезирование западных ценностей с прогрессивными элементами индийской культуры. Достаточно вспомнить таких ярких личностей, как М. Роя, С. Вивеканда и т.д. [2, с. 92].

Английские колонизаторы также начали модернизацию образования и судебной системы Индии, содействовали формированию ее элиты, ускорили становление всеиндийского рынка. В отличие от многих других развивающихся стран, к моменту получения независимости Индией в 1947 г. в ней уже прошла индустриализация в сфере легкой промышленности. Этот процесс завершился еще в период колониальной зависимости Индии от англичан. Плюсом для начала реформ в Индии с 1948 г. было также наличие нескольких индийских компаний в сфере добычи угля и выплавки стали, которые были образованы еще в колониальный период развития страны.

Определенное влияние на социальную ориентированность экономических реформ в Индии оказала борьба в правящей партии «Индийский национальный

конгресс (ИНК)» между сторонниками и противниками использования социалистических идей. За использование идей социализма ратовал социалист Дж. Нараян и первый премьер-министр независимой Индии Дж. Неру. Хотя отношение Дж. Неру к социализму на протяжении 30–40-х гг. XX в. существенно изменилось в сторону охлаждения. Против использования идей социализма выступили такие лидеры ИНК, как М.К. Ганди, В. Патель и другие.

С началом экономических реформ в Индии правительство страны в 50-е гг. XX в. провозгласило их цель – построение общества социальной справедливости.

Среди российских ученых, занимающихся изучением экономики Индии в постколониальный период, нет единства мнений относительно основных этапов ее развития, как и названий этих этапов. Хотя и особо принципиальных различий тоже не существует. В целом исследователи склоняются к тому, что в эволюции экономического развития Индии с 1947 г. по настоящее время можно выделить два основных, качественно отличающихся друг от друга периода. Первый из них начинается с 1948 г. и заканчивается концом 70-х гг. XX в., второй – с начала 80-х гг. XX в. и продолжается вплоть до настоящего времени. При характеристике основных черт развития индийской экономики будем исходить именно из этой периодизации. Хотя ученые иной раз совершенно обоснованно дробят эти периоды на подпериоды или началом второго основного этапа определяют 1991 г. [3, с. 483–484; с. 3].

Первый основной этап российские исследователи, не без оснований, определяют как период господства этатистской социально-экономической политики с акцентом на проведение импортозамещающей индустриализации. Для второго базового этапа характерен постепенный отход от этатистской модели развития в сторону либерализации экономических

процессов и формирования экспортно-импортной экономики.

Некоторые элементы этатистской модели развития Индии были заложены, в частности, в резолюции партии ИНК о промышленной политике, принятой в 1948 г. В Индии предполагалось строить смешанную экономику, т.е. опираться на государственные и частные предприятия, при контроле за последними со стороны государства. В 1948 и 1956 гг. правительство Индии приняло решение, что стратегически важные для страны отрасли промышленности должны быть полностью под контролем государственных структур. Это, в частности, оборонная и атомная промышленность, а также железнодорожный и воздушный транспорт. Усилия правительства Индии привели к созданию к 60-м гг. XX в. в государственном секторе экономики предприятий тяжелой промышленности.

Правительство Индии уделяло значительное внимание развитию мелкой и кустарной промышленности. Как результат – рост мелких предприятий с 36 тыс. в 1961 г. до 800 тыс. в 1980 г. В контексте этого направления промышленной политики был принят закон о промышленном развитии и контроле от 1951 г. Он предполагал получение лицензии от государства на создание предприятия, его расширение и государственный контроль за масштабами производства [4, с. 207].

Очень важным для индийского правительства было проведение аграрных преобразований. В этой огромной по населению стране до 70% ее жителей к началу 20-х гг. XXI в. по-прежнему проживают в сельской местности. Правительство Индии способствовало увеличению площади обрабатываемых земель на 7,5 млн акров (один акр равен 0,405 га – А.И.). Оно создавало благоприятные условия для развития среднего и зажиточного крестьянства в противовес крупному помещичьему землевладению. Кроме того, правительство Индии выделяло

деньги аграриям на закупку удобрений, семян, строительство ирригационных сооружений. К середине 70-х гг. XX в. эти меры дали позитивный результат в виде прекращения Индией импорта продовольственного зерна.

В отличие от большинства других развивающихся стран, в Индии была создана довольно развитая финансовая система. Был учрежден, в частности, Резервный (центральный) банк, в 1969 г. была проведена национализация 14 крупных банков. Индийское государство взяло на себя бремя финансирования строительства инфраструктуры страны. В 50–80-е гг. XX в. на эти цели ежегодно выделялось до 47% капиталовложений.

С 50-х гг. XX в. индийское правительство стало широко прибегать к планированию развития своей экономики, в том числе посредством разработки пятилетних планов. С этой целью была создана Комиссия по планированию, которая функционировала в Индии с 1951 по 2014 гг. и возглавлял ее премьер-министр. Планирование было как директивным, так и рекомендательным. Планирование, впрочем, не является какой-то особой новацией Индии среди стран третьего мира, достигших успехов в развитии экономики. К нему, например, прибегала и Южная Корея.

Правительство Индии довольно продолжительное время проводило политику самообеспечения или импортозамещения [5, с. 7]. В этом отношении Индия отличалась от новых индустриальных стран (НИС) Юго-Восточной Азии, в частности, Сингапура и Южной Кореи, которые сравнительно быстро перешли к экспорториентированной индустриализации. Импортозамещение Индия проводила весьма жестко, оно иной раз имело черты автаркии. Так, таможенные пошлины на некоторые товары достигали 200%. Такая мера была направлена на индустриализацию своего производства.

В 50–60-е гг. XX в. в целях стимулирования развития экономики правительство Индии провело девальвацию рупии. В эти же годы оно сняло многие ограничения на импорт товаров. В конце 60-х гг. XX в. в Индии был предпринят ряд мер по ограничению власти монополий. В контексте политики государственного регулирования экономики на первом этапе проведения реформ индийское правительство ограничивало доли иностранного капитала в активах индийских компаний. И, наконец, правительство Индии при проведении реформ всегда придерживалось принципа постепенности и достижения согласия в правящей элите.

Эволюционному переходу Индии с начала 80-х гг. XX в. к созданию экспортно-импортной экономики послужил целый ряд как внутренних, так и внешних факторов. Это, в частности, засуха, поразившая Индию в 1979 г. Резкое повышение цен на нефть на мировом рынке после окончания арабо-израильской войны 1973 г. Этот факт был весьма чувствителен для индийской экономики, учитывая то, что Индия была и есть энергозависимая страна. Кроме того, это влияние процессов глобализации. Как результат – повышение спроса на наукоемкую продукцию, в том числе и в Индии. Перенесение потребителем акцента с цены товара на его качество. В этом отношении индийские товары не соответствовали новым требованиям. Безусловно, свою роль сыграло и то, что либерализация экономики стала общемировой тенденцией.

По мере формирования постепенного курса Индии на строительство экспортно-импортной экономики и ее либерализацию в 90-е гг. XX в. премьер-министр страны Н. Рао сформулировал принципы ее создания. Один из них предполагал сочетание элементов государственного регулирования с рыночной экономикой, т.е. попытку осуществить

некий «средний» путь развития. И очень важно, не опережая темпы естественной модернизации в традиционном восточном обществе, каким являлась Индия, ибо это приводит к социальным взрывам. Другой – подчеркивал приверженность государства заботе о бедной части населения. И, наконец, третий принцип гласил, что при проведении реформ Индия не должна потерять свою самобытность. А именно, сочетание идей западного индивидуализма с традиционными общинными ценностями [6, с. 565].

Вступление Индии с 80–90-х гг. XX в. во второй основной этап экономических реформ предполагал продолжение стратегического курса развития, выработанного еще Дж. Неру, а затем продолженного другим индийским премьер-министром – И. Ганди.

В контексте осуществления второго основного этапа реформ в Индии с 1985 г. происходит процесс постепенной отмены системы государственного лицензирования на производство товаров. Так, в этом году было отменено лицензирование на 25 наименований товаров.

В 1991–1992 гг. в Индии началась частичная приватизация ее экономики. Кроме того, индийская экономика становится все более открытой для иностранного капитала. Так, к 2018 г. приток прямых иностранных инвестиций в экономику Индии достиг 377,7 млрд долл.

Однако индийское правительство ограничивает размер иностранного капитала в индийских предприятиях до 40%. Иностранным инвесторам допускается возможность иметь в индийских предприятиях и 51% акций, если они вкладывают свои деньги в наукоемкие производства. Но при условии, если иностранный инвестор возьмет на себя расходы на ввозимое в Индию для своего предприятия оборудование [7, с. 124].

Открытости индийской экономики способствовало существенное снижение правительством Индии таможенных

тарифов с 71% в 1993 г. до 35% в 1998 г. [8, с. 94]. В контексте борьбы с теневой экономикой в 2005 г. в Индии был принят закон, направленный против отмывания денег.

Выход Индии на качественно более высокий уровень развития своей экономики был невозможен без увеличения государством расходов на развитие образования. Так, с 1990 по 2000 гг. расходы на образование в Индии увеличились от общего объема ВВП с 3,7 до 4,1%. В результате этой меры доля грамотных среди взрослого населения Индии возросла с 49 до 61%.

Правительство Индии уделяет значительное внимание финансированию научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), а также повышению наукоемкости выпускаемой продукции. Так, в 2014 г. наукоемкие товары в индийском ВВП уже приблизились к одному проценту. Для развития информационных технологий в Индии, как и в Китае, были созданы технопарки, в частности, в штатах Карнатака и Андхра Прадеш. Технопарки стали результатом соединения усилий «трех сторон»: правительства, бизнеса и университетов. В этой своеобразной «триаде» бизнес дает деньги на технологические исследования, университеты-ученых для их выполнения, а государство берет на себя координирующую роль в этом процессе. Внимание и поддержка индийским правительством наукоемкого производства привела к тому, что многие индийские программисты вернулись из США в Индию для занятий бизнесом. Расселяются они, в основном, в пригородах Дели, Бангалора и Хайдарабада.

Одной из характерных черт реформ второго этапа было увеличение среднего класса к концу 90-х гг. XX в. до 300 млн чел. [9, с. 5].

Для Индии характерно активное развитие третичного сектора своей экономики, т.е. сферы услуг. В то время как Китай

делает акцент на вторичный сектор экономики, т.е. развивает производство товаров. Так, в 2010 г. на долю третичного сектора экономики Индии приходилось 55% ВВП, а вторичного – 27%.

Индия, в отличие от Китая, в большей степени опирается в развитии на свои внутренние ресурсы. Так, в 2000-е гг. доля прямых иностранных инвестиций в Индии достигла 5%, в то время как в Китае в эти же годы – 10%. Индия отличается от Китая и тем, что создает свою экспортно-импортную экономику в условиях политической системы, основанной на принципах демократии. В Китае же рыночная экономика строится под руководством твердой авторитарной власти китайских коммунистов [10, с. 81].

Последовательное продвижение Индии по пути экономической модернизации привело к тому, что ее ВВП лишь с 2000 по 2017 гг. вырос в 3,3 раза. Ежегодные средние темпы роста индийской экономики в начале XXI в. составляли 7% [11, с. 2,6]. Еще в 2007 г. Индия вышла на второе место в мире после США по объему экспорта программного обеспечения и сопутствующих услуг. За период с 1951 по 2001 гг. продолжительность жизни в Индии выросла с 32,1 до 62,4 года, смертность снизилась с 27,4 до 8,9 на тысячу человек. Уровень бедности сократился к 2012 г. до 21,9%.

Несмотря на динамизм экономического развития Индии и бесспорные успехи, перед индийским правительством и народом стоит еще много острых проблем, требующих неотложного решения. Одной из них является неэффективность сельскохозяйственного производства. Несмотря на аграрные преобразования 1991–2000 гг., в Индии доля ее сельского хозяйства в общемировом аграрном производстве осталась неизменной и составила 11%. Такое положение связано с низкими темпами роста сельхозпроизводства в Индии, всего лишь 3% в год. Низкие темпы роста сельскохозяйственного

производства обусловлены недостаточными инвестициями в него, нехваткой удобрений, отсталостью сельскохозяйственной инфраструктуры. Как результат – до 40% собранных овощей и фруктов погибает.

Еще одной проблемой аграрного сектора экономики Индии является наличие миллионов мелких малорентабельных хозяйств площадью меньше одного гектара, которые к тому же значительно закредитованы. В 2008 г. правительство Индии списало безнадежные долги 30 млн мелких фермеров, но кардинально эта мера проблему все равно не решает.

Ощутимая текучесть кадров на современных промышленных предприятиях в Индии с конца XX – начала XXI вв. – она достигает 20% и связана с недостатком квалифицированных кадров. Это, в свою очередь, не дает возможности в широком масштабе применять в стране технологические новации.

Немаловажная проблема – массовая бедность населения в Индии: 36% индийцев живут на менее чем на один доллар в сутки. В начале XXI в. численность бедного населения Индии достигла более 250 млн чел. Да и в целом уровень доходов на душу населения в Индии по ППС весьма скромен, в 2008 г. он составлял лишь около 3 тыс. долл в год.

Негативным раздражителем для индийского социума является существенное неравенство в уровне доходов. Так, на долю 10% беднейшего населения Индии приходится 3,9% национального богатства, а на долю 10% самых состоятельных индийцев – 28,5%. Для Индии также характерен значительный контраст в доходах на душу населения между преуспевающими в экономическом отношении штатами и отстающими, он достигает шестикратного разрыва. Низкий жизненный уровень в Индии подталкивает десятки тысяч квалифицированных индийских специалистов

уезжать из страны в поисках более достойной оплаты их труда.

Тревожащим фактором для развития экономики Индии является наличие довольно заметного сектора теневой экономики, который достигает 25%. Еще одна проблема развития индийской экономики – достаточно низкая производительность труда, которая составляет лишь 30% от соответствующего показателя в Китае.

Тормозит развитие Индии и значительный контраст в охвате информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ) между городскими и сельскими жителями. По данным на 2007 г., 52,3% горожан были охвачены ИКТ и только 6,5% – сельских жителей [11, с. 87].

Либерализации развития экономики Индии не способствует и такой негативный фактор, как коррупция. По индексу коррумпированности Индия в 2006 г. заняла 70-е место из 163 обследованных по этому показателю стран. Коррупция в Индии носит системный характер. Это, в частности, приводит к тому, что для открытия бизнеса в Индии необходимо потратить 48 дней, чтобы получить разрешение от властей. В Сингапуре, например, на это уходит 5 дней.

В деле модернизации своей экономики Индия, безусловно, находится лишь в начале пути. Об этом свидетельствует и индекс ее человеческого развития (ИЧР), который по данным на 2015 г. классифицировал Индию на 131 место среди других стран мира, Россия заняла по этому показателю 49 позицию.

Таким образом, динамизм развития индийской экономики в постколониальный период своими корнями во многом уходит и базируется на ценностях индийской цивилизации, которая формировалась на протяжении многих столетий. Для индийской культуры характерна терпимость, которая идет, в частности, от индуистского догмата о перерождении, а отсюда стремление членов индийского социума, как на элитарном, так и

на низовом уровне, к консенсусу. Это и определенный позитивный вклад английских колонизаторов в закладывание базы будущей индустриализации в сфере тяжелой промышленности. Устойчивость демократической системы с элементами политической конкуренции и регулярной сменяемостью власти и при этом с ответственностью элит за свои действия перед народом также стали важными компонентами успеха в продвижении по

пути экономических реформ. В проведении экономических реформ Индия, как и другие освободившиеся от колониализма страны Азии и Африки, начинала с очень «низкого старта», т.е. была очень бедной страной. Она и до настоящего времени проблему бедности до конца так и не решила. Но Индия уже сейчас стала страной самодостаточной, способной сама себя прокормить и самостоятельно решать свои экономические проблемы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Индия: особенности экономического роста и энергетика // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. 2018. Июнь (№ 33). С. 20.
2. Взлет по-индийски (материалы научного семинара «Современные проблемы развития» Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН) // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 3. С. 83–94.
3. Всемирная история: в 6-ти т. Т. 6. Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций. М.: Наука, 2011. 642 с.; Галищева Н.В. «Делийский консенсус» – индийская модель либерализации экономики // Азия и Африка сегодня. 2014. № 3. С. 2–8.
4. Галищева Н.В. Промышленная политика как драйвер развития экономики Индии // Вестник РУДН. 2019. Т. 27, № 2. С. 205–222.
5. Юрлов Ф.Н. Уроки реформ: Индия // Азия и Африка сегодня. 1998. № 11. С. 6–12.
6. История Востока: в 6-ти т. Т. 6. Восток в новейший период (1945–2000 гг.). М.: Восточная литература, 2008. 1095 с.
7. Маларов О.В. Роль государства в переходной экономике: опыт Индии // Экономическая наука современной России. 2000. № 2. С. 120–135.
8. Небогатова О.А. Экономические реформы 90-х гг. и проблема бедности в Индии // Восток. 2004. № 5. С. 91–105.
9. Юрлов Ф.Н. Индия: опыт реформ и модернизации // Азия и Африка сегодня. 2006. № 5. С. 2–7.
10. Бергер Я.М. Китайская модель развития // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 9. С. 73–81.
11. Взлет по-индийски (материалы научного семинара «Современные проблемы развития» Института ИМЭМО РАН) // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 2. С. 64–74.

REFERENCES:

1. India: features of economic growth and energy // Bulletin on current trends in the world economy. 2018. June. (No. 33). P. 20.
2. A surge in the Indian style (Proceedings of the scientific seminar “Modern development problems” of the Institute of World Economy and International Relations (IWEIR) the RAS) // World Economy and International Relations (WEIR). 2009. No. 3. P. 83–94.
3. World history: in 6 volumes. V. 6. The world in XX century: the era of global transformations. M.: Nauka, 2011. 642 p.; Galishcheva N.V. “The Delhi Consensus” – the Indian model of economic liberalization // Asia and Africa Today (AAC). 2014. No. 3. P. 2–8.

4. Galishcheva N.V. Industrial policy as a driver for the development of the Indian economy // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. 2019. Volume No. 27. No. 2. P. 205–222.
5. Yurlov F.N. Lessons from the reforms: India // AAS. 1998. No. 11. P. 6–12.
6. History of the East: in 6 volumes. V. 6. The East in the newest period (1945–2000). M.: Eastern Literature, 2008. 1095 p.
7. Malyarov O.V. The role of the state in a transitional economy: India's experience // Economic science of modern Russia. 2000. No. 2. P. 120–135.
8. Nebogatova O.A. Economic reforms of the 90s and the problem of poverty in India // Vostok. 2004. No. 5. P. 91–105.
9. Yurlov F.N. India: experience of reforms and modernization // AAC. 2006. No. 5. P. 2–7.
10. Berger Ya.M. Chinese model of development // MEMO. 2009. No. 9. P. 73–81.
11. A surge in Indian style (Proceedings of the scientific seminar “Modern development problems” of the Institute of IWEIR of the RAS) // MEMO. 2009. No. 2. P. 64–74.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-31-48>
УДК [947.084:355.21](470.67)

Каймаразов Г.Ш., Каймаразова Л.Г.

ВОИНСКАЯ ОБЯЗАННОСТЬ И ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ДАГЕСТАНЕ В 1917–1928 ГГ.: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Каймаразов Гани Шихвалиевич,

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия
тел.: +7 (928) 941 28 06

Каймаразова Лейла Ганиевна,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия
e-mail: kaymarazova@mail.ru
тел.: +7 (928) 941 28 06

Аннотация

Актуальность рассматриваемой в статье проблемы связана с растущим интересом к историческому опыту национального военного строительства, исполнения гражданами Российской Федерации воинской обязанности, а также к четко обозначившимся в последнее время вопросам развития Вооруженных Сил РФ. С использованием наработок отечественной и зарубежной историографии, на основе анализа архивных и литературных источников, эго-документов и материалов периодических изданий, часть которых вводится в научный оборот впервые, с применением принципа историзма, сравнительно-исторического, проблемно-хронологического, биографического, описательного методов изучен процесс национального военного строительства и введения воинской обязанности в Дагестане в обозначенные хронологические рамки. С учетом особенностей, связанных с приверженностью населения Дагестана к местным традициям и нормам ислама, многонационального состава региона, уровня его социально-экономического, политического и социально-культурного развития рассмотрен исторический аспект проблемы в дореволюционный период, в годы революционных событий 1917 г., Гражданской войны и интервенции, даны оценки советского национального военного строительства в 1920–1928 гг., вплоть до первого обязательного призыва представителей народов Дагестана на действительную военную службу в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии. Намечены основные перспективы дальнейшей научной разработки проблемы, результаты которой могут быть использованы при написании трудов по истории Северного Кавказа и Дагестана, подготовке спецкурсов

для гуманитарных факультетов высших учебных заведений, в практической работе государственных учреждений и организаций.

Ключевые слова: военное строительство, воинская обязанность, вооруженные силы, Красная армия, Дагестан, территориальные и национальные формирования, призыв, мобилизация, ранний советский период

Для цитирования: Каймаразов Г.Ш., Каймаразова Л.Г. Воинская обязанность и военное строительство в Дагестане в 1917–1928 гг.: исторический аспект // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Том 14, № 4. С. 31–48. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-31-48>.

Kaymarazov G.Sh., Kaymarazova L.G.

MILITARY DUTY AND MILITARY CONSTRUCTION IN DAGESTAN IN 1917–1928: A HISTORICAL ASPECT

Kaymarazov Ganih Shikhvalievich,

Doctor of History, a professor, a chief researcher of the Department of Modern and Contemporary History of Dagestan Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia
tel.: +7 (928) 941 28 06

Kaymarazova Leyla Ganhieva, *Candidate of History, a leading researcher of the Department of Modern and Contemporary History of Dagestan Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia*
e-mail: kaymarazova@mail.ru
tel.: +7 (928) 941 28 06

Abstract

The relevance of the research problem is connected with the growing interest in the historical experience of national military construction, the performance of military duties by the citizens of the Russian Federation, as well as in the issues of development of the Armed Forces of the Russian Federation that have clearly emerged recently. Using the developments of domestic and foreign historiography, based on the analysis of archival and literary sources, ego-documents and materials of periodicals, some of which are introduced into scientific circulation for the first time, using the principle of historicism, comparative historical, problem and chronological, biographical, descriptive methods, the process of national military construction and the introduction of military duty in Dagestan have studied within the designated chronological framework.

Taking into account the peculiarities associated with the adherence of the population of Dagestan to local traditions and norms of Islam, the multinational composition of the region, the level of its social and economic, political and socio-cultural development, the historical aspect of the problem have been considered in the pre-revolutionary period, during the revolutionary events of 1917, the Civil War and intervention; the Soviet national military construction in 1920–1928 up to the first mandatory conscription of representatives of the peoples of Dagestan for active military service in

the ranks of the Workers 'and Peasants' Red Army have been estimated. The main prospects for the further scientific development of the problem have been outlined, the results of which can be used in writing works on the history of the North Caucasus and Dagestan, preparing special courses for the humanitarian faculties of higher educational institutions, and in the practical work of state institutions and organizations.

Keywords: military construction, conscription, the armed forces, the Red Army, Dagestan, territorial and national formations, conscription, mobilization, early Soviet period

For citation: Kaimarazov G.Sh., Kaimarazova L.G. *Military duty and military construction in Dagestan in 1917–1928: a historical aspect* // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2022. Volume 14, No. 4. P. 31-48. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-31-48>.

Введение

Актуальность проблемы. Научная проблема, рассматриваемая в статье, обозначилась в ходе выполнения исследования о гендерном аспекте социально-культурного развития Дагестана в XX в., акцент в котором, что в целом характерно для отечественной историографии, смещен в сторону «женской» истории. В последнее время в сфере исторических разработок новейшего времени актуализируются различные аспекты истории, где женщин мало, т.е. преимущественно «мужской», или «маскулинной» истории, связанной с военными конфликтами и боевыми действиями, военным строительством, в том числе в национальных районах страны, с исполнением гражданами РФ воинской обязанности. Возрастающий интерес к этой проблематике объясняется назревшими вопросами дальнейшего развития Вооруженных сил Российской Федерации, последними военно-политическими событиями в мире и на постсоветском пространстве, и требует изучения и обобщения исторического опыта, в том числе опыта первых десятилетий советского периода.

Цель и задачи исследования. Цель исследования – изучение истории военного строительства и введения воинской обязанности в многонациональном Дагестане в 1917–1928 гг. При этом мы исходили из современной трактовки понятий, определяемых законодательством РФ, в

частности о том, что «воинская обязанность граждан Российской Федерации предусматривает: воинский учет, обязательную подготовку к военной службе, призыв на военную службу, пребывание в запасе, призыв на военные сборы и прохождение военных сборов в период пребывания в запасе» [42].

В ходе проведения исследования были поставлены следующие задачи: осветить исторический аспект формирования воинской обязанности в Дагестане; охарактеризовать начальный этап советского военного строительства в обозначенные хронологические рамки, отметить его особенности и показать вовлечение региона в общероссийский процесс развития вооруженных сил страны. Исследование выполнялось на стыке традиционной, политической и социальной истории, истории повседневности и гендерной истории.

Историография проблемы. Первые печатные труды, в которых освещалась роль Красной армии в исторических судьбах многонационального Дагестана и первые шаги по военному строительству в регионе появились в 1920-е гг. Среди авторов публикаций по теме исследования – А.И. Тодорский [40], Н.П. Столяров [37], Н.П. Самурский [36], А.А. Тахо-Годи [39]. Книги, богатые фактическим материалом и «живыми» свидетельствами непосредственных участников событий, на протяжении десятилетий оставались

ценным источником для исследований не только отечественных, но и зарубежных авторов [44, р. 121–143].

В исторической литературе последующих лет в традиционном для советской историографии марксистско-ленинском ключе получила широкое освещение военная помощь Красной армии в установлении советской власти в крае. Общая историческая картина проблемы представлена в обобщающих трудах по истории Дагестана [29; 18; 17]. Значимый вклад в разработку проблемы в плане вовлечения в научный оборот нового фактического материала и документальных источников, а также научных обобщений внесли И.Э. Разгон и А.И. Мельчин [33], Н.П. Эмиров [43], Г.А. Аликберов [2], Б.О. Кашкаев [22], А.-Г.С. Гаджиев [11] и др. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает исследование А.С. Кулиш-Амирхановой [24], в котором автор касается исторического аспекта вопросов, связанных с советским военным строительством в республике.

Достижения современной отечественной исторической науки в интересующей нас теме связаны с именами Н.В. Подпряткова [32], Б.Г. Кадырова [19], Э.-Б.Р. Назиха [28]. В последние годы вопросы национального строительства в Вооруженных силах СССР успешно разрабатывает А.Ю. Безугольный [4; 5; 6; 7], который в свои исследования активно привлекает материал по Северному Кавказу и Дагестану. На разнохарактерном фактическом материале исследовал повседневные практики красноармейцев 1920-х гг. и рассматривал Красную армию как один из важнейших институтов мужской социализации в условиях раннего советского общества А.Ю. Рожков [34]. К проблеме военно-политического противостояния в регионе в годы Гражданской войны обращался В.Б. Лобанов, охарактеризовавший состав и деятельность противоборствующих вооруженных сил, непосредственно участвующих в боевых действиях [25].

Проблемы советского национально-военного строительства не вызывали живого интереса у западных исследователей, хотя в последние десятилетия вышли монографии Р. Рисса, А. Романо, М. фон Хагена, Д. Гланца [4], С. Бернштейна [8], посвященные как социальной истории Красной армии в раннем советском обществе, так и проблемам всеобщей милитаризации общественного сознания, взаимоотношениям армии и различных социальных слоев населения.

Региональные исследователи специально вопросами советского военного строительства, призыва представителей многонационального края на военную службу в обозначенные хронологические рамки не занимались. Не касались ученые и социально-культурного, политико-воспитательного, гендерного аспектов проблемы. В предлагаемой вниманию читателей статье мы отчасти постараемся восполнить эти пробелы.

Источниковая база исследования. Источниковую базу составили традиционные для проведения исторического исследования материалы – законодательные и нормативные документы органов государственной власти и управления, делопроизводственные материалы центрального и регионального уровня о военном строительстве, дополняющие их данные периодической печати, статистические, справочно-биографические сведения, источники личного происхождения. Дагестанские исследователи проделали большую работу по публикации воспоминаний участников боевых действий в годы Гражданской войны и интервенции [9; 10; 35; 20]. Нами также привлекались фонды Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД) и материалы периодических изданий («Красный Дагестан», а с 1932 г. – «Дагестанская правда»).

Методы исследования. В основу разработки проблемы были положены принципы историзма и объективности,

что позволило рассматривать освещаемые события во взаимосвязи с конкретной исторической обстановкой первых десятилетий социалистической модернизации, связанной с радикальными изменениями в социально-экономических, общественно-политических, социально-культурных отношениях, органичной частью которой стало советское военное строительство в многонациональном регионе. Это позволило избегать излишней идеологизации в трактовке рассматриваемых вопросов. Проблемно-хронологический метод помогал изучать события в их исторической последовательности, сравнительно-исторический метод обеспечил возможность сравнивать их с аналогичными процессами в других национальных районах страны. В оценке достоверности отраженных в источниках сведений, особенно в материалах местной советской периодической печати, как транслятора сложившейся новой информационной системы, не последнюю роль сыграл теоретико-информационный метод. Использование историко-биографического метода позволило привлечь данные, содержащиеся в эго-документах участников описываемых исторических событий и позволяющие их реконструировать. Правомерным считаем применение описательного метода, поскольку основной массив вовлеченных в исследование источников во многом носит описательный характер.

Основная часть

Воинская обязанность в Дагестане и начало военного строительства: из истории вопроса. Как известно, многонациональные Вооруженные силы Российской Федерации комплектуются представителями всех народов страны, и процесс этот имеет свою историю. Мы совершим краткий исторический экскурс, который поможет понять, что предшествовало начальному этапу советского военного строительства в многонациональном Дагестане.

Дагестанские исследователи в своих трудах в той или иной мере затрагивали вопросы, связанные с несением военной службы в русской армии после присоединения Дагестана к России. Наиболее последовательно, на наш взгляд, эта проблема освещена в монографии М.И. Абдулаевой, которая выделила основные этапы привлечения горцев на военную службу в царской России и пришла к выводу, что определенная часть мужского населения Дагестана сделала свой выбор в пользу военной профессии [1]. Царское правительство привлекало горцев к службе только на иррегулярной основе: оно не вводило обязательной воинской повинности для мусульманской части населения Кавказа (мусульмане платили специальный «воинский» налог). Создавалась лояльная по отношению к власти прослойка, имеющая дополнительную возможность пробиться в ряды местной элиты и быть вовлеченной в общероссийские общественные и культурные процессы [1, с. 48; 127]. Горцы Дагестана служили в составе 1-го Дагестанского конно-иррегулярного полка (1852), косяк которого составили «Дагестанские всадники» [1, с. 58–59], 2-го Дагестанского конно-иррегулярного полка (1876), 3-го Дагестанского конно-иррегулярного полка (1877), а также в драгунских, гусарских, казачьих частях русской армии и в Лейб-гвардии Кавказско-горского эскадрона Конвоя Его Императорского Величества. 1-й Дагестанский конный полк, закончивший Первую мировую войну в составе Кавказской казачьей дивизии, в сентябре 1917 г. вошел в Кавказский туземный конный корпус. 2-й конный полк находился в составе Кавказской туземной конной дивизии, которая в военных кругах, да и в обиходе, получила название «Дикой» [1, с. 111–112]. В императорском Конвое в разные годы служили дагестанцы – представители известных на Кавказе фамилий: сын Шамиля Мухаммад-Шафи, Хасай-хан Уцмиев, отец

видного революционера, стоявшего у истоков государственности Дагестана, Джелалэддина Коркмасова – Асельдер Коркмасов, отец дагестанского революционера, активного борца за советскую власть Уллубия Буйнакского – Даниялбек Буйнакский, отец известного дагестанского художника Халил-бека Мусаева Ибрафил Манижал Мусаев и многие другие. После окончания службы в Конное большинство дагестанцев возвращалось на родину, где они продолжали служить в военных частях, либо, с учетом полученной образовательной и профессиональной подготовки, использовались в административном аппарате области.

Охватившие страну в 1917 г. революционные процессы сказались как на российской армии в целом, так и на гарнизонах, расквартированных в населенных пунктах Дагестанской области, в частности, на настроениях в дагестанских конных полках, что выразилось и в стихийной демобилизации. Представители советской дагестанской историографии, разрабатывавшие интересующие нас вопросы, считали, что формирование советских вооруженных сил в Дагестане началось сразу после октября 1917 г. [24, с. 25; 22]. Военно-революционный комитет Порт-Петровского Совета рабочих и военных депутатов создал собственные вооруженные силы из рабочих города и крестьян ближайших аулов по образцу Красной гвардии, а затем приступил к формированию регулярных воинских частей. Так появился Интернациональный полк численностью от 200 [22, с. 35] до 300 бойцов [13, с. 13], в состав которого, помимо русских, вошли представители почти всех дагестанских национальностей [24, с. 27].

В революционных событиях 1917 г., а затем Гражданской войны и интервенции, в борьбе против советской власти на стороне Областного исполкома, милли-комитета и Терско-Дагестанского правительства, а после – Горского

правительства выступал 2-й Дагестанский конный полк. Помимо этого, активное участие в событиях принимали отряды милли-милиции (местной национальной милиции), отряды Н. Гоцинского, Н. Тарковского, М. Халилова. С весны 1919 по весну 1920 гг. два дагестанских конных полка входили в Сводно-горскую конную дивизию Вооруженных сил Юга России в составе Добровольческой армии [30, с. 38].

В конце 1917 г. местные социалисты установили советскую власть в Порт-Петровске, а затем, используя приверженность населения исламу и в противовес ратовавшему за шариатское правление в Дагестане Н. Гоцинскому, назначили новым шейх-уль-исламом А.-Х. Акушинского, тем самым расколов единый шариатский лагерь. В мае 1918 гг. они завладели Темир-Хан-Шурой и, объявив Дагестанскую область частью РСФСР, приступили к осуществлению мероприятий советской власти. Именно в этот момент остро встал вопрос о создании дагестанской Красной армии. Большую помощь в этом оказали командиры и бойцы частей Красной армии, прибывшие из России. В формируемые части вступали и бывшие всадники 1-го и 2-го Дагестанских конных полков, за которыми, помимо уже обретенного боевого опыта, стояло знание дагестанских языков, местных условий и тактики боевых действий в горах. Так, в Темир-Хан-Шуре из бывших всадников 1-го Дагестанского конного полка был сформирован красный эскадрон [24, с. 31], а из сельских добровольцев – Первый Дагестанский конный красноармейский полк. К июлю 1918 г. в Дагестане были созданы несколько советских красноармейских частей – пехотный полк, 1-й Дагестанский конный полк, укомплектованы артиллерийские батареи и бронепоезда [24, с. 32]. Их численный состав, с учетом действовавшего в Дагестане Астраханского отряда, доходил до 4,5 тыс. человек [24, с. 32].

В августе 1918 г. вооруженное противостояние большевиков и шариатистов в области было прервано наступлением отряда Л.Ф. Бичерахова, планы которого по созданию антибольшевистского правительства были нарушены в октябре 1918 г. вторжением в Дагестан турецко-горских сил: формально турки были приглашены новоявленным Горским правительством, и большая их часть покинула территорию Дагестанской области в конце 1918 г. после поражения Германии в Первой мировой войне. На смену им пришли представители британской военной миссии, вытесненные из Дагестана в мае 1919 г. войсками генерала А.И. Деникина, назначившим правителем Дагестана генерала М. Халилова [25, с. 462–464]. Уже с начала 1919 г. во многих аулах сторонникам советской власти по образцу частей и подразделений армии советской России была создана сеть вооруженных отрядов численностью около 8 тыс. человек [24, с. 37]. Борьбой организованных отрядов красных партизан против деникинских войск летом и осенью 1919 г. руководил единый штаб – Совет обороны Северного Кавказа и Дагестана, а сама повстанческая армия (численность ее к тому времени достигала до 10 тыс. человек [36, с. 75]) была укомплектована военными специалистами различного профиля и разных национальностей. В составе армии сражались бойцы и офицеры XI Красной армии, и именно из их числа на Дербентском фронте был сформирован Первый Дербентский полк. Совместные действия партизанских отрядов и частей Красной армии обеспечили победу советской власти в Дагестане в марте 1920 г. и решительно закрепили этот успех в 1920–1921 гг. в ходе подавления антисоветского восстания под руководством Н. Гоцинского.

В условиях мирной жизни социалистического строительства из плеяды политических организаторов масс и борцов за советскую власть вышли лидеры

советской партийной дагестанской интеллигенции: Дж.А. Кокмасов, А.А. Тахо-Годи, С.И. Габиев, М.А. Далгат, Н.П. Самурский и др. Революционные события 1917 г. и Гражданская война выдвинули из числа ее непосредственных участников и ярких представителей нарождающейся советской военной элиты. В контексте Дагестана речь идет, прежде всего, о Гамиде Далгат и Абу-Муслиме Атаеве, которые играли видную роль на сцене театра военных действий в период революции 1917 г. и Гражданской войны и посвятили свою яркую, но недолгую жизнь военному делу. Военная карьера Г. Далгат и А.-М. Атаева строилась в то время, когда в Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) происходили радикальные преобразования, значительные кадровые перестановки, существенные социокультурные, этнокультурные изменения, менялся состав военной элиты в военно-образовательном, социально-политическом отношении. Многие из современников Г. Далгат и А.-М. Атаева сходились во мнении, что этих военных-дагестанцев ждало блестящее профессиональное будущее, если бы не волна репрессий 1930-х гг., прокатившаяся по всей стране и также затронувшая Дагестан. Биографии двух дагестанских военных деятелей отражают основные этапы военно-политических процессов в крае и начального периода советского военного строительства в Дагестанской АССР.

Гамид Меджидович (Абдулмеджидович) Далгат (1895–1938) был родом из с. Урахи Даргинского округа. По окончании Темир-Хан-Шурина реального училища поступил в Екатеринославский горный институт. Революционные события февраля 1917 г. и приглашение У. Буйнакского вернули Г. Далгат в Дагестан, и он активно включился в работу агитационно-просветительского бюро. После Октября 1917 г. Далгат стал членом Военно-революционного комитета и начальником штаба Интернационального

полка. В этот период ярко проявились его способности военного организатора. В сентябре 1919 г. Г. Далгат вошел в состав восстановленного Дагестанского обкома партии, стал одним из руководителей антиденикинского восстания (под его командованием действовал партизанский отряд вдоль железной дороги от Дербента до Порт-Петровска). В феврале 1920 г. Г. Далгат был введен в обновленный состав Совета обороны и направлен на Темир-Хан-Шуринский фронт. После окончания Гражданской войны поступил в Академию Генерального штаба [38], где ему довелось учиться вместе с будущим маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым. После завершения учебы в 1924 г. направлен в Среднюю Азию, где в борьбе с басмачеством использовался опыт местных национальных формирований. Боевые заслуги красного командира из Дагестана были отмечены орденом Красного Знамени. Позже свои знания и военный опыт Г. Далгат передавал учащимся Кремлевского военного училища [38, с. 108] и Академии бронетанковых войск СССР [27], участвовал в подготовке командного состава для Красной армии, получил звание комбрига и командовал первыми мотострелковыми бригадами РККА в Белоруссии [37].

Абу-Муслим (Муслим) Гаджиевич Атаев (1891–1939), уроженец с. Хунзах, после окончания двухклассного училища работал помощником писаря в канцелярии начальника Гунибского округа. В августе 1914 г. записался во 2-й Дагестанский конный полк всадником, в его составе участвовал в Первой мировой войне. После февраля 1917 г. вернулся в Дагестан, где продолжил службу в Дагестанском конном полку офицером. В 1919 г. вступил в ряды борцов за советскую власть и возглавил партизанский отряд в Аварском округе. В марте 1920 г. принимал активное участие в освобождении Темир-Хан-Шуры и Порт-Петровска от частей армии Деникина, в

ноябре 1920 г. во время антисоветского восстания организовал защиту осажденной отрядами Н. Гоцинского крепости Хунзах, за что был награжден орденом Красного Знамени. Летом 1921 г. его отряд численностью более 500 партизан вошел в Дагестанский кавалерийский полк. Впоследствии Муслим Атаев был народным комиссаром внутренних дел, военным комиссаром Дагестана, возглавлял Дагестанский совет физической культуры. В 1922–1923 гг. проходил обучение на высших военно-академических курсах в Москве. Его однокурсниками в этом учебном заведении были известные военачальники Красной армии И.П. Уборевич, И.С. Конев, Н.Ф. Ватутин. С 1933 по 1936 гг. А.-М. Атаев учился в военной академии, после окончания которой служил в звании генерал-майора в рядах Красной армии [26]. А.-М. Атаев стал автором небольшой книжки «Национальные формирования в Дагестане и зачем нужна обязательная военная служба» (1928), материалы которой, переведенные на национальные языки, широко использовались в агитационно-пропагандистской работе среди юношей Дагестана, достигших призывного возраста.

Во второй половине 1920-х гг. в Дагестане развернулся процесс социалистического строительства. К 1926 г. была восстановлена и оснащена новым оборудованием промышленность Дагестана, достигнут довоенный уровень в животноводстве, задействованы две трети посевных площадей в полеводстве. Республика включилась в процесс индустриализации. Росло число фабрично-заводских предприятий, в 1939 г. вышел на проектную мощность крупный завод тяжелой промышленности «Двигательстрой», в 1940 г. вступила в строй Гергебильская ГЭС. Была проведена техническая реконструкция всех отраслей промышленности Дагестанской АССР, и ее доля в народном хозяйстве превысила 50%. Коллективизация сельского хозяйства

*Члены Совета обороны Северного Кавказа и Дагестана и командиры отрядов красных партизан.
Д. Коркмасов, В. Шеболдаев, Д. Ибрагимов, О. Османов, Р. Нуров, М. Далгат, Г. Далгат,
К. Караев, Д. Саидов и др. 1919 г.*

© Центральный государственный архив Республики Дагестан;
© Личный архив Г.Ш. Каймаразова

республики фактически завершилась в 1940 г., и в итоге ее проведения на селе появились крупные производственные объединения, что способствовало росту эффективности сельскохозяйственного производства. После образования Дагестанской АССР и принятия первой Конституции Дагестана (1921) произошли существенные изменения в общественно-политической жизни республики. Больших успехов народы Дагестана добились в области культурного строительства – в деле ликвидации неграмотности населения, введения всеобщего начального обучения, начале осуществления всеобщего семилетнего обучения. В республике были построены сотни новых школ и детских учреждений, открыты вузы и

средние специальные учебные заведения, созданы научные, новые культурные и культурно-просветительные учреждения, увеличилось число издаваемых газет и журналов. Как государственная система формировалось здравоохранение. Изменения, произошедшие в социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни республики, вызвали необходимость законодательного закрепления, что и произошло с принятием новой Конституции ДАССР в 1937 г. Статьи новой Конституции, посвященные правам и обязанностям граждан, воспроизводили соответствующие положения Конституций СССР и РСФСР. Впервые в Конституции были закреплены право на труд, на отдых, на материальное

обеспечение, на образование, право на неприкосновенность личности, жилища, на тайну переписки, а также обязанности граждан – беречь и укреплять социалистическую собственность, соблюдать Конституции СССР, РСФСР и ДАССР, исполнять законы и др. Почетной обязанностью Конституция признавала службу в рядах Вооруженных сил СССР, а защиту Отечества – священным долгом каждого гражданина республики [41, с. 163].

Советское военное строительство в 1920–1928 гг.: дагестанский контекст. 30 декабря 1920 г. VIII Всероссийский съезд Советов объявил о переводе РККА на мирное положение. Правовой основой первого призыва мирного времени стал декрет ВЦИК и СНК «Об обязательной воинской повинности для всех граждан РСФСР мужского пола» от 28 сентября 1922 г., согласно которому к военной службе привлекались молодые люди в возрасте 20 лет, за исключением представителей «враждебных классов». Декрет предусматривал отсрочки по образованию, семейному положению и состоянию здоровья.

В 1924–1925 гг. была осуществлена военная реформа, которая в отечественной историографии связана с именем М.В. Фрунзе, по существу ставшим инициатором полномасштабной реорганизации вооруженных сил, начавшейся еще с 1921 г. По финансово-экономическим причинам с августа 1923 г. РККА стала строиться по смешанному принципу: основу ее составляли кадровые части (непрерывная служба в рядах вооруженных сил) и иррегулярные формирования (периодические учебные военные сборы: в 17 территориальных дивизиях ежегодно проходили военную подготовку 150–200 тыс. человек) [34, с. 381]. Территориальные части дислоцировались преимущественно во внутренних военных округах. Одновременно с развитием территориальных шло развитие национальных формирований, большая часть

которых комплектовалась по территориальному принципу, позволяющему вовлекать гражданина в военный быт и обеспечивающему минимальный его отрыв от родных мест [4, с. 68]. Постоянный состав территориальных войск составлял незначительную часть штатной численности, а основная часть командиров, политработников, бойцов призывалась на кратковременные учебные сборы. Подобный опыт на тот момент уже имелся в 9-й Донской стрелковой дивизии Северо-Кавказского военного округа (СКВО) [23, с. 112]. В 1925 г. на территориальную систему комплектования была переведена 13-я Дагестанская стрелковая дивизия, которой командовал И.И. Эльферт [23, с. 113]. Позже из горских народов СКВО был создан отдельный национальный территориальный кавалерийский полк, который развернулся в Отдельную национально-территориальную кавалерийскую бригаду. Обстоятельно вопросы формирования и деятельности дагестанских национальных частей Красной армии рассматривает в одной из своих статей А.Ю. Безугольный [6]. Строительство национальных формирований РККА в 1920–1930-х гг. исследователь связывает с государственной политикой «коренизации», а национальное военное строительство на Северном Кавказе, прежде всего, с Дагестаном. По его мнению, местные революционные элиты вышли из Гражданской войны наиболее консолидированными и организованными, многочисленные дагестанские партизанские отряды сыграли важную роль в установлении советской власти в регионе и ее дальнейшем удержании во время контрреволюционного восстания Н. Гоцинского, а для дагестанских большевиков национальные войска представлялись символом их революционной идентичности и первенства среди других горских народов [6, с. 88].

Подтверждение этому тезису исследователя мы находим и в упомянутой

нами брошюре А.-М. Атаева, и в документальных свидетельствах из ЦГА РД. В 1921 г. Дагестанский ревком заявил о необходимости создать дагестанские национальные части РККА. Трудно не согласиться с мнением А.Ю. Безугольного, что местные национальные политические элиты понимали создание местных красных армий как способ подтверждения собственного государственного суверенитета, а национальные красные армии воспринимались не как сегмент РККА, а именно как армии независимых национальных республик, ассоциированные с РККА на тех или иных условиях, о которых еще предстояло договориться [4, с. 76–77]. Аналогичные выводы можно сделать и по сюжетам из истории советского военного строительства в республиках Закавказья, в частности, в Азербайджанской ССР [16, с. 23].

17 апреля 1921 г. в своей докладной записке в Дагестанский обком РКП(б) и ЦИК ДАССР военный комиссар ДАССР Г.М. Зусманович¹ о назревшем вопросе привлечения дагестанцев в ряды национальных РККА писал: «...Принимая во внимание нравы и быт племен Кавказа, так как о мобилизации² и речи быть не может, то полагаю принцип вербовки установить на следующих основаниях – путем разверстки на каждый Окрревком-Военкомат, дабы население Дагестана знало, что оно идет служить

в войсках Красной армии Дагестана». Вступление в эти войска должно было осуществляться на принципе добровольности сроком службы не менее 3-х лет для лиц от 20 до 30 лет. По разверстке, основанной на данных 1917 г., на службу предлагалось привлечь 5100 молодых дагестанцев от округов республики, исключая Хасавюртовский округ, обстановка в котором была крайне неспокойной [15, л. 64, 64 об.].

3 мая 1921 г. вышел декрет о начале добровольной вербовки населения Дагестана в возрасте от 19 до 25 лет (1896–1901 г. р.) [3, с. 14]. Проведение вербовки добровольцев было возложено на Краевой военный комиссариат. 29 мая 1921 г. началось формирование Отдельной дагестанской бригады, 3-х стрелковых полков, одного кавалерийского полка и роты связи [3, с. 14]. Полки укомплектовывались представителями горской бедноты из партизанских отрядов, добровольцами и завербованными горцами. Командование бригадой было поручено А.-М. Атаеву. К августу 1921 г. бригада имела в своем составе 72% дагестанцев, а к примеру, конный полк, сформированный из партизанского отряда самого Атаева, состоял исключительно из дагестанцев. В середине 1921 г., после пополнения бригады 101-м легким артиллерийским дивизионом и отдельной конно-горной батареей, формирование бригады было завершено. После прошедшей по Красной армии демобилизации старших возрастов, из бригады было уволено значительное число подпавших под приказы дагестанцев-добровольцев, и новое пополнение происходило в основном за счет молодежи русской национальности [3, с. 15].

В начале 1923 г. правительство Дагестана поставило перед Центром вопрос о необходимости формирования Дагестанского национального полка на добровольных началах. 12 ноября 1923 г. в соответствии с приказом РВС (Реввоенсовет, Революционный военный совет) СССР в

¹ Г.М. Зусманович являлся военным комиссаром ДАССР в 1921–1922 гг.

² Используемый в данном, да и в других случаях термин «мобилизация» – это язык документа. По сути, он не отражает его современного содержания. В истории России мобилизации проводились трижды и были связаны с крупными военными конфликтами: в Первую мировую войну (1914), в Великую Отечественную войну (1941) и в дни специальной военной операции по защите Донбасса (2022). Мы же, сохраняя оригинальный текст документа, исходим из трактовки понятия в Федеральном Законе от 26.02.1997 № 31-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации».

республике началось формирование Отдельного национального кавалерийского эскадрона. Он был полностью укомплектован в относительно короткие сроки.

Поскольку представители народов Дагестанской области, согласно традиционной трактовке советской историографии, в силу своей культурной отсталости или политической нелояльности к царскому режиму в дореволюционный период на военную службу не призывались, в Дагестане воинский учет не велся. Поэтому при формировании национального эскадрона расчет делался исключительно на принцип добровольности. Новость быстро распространилась среди мужской части населения республики и вызвала наплыв желающих пройти военную подготовку. Тогда РВС разрешил сформировать 2-й эскадрон, работа по укомплектованию которого завершилась к 25 октября 1925 г. Позже оба эскадрона были сведены в Отдельный Дагестанский национальный кавалерийский эскадрон, но и в этом случае он не мог включить в свои ряды всех желающих. С учетом этих обстоятельств появлялись инициативы, в том числе и Дагестанского обкома ВЛКСМ, распространения на население Дагестана Закона «Об обязательной военной службе» [12, с. 93].

При формировании 2-го национального кавалерийского эскадрона, исходя из предполагаемой численности его состава, было определено необходимое количество комплектов обмундирования (черкески, азиатские бешметы, кавказские бурки, кавказские башлыки, кавказские папахи) и вооружения (шашка, кинжал, кавказский пояс, портупея). Самая большая статья расходов приходилась на покупку лошадей, седел с хурджинами (переметная тканная сумка – авт.) и конским снаряжением: требуемые для этого денежные средства почти в 7 раз превосходили расходы на национальное обмундирование. Закупка лошадей производилась в Чечне, Кабарде и Карачае. Помимо

этого, предусматривалось обеспечение военнотружущих сапогами, суконными шароварами, нательным бельем, постельными принадлежностями, кухонной посудой, котелками, кружками для чая, ведрами для водопоя лошадей, а также оружием (винтовками, револьверами для комсостава, пиками, ружьями-пулеметами) [14, л. 60, 60 об.]. Вся организационная работа по формированию 2-го эскадрона возлагалась на Дагвоенкомат [14, л. 60, 60 об., 61, 62], который ранее обеспечивал мероприятия по созданию 1-го эскадрона, включая определение штата. В штат 2-го эскадрона добавлялись две новые должности – учителя-переводчика и делопроизводителя [14, л. 61]. Для состоящих в кавалерийском эскадроне сложился следующий распорядок дня: подъем – в 6.00 утра, уборка лошадей – в 6.30, утренний чай – в 7.00, утренний смотр и поверка – от 7.30 до 8.00, утренние занятия – от 8.00 до 11.45, обед и отдых – с 12.00 до 14.00, послеобеденные занятия – с 14.00 до 17.00, вечерняя уборка лошадей – от 17.00 до 18.00, ужин – в 18.00, вечерняя поверка – в 21.00, после вечерней поверки – отдых [14, л. 62].

Пребывание в составе национальных формирований, организация национальной командной школы, открытие при Окружной военно-политической школе национального отделения для подготовки политработников-националов, командирование лиц командного состава на высшие кавалерийские курсы создавали условия не только для дальнейшего роста национальных формирований, но и для подготовки горской молодежи к дальнейшей созидательной работе в городе и ауле: на предприятиях, в милиции, советском аппарате и т.д. [3, с. 18]. «Возвращающиеся из Красной армии по отбытии срока действительной службы красноармейцы представляют из себя ценных работников, прошедших военную и политическую подготовку, вполне

подготовленных к работе в ауле и даже районном аппарате, и являются верными проводниками линии партии в ауле. Красная армия в данном случае в деле подготовки кадров для Дагестана является большой школой, дающей не только сознательных бойцов, но и хорошо подготовленных работников, в которых Дагестан очень нуждается» [12, с. 94].

Первый всеобщий призыв в РККА состоялся в 1924 г., но тогда обязательный призыв дагестанцев не осуществлялся. Не проводился он и в 1925 г. после принятия в сентябре Закона «Об обязательной военной службе», хотя в качестве пробного был осуществлен призыв из других национальных районов страны, которые, настойчиво заявляя Центру о желании направить свою молодежь на службу в рядах РККА, демонстрировали преданность советской власти и свою политическую зрелость. По графику распространения закона по областям для большинства он вступал в силу с осени 1927 г., а для Дагестана и Чечни – с осени 1928 г. Военное строительство должно было идти по пути создания национальных формирований и частичного внедрения целыми подразделениями горских народностей в некоторые общевойсковые части РККА, комплектуемые преимущественно русскими (национальные роты, батальоны, эскадроны). Отмечалась важность учета «особенностей бытового порядка» горских народов, и военное строительство предлагалось осуществлять по родам войск, в основном, кавалерийским и стрелковым [21, с. 227].

Закон «Об обязательной военной службе» 1925 г. определил основные черты советской призывной системы: классовый подход, формы обязательной военной службы (допризывная подготовка, действительная военная служба, служба в запасе), срок действительной военной службы и очередность призыва в армию на случай мобилизации в военное время. В призывных законах

1928 и 1930 гг. последовали уточнения некоторых положений Закона 1925 г. [4, с. 54–55].

В 1926 г. в Дагестане приступили к проведению допризывной военной подготовки. Через учебные пункты в Самурском, Аварском, Гунибском и Махачкалинском округах было пропущено несколько сотен представителей горской молодежи. Помимо изучения военного дела молодые дагестанцы проходили политико-воспитательную школу. В последующие годы работа по открытию учебных пунктов была продолжена и при сохранении добровольного принципа допризывной подготовки, росло число желающих пройти это обучение. Часть советских работников Дагестана считали, что введение в Дагестане всеобщей обязательной военной службы позволит значительно ускорить советское строительство на местах [3, с. 24]. Активно в этом направлении работал начальник Территориального управления ДАССР¹ А.-М. Атаев. В письме в Дагестанский комитет ВКП (б) от 10 октября 1927 г. он изложил свое мнение о назревшей необходимости введения в Дагестане Закона «Об обязательной военной службе» и предлагал приступить к подготовительным мероприятиям для решения этого вопроса. А.-М. Атаев считал: нужно принимать во внимание, что республика отстает в своем культурном развитии от других районов страны, а Красная армия, являясь бесспорной военно-политической и культурной школой для молодых дагестанцев, сделает из прослуживших в армии граждан активных проводников советской власти в ауле [31, л. 68, 68 об.].

Первый обязательный призыв в Дагестане был проведен в 1928 г. По оценкам дагестанского руководства, последующие призывы проходили в условиях возрастания интереса дагестанцев к военной службе [12, с. 94].

¹ Местный орган военного управления.

Заключение

Основные результаты и перспективы исследования. Таким образом, мы охарактеризовали предысторию и начальный этап советского военного строительства в Дагестане и пришли к следующим выводам: во-первых, в Дагестане в рассматриваемый период началось осуществление допризывной военной подготовки; во-вторых, в республике сохранялся добровольный принцип допризывной подготовки и при этом росло число желающих пройти военное обучение в открывающихся учебных пунктах; в-третьих, помимо изучения военного дела молодые дагестанцы проходили образовательную и политическую подготовку, что становилось важным условием их успешного использования в процессах советского строительства.

Перспективы дальнейшего исследования связаны, прежде всего, с рассмотрением вопросов налаживания военного учета населения и допризывной подготовки молодежи с учетом многонационального состава, уровня экономического, политического и культурного развития региона. Представляется весьма актуальным изучение опыта советского

военного национального строительства, позволяющего поэтапно и планомерно вовлекать народы национальных районов в общероссийский процесс социалистической модернизации. Выполненное исследование привело нас к мысли о необходимости детального рассмотрения гендерного аспекта проблемы, соотношения мужского и женского в условиях милитаризирующегося советского общества при нарастающей опасности крупномасштабного военного конфликта. Весьма важной представляется углубленная разработка политико-воспитательной составляющей вопроса, поскольку впервые в истории Дагестана в ранний советский период планомерно проводилась массовая идеологическая, воспитательная и военно-оборонная работа для подготовки молодых горцев к службе в рядах многонациональных советских вооруженных сил. Требуется и более обстоятельная разработка социально-культурной стороны освещаемой темы, связанная с анализом общеобразовательного уровня призывников и военнослужащих из многонационального региона, необходимостью овладения русским языком, состоянием их физического здоровья, культуры быта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абдулаева М.И. Дагестанцы на русской военной службе в XIX – начале XX в. Повседневная жизнь. Махачкала: АЛЕФ, 2016. 260 с.
2. Аликберов Г.А. Победа социалистической революции в Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1968. 284 с.
3. Атаев А.-М. Национальные формирования в Дагестане и зачем нужна обязательная военная служба. Махачкала: Даггосиздат, 1928. 38 с.
4. Безугольный А.Ю. «Источник дополнительной мощи Красной армии...»: национальный вопрос в военном строительстве в СССР, 1922–1945. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 271 с.
5. Безугольный А.Ю. Национальный состав Красной армии. 1918–1945. Историко-статистическое исследование. М.: Центрполиграф, 2021. 511 с.
6. Безугольный А.Ю. Реализация программы национального военного строительства в Дагестане и в горских областях Северного Кавказа в межвоенный период (1920–1930-е гг.) // Вестник Дагестанского научного центра. 2014. № 55. С. 88–94.
7. Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М.: Центрполиграф, 2012. 479 с.

8. Бернштейн С. Воспитанные при Сталине: комсомольцы и защита социализма / пер. с англ. Л.Е. Сидиковой. М.: РОССПЭН, 2018. 300 с.
9. Борьба за власть Советов в Дагестане. (Сборник воспоминаний участников) / под ред. Ш. Магомедова. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1957. 178 с.
10. В боях за власть Советов. Воспоминания участников социалистической революции и Гражданской войны в Дагестане / отв. ред. Г.А. Аликберов. Махачкала: Дагестанской книжное издательство, 1957. 326 с.
11. Гаджиев А. Помощь русского народа в установлении советской власти в Дагестане. Махачкала: Типография Дагестанского филиала АН СССР, 1963. 354 с.
12. Дагестан к 15-й годовщине Октября. Правительственная комиссия Дагестанской АССР по подготовке к 15-й годовщине Октябрьской революции. Махачкала: Даггосиздат, 1932. 94 с.
13. Далгат Г.А. О событиях в Дагестане в 1917–1918 годах // Борьба за власть Советов в Дагестане (Сборник воспоминаний участников). Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1957. С. 9–22.
14. Докладная записка Дагвоенкомата в Дагестанский обком ВКП(б) о формировании 2-го национального кавказского эскадрона, 1923 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 421.
15. Докладная записка Дагестанского краевого военного комиссара Г.М. Зусмановича в Дагестанский обком РКП (б) и ЦИК ДАССР о привлечении дагестанцев в национальные части РККА. 17 апреля 1921 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. оп. 1. Д. 194.
16. Зейналов Р.Э. Военное строительство в Азербайджанской ССР в 1920–1922 годах. Формирование и боевые действия национальных соединений в период Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1990. 46 с.
17. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 2: XX век. Махачкала: Юпитер, 2005. 657 с.
18. История Дагестана. Т. III. М.: Наука, 1968. 426 с.
19. Кадыров Б.Г. Национальная политика Советского государства в армии в межвоенный период: концепция и практика: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2002. 51 с.
20. Караев К. В горах Дагестана. Воспоминания о борьбе за власть Советов в 1917–1920 гг. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1957. 48 с.
21. Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. 400 с.
22. Кашкаев Б.О. Красная армия в Дагестане. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1964. 174 с.
23. Краснознаменный Северо-Кавказский. Очерк истории Краснознаменного Северо-Кавказского военного округа / Ганоцкий Н.Г. [и др.] Ростов н/Д: Ростовское книжное издательство, 1971. 408 с.
24. Кулиш-Амирханова А.С. Роль Красной армии в хозяйственном и культурном строительстве в Дагестане (1920–1923 гг.). Махачкала: Типография Дагестанского филиала АН СССР, 1964. 154 с.
25. Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны: религиозное, военно-политическое и идеологическое противостояние в 1917–1920-х годах. СПб.: Владимир Даль, 2017. 483 с.
26. Магомаев А.М. Муслим Атаев // Борцы за власть Советов в Дагестане: сборник. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1987. С. 49–51.
27. Моллаев А. Гамид Далгат // Дагестанская правда. 2022. 29 апр.
28. Назих Э.-Б.Р. Деятельность государственных и военных органов СССР по созданию и развитию национальных воинских формирований: 1923–1939 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 17 с.

29. Очерки истории Дагестана. Т. II. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1957. 479 с.
30. Очиров У.Б. Национальные части Юга России в период революции 1917 г. и Гражданской войны // Великая Российская революция в судьбах народов Юга России: материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием), посвященной 100-летию революции 1917 года (Элиста, 13–14 сент. 2017 г.). Элиста: Калмыцкий научный центр, 2017. С. 30–47.
31. Письмо начальника Территориального управления в Дагестанский комитет ВКП(б) о назревшей необходимости введения в Дагестане Закона «Об обязательной военной службе», 10 октября 1927 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 945.
32. Подпрятков Н.В. Роль национальных воинских формирований в годы гражданской войны на Восточном театре военных действий: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1994. 16 с.
33. Разгон И., Мельчин А. Борьба за власть Советов в Дагестане (1917–1921 гг.). Махачкала: Даггиз, 1945. 142 с.
34. Рожков А. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 640 с.
35. Роль Красной армии в хозяйственном и культурном строительстве на Северном Кавказе и в Дагестане в 1920–1922 гг.: сборник документов и воспоминаний / сост. Амирханова-Кулиш А.С. Махачкала: Типография им. С.М. Кирова, 1968. 380 с.
36. Самурский (Эфендиев) Н. Дагестан. М.-Л.: Гос. изд-во, 1925. 150 с.
37. Столяров Н.П. Борьба Красной армии в Дагестане в 1920–21 гг. М.; Л.: Гос. изд-во, отдел воен. литературы, 1928. 40 с.
38. Сулейманов С.М., Далгат А.М. Гамид Далгат // Борцы за власть Советов в Дагестане: сборник. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1987. С. 104–108.
39. Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала: Дагестанское гос. издательство, 1927. 244 с.
40. Тодорский А.И. Красная армия в горах: действия в Дагестане. М.: Военный вестник, 1924. 187 с.
41. Труженикова Л.А. Развитие государственных отношений в Дагестане после принятия Конституции 1937 года // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2006. № 4 (17), вып. 2. С. 156–164.
42. О воинской обязанности и военной службе [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 24.09.2022). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 29.09.2022).
43. Эмиров Н.П. Из истории военной интервенции и Гражданской войны в Дагестане. Махачкала: Дагестанской книжное издательство, 1972. 216 с.
44. Bennigsen-Broxsup Marie. The Last Chazawat: The 1920–1921 Uprising // The North Caucasus Barrier: The Russian Advance Towards the Muslim East / Ed. by Marie Bennigsen-Broxsup. L.: Hurst, 1992. P. 112–145.

REFERENCES:

1. Abdulaeva M.I. The Dagestanis in the Russian military service in the 19th – early 20th centuries. Everyday life. Makhachkala: ALEF, 2016. 260 p.
2. Alikberov G.A. The victory of the socialist revolution in Dagestan. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1968. 284 p.
3. Ataev A.-M. National formations in Dagestan and why compulsory military service is needed. Edition of the Territorial Administration of the DSSR. Makhachkala: Daggosizdat, 1928. 38 p.

4. Bezugolny A.Yu. "The source of the additional power of the Red Army ..." The national question in military construction in the USSR. 1922–1945. M.: Political Encyclopedia, 2016. 271 p.
5. Bezugolny A.Yu. National composition of the Red Army. 1918–1945. Historical and statistical research. M.: Tsentrpoligraf, 2021. 511 p.
6. Bezugolny A.Yu. Implementation of the program of national military construction in Dagestan and in the mountainous regions of the North Caucasus in the interwar period (1920–1930s) // Bulletin of the Dagestan Scientific Center. 2014. No. 55. P. 88–94.
7. Bezugolny A.Yu., Bugai N.F., Krinko E.F. The Highlanders of the North Caucasus in the Great Patriotic War of 1941–1945: problems of history, historiography and source studies. M.: Tsentrpoligraf, 2012. 479 p.
8. Bernstein S. Raised during Stalin's day: The Komsomol members and the defense of socialism / translated from English by L.E. Sidikova. M.: ROSSPEN, 2018. 300 p.
9. The struggle for the Soviet power in Dagestan (Collection of memories of participants) / ed. by Sh. Magomedova. Makhachkala: Dagestan book publishing house, 1957. 178 p.
10. In the battles for the power of the Soviets. Memoirs of the participants in the socialist revolution and the Civil War in Dagestan / Ed. by G.A. Alikberov. Makhachkala: Dagestan book publishing house, 1957. 326 p.
11. Gadzhiev A. Help of the Russian people in establishing the Soviet power in Dagestan. Makhachkala: Printing house of the Dagestan branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1963. 354 p.
12. Dagestan on the 15th anniversary of October. Government Commission of the Dagestan ASSR for preparations for the 15th anniversary of the October Revolution. Makhachkala: Daggosizdat, 1932. 94 p.
13. Dalgat G.A. On the events in Dagestan in 1917–1918 // The struggle for power of the Soviets in Dagestan (Collection of memoirs of the participants). Makhachkala: Dagestan book publishing house, 1957. P. 9–22.
14. Memorandum of the Dagvoenkamat to the Dagestan regional committee of the CPSU (b) on the formation of the 2nd national Caucasian squadron. 1923 // The CSA RD. F. 1-p. Op. 1. D. 421.
15. Memorandum of the Dagestan regional military commissar G.M. Zusmanovich to the Dagestan Regional Committee of the RCP (b) and the Central Executive Committee of the DASSR on attracting the Dagestanis to the national parts of the Red Army. April 17, 1921 // The CSA RD. F. 1-p. op. 1. D. 194.
16. Zeynalov R.E. Military construction in the Azerbaijan SSR in 1920–1922. Formation and combat actions of national formations during the Great Patriotic War: abstr. ... diss. ... cand. of History. Baku, 1990. 46 p.
17. History of Dagestan from the ancient times to the present day. V. 2: XX century. Makhachkala: Jupiter, 2005. 657 p.
18. History of Dagestan. V. III. M.: Nauka, 1968. 426 p.
19. Kadyrov B.G. National policy of the Soviet state in the army in the interwar period: concept and practice: abstr. ... dis. ... Dr. of History. Kazan, 2002. 51 p.
20. Karaev K. In the mountains of Dagestan. Memories of the struggle for power of the Soviets in 1917–1920. Makhachkala: Dagestan book publishing house, 1957. 48 p.
21. Karpov Yu.Yu. The national policy of the Soviet state in the North Caucasian periphery in the 20–30s. XX century: the evolution of problems and solutions. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2017. 400 p.
22. Kashkaev B.O. The Red Army in Dagestan. Makhachkala: Dagestan book publishing house, 1964. 174 p.
23. The Red Banner of the North Caucasian. Essay on the history of the Red Banner of the North Caucasian Military District / Group of authors Ganotsky N.G., Karaev N.I., Kozlov A.I. [et al.] Rostov-on-Don: Rostov book publishing house, 1971. 408 p.

24. Kulish-Amirkhanova A.S. The role of the Red Army in the economic and cultural construction in Dagestan (1920–1923). Makhachkala: Printing house of the Dagestan branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1964. 154 p.
25. Lobanov V.B. Terek and Dagestan in the fire of the Civil War: religious, military-political and ideological confrontation in 1917–1920s. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2017. 483 p.
26. Magomaev A.M. Muslim Ataev // Fighters for the Soviet Power in Dagestan: a collection. Makhachkala: Dagestan book publishing house, 1987. P. 49–51.
27. Mollaev A. Hamid Dalgat // Dagestanskaya Pravda. 2022. April 29.
28. Nazih E.-B.R. Activities of the state and military bodies of the USSR on the creation and development of national military formations: 1923–1939: abstr. of dis. ... Candidate of History. Sciences. Moscow, 2012. 17 p.
29. Essays on the history of Dagestan. V. II. Makhachkala: Dagestan book publishing house, 1957. 479 p.
30. Ochirov U.B. National parts of the South of Russia during the revolution of 1917 and the Civil War // The Great Russian Revolution in the fate of the peoples of the South of Russia. Materials of the All-Russian scientific conference (with international participation) dedicated to the 100th anniversary of the 1917 revolution. Elista. September 13–14, 2017 Elista: Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2017. P. 30–47.
31. Letter from the head of the Territorial Administration to the Dagestan Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks about the urgent need to introduce the Law “On Compulsory Military Service” in Dagestan. October 10, 1927 // The CSA RD. F. 1-p. Op. 1. D. 945.
32. Podpryatov N.V. The role of national military formations during the Civil war in the Eastern theater of operations: abstr. of dis. ... cand. of History. Perm, 1994. 16 p.
33. Razgon I., Melchin A. Struggle for the power of the Soviets in Dagestan (1917–1921). Makhachkala: Daggiz, 1945. 142 p.
34. Rozhkov A. In the circle of peers: a young man’s lifeworld in the Soviet Russia in 1920s. M.: New Literary Review, 2016. 640 p.
35. The role of the Red Army in the economic and cultural construction in the North Caucasus and Dagestan in 1920–1922: a collection of documents and memoirs / comp. by Amirkhanova-Kulish A.S. Makhachkala: Typography named after S.M. Kirov, 1968. 380 p.
36. Samursky (Efendiev) N. Dagestan. M.-L.: State. publishing house, 1925. 150 p.
37. Stolyarov N.P. The struggle of the Red Army in Dagestan in 1920–21. M.; L.: State publishing house, Military department. literature, “A Red Proletarian” publishing house, 1928. 40 p.
38. Suleimanov S.M., Dalgat A.M. Hamid Dalgat // Fighters for the Soviet Power in Dagestan: a collection. Makhachkala: Dagestan book publishing house, 1987. P. 104–108.
39. Takho-Godi A. Revolution and counter-revolution in Dagestan. Makhachkala: Dagestan State Publishing House, 1927. 244 p.
40. Todorsky A.I. The Red Army in the mountains: Actions in Dagestan. M.: Military Bulletin, 1924. 187 p.
41. Truzhenikova L.A. Development of state relations in Dagestan after the adoption of the Constitution of 1937 // Bulletin of the SSTU. 2006. No. 4 (17). Issue 2. P. 156–164.
42. Federal Law No. 53-FL of March 28, 1998 (as amended on September 24, 2022) “On military duty and military service” [Electronic resource] / URL: <https://www.consultant.ru> (Accessed on September 29, 2022).
43. Emirov N.P. From the history of military intervention and the Civil War in Dagestan. Makhachkala: Dagestan book publishing house, 1972. 216 p.
44. Bennigsen-Broxsup Marie. The Last Chazawat: The 1920–1921 Uprising // The North Caucasus Barrier: The Russian Advance Towards the Muslim East / Ed. by Marie Bennigsen-Broxsup. L.: Hurst, 1992. P. 112–145.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-49-59>
УДК [947.082:355.001.73](470.62)

Кандор Р.С.

**ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ
В ПРОЦЕССЕ АДМИНИСТРАТИВНО-
ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
В ЧЕРКЕССКИХ АУЛЬНЫХ ОБЩЕСТВАХ
КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ
(НА ПРИМЕРЕ АУЛА ХАКУРИНОХАБЛЬ, 1887 Г.)**

Кандор Руслан Султанович,

*доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории
ГБУ РА «Адыгейского республиканского института гуманитарных исследова-
ний им. Т.М. Керашева», Майкоп, Россия*

e-mail: kandor.ruslan@mail.ru

тел.: +7 (906) 438 59 89

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются события, происходившие в июле 1887 г. в черкесском ауле Хакуринохабль, в ходе реализации военной реформы в черкесских аульных обществах Кубанской области, обнажившие факт существования социально-политического противостояния внутри аульного общества. Придается большое значение изучению конкретных событий, происходивших в черкесских аульных обществах Кубанской области во время подготовки реформ, способствующих сложному процессу усиления российского влияния и сохранению гражданского порядка в черкесских аульных обществах.

Автором был использован соответствующий широкий круг источников по истории адыгов (черкесов), включавший и архивные материалы, предполагающий всесторонний охват исторических фактов по данной проблеме. Использовался метод накопления фактического материала с последующим анализом и получением следующей, более высокой степени обобщения. Большую роль в исследовании проблемы играл и принцип историзма, позволивший рассмотреть беспорядки в ауле Хакуринохабльском в динамике от фактических событий в конкретных исторических условиях в тесной связи с административной и социально-экономической политикой властей до теоретических рассуждений об их причинах и последствиях.

В статье последовательно описаны события, происходившие во время беспорядков в ауле Хакуринохабльском, что позволило выявить роль отдельных персонажей и выдвигаемых частью аульного общества претензий к аульным властям. Автор раскрывает деятельность начальника Майкопского уезда Кубанской области по сохранению порядка в ауле Хакуринохабльском.

Автор приходит к выводу, что в ходе военной реформы в черкесских аульных обществах Майкопского уезда Кубанской области российские чиновники не учли в полной мере уже имевшийся исторический опыт проведения реформ среди черкесского населения. Игнорирование старыми аульными элитами интересов самой обездоленной части общества подтолкнуло

женщин-черкешенок, как хранительниц домашнего очага и благополучия семей, к активным действиям протеста вместе с мужчинами.

Ключевые слова: Кубанская область, Майкопский уезд, Хакуринохабль, черкесы, военная реформа, призывные списки, зависимые сословия, беспорядки, российское влияние

Для цитирования: Кандор Р.С. Особенности проведения военной реформы в процессе административно-политического строительства в черкесских аульных обществах Кубанской области (на примере аула Хакуринохабль, 1887 г.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Том 14, № 4. С. 49-59. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-49-59>.

Kandor R.S.

FEATURES OF MILITARY REFORM IN THE PROCESS OF ADMINISTRATIVE AND POLITICAL CONSTRUCTION IN THE CIRCASSIAN AUL SOCIETIES OF THE KUBAN REGION (THE CASE OF THE AUL OF KHAKURINOKHABL, 1887)

Kandor Ruslan Sultanovich,

Doctor of Historical Sciences, a chief researcher of the Department of History of the State Budgetary Institution of the Republic of Adygea «The Adygh Republican Institute for Humanitarian Research named after T.M. Kerasheva», Maikop, Russia,

e-mail: kandor.ruslan@mail.ru

tel.: +7 (906) 438 59 89

Abstract

The article discusses the events that took place in July 1887 in the Circassian aul of Khakurinokhabl during the implementation of the military reform in the Circassian aul societies of the Kuban region, which revealed the existence of a socio-political confrontation within the aul society. Great importance is attached to the study of specific events that took place in the Circassian aul societies of the Kuban region during the preparation of reforms that contribute to the complex process of strengthening the Russian influence and maintaining civil order in the Circassian aul societies.

The author uses a wide range of sources on the history of the Adyghs (Circassians), which include archival materials, suggesting a comprehensive coverage of historical facts on this issue. The method of accumulation of factual material with subsequent analysis and obtaining the next, higher degree of generalization has been used. The principle of historicism plays an important role in the study of the problem, which has made it possible to consider the civil disturbances in the aul of Khakurinokhabl in dynamics from actual events in specific historical conditions in close connection with the administrative and socio-economic policy of the authorities to theoretical discussions about their causes and consequences.

The article consistently describes the events that took place during the riots in the aul of Khakurinokhabl, which has made it possible to identify the role of individual characters and claims against the aul authorities put forward by part of the aul society. The author reveals the activities of the head of the Maikop district of the Kuban region to maintain order in the aul of Khakurinokhabl.

The author comes to the conclusion that in the course of the military reform in the Circassian aul communities of the Maikop district of the Kuban region, the Russian officials did not fully take into account the already existing historical experience of reforms among the Circassian population. Ignoring the interests of the most disadvantaged part of society by the old aul elites, pushed Circassian women, as guardians of the hearth and well-being of their families, to take active actions of protest together with men.

Keywords: the Kuban region, the Maikop district, Khakurinokhabl, the Circassians, military reform, draft lists, dependent estates, unrest, the Russian influence

For citation: *Kandor R.S. Features of military reform in the process of administrative and political construction in the Circassian aul societies of the Kuban region (the case of the aul of Khakurinokhabl, 1887) // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2022. Volume 14, No. 4. P. 49-59. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-49-59>.*

Во второй половине 80-х гг. XIX в. наступает новый этап реформирования административного управления на Кавказе и для отечественной исторической науки актуальной задачей становится исследование опыта реализации этих реформ, состояние мусульманских аульных сообществ и их отношение к устанавливаемым нововведениям. Актуальное значение имеет и изучение конкретных событий, происходивших в черкесских аульных обществах Кубанской области во время подготовки административных, судебных, военных реформ, способствующих сложному процессу усиления российского влияния и сохранению гражданского порядка в черкесских аульных обществах. В этом отношении научный интерес вызывают события, происходившие в июле 1887 г. в черкесском ауле Хакуринохавль, обнажившие факт существования социально-политического противостояния внутри аульного общества.

Тема исторического опыта формирования Российской империи и интегрирования в российское гражданское общество народов, состоящих в ее подданстве, всегда была интересна историкам. Большое этнографическое и географическое разнообразие Российской империи являлось очевидным и важным признаком российской имперской идентичности, и новая перспектива реорганизации

этого многообразия, по мнению М. Басина, могла проходить только внутри единой стандартизированной структуры имперского гражданского порядка или «гражданственности». «Население империи во всей полноте теперь характеризовалось как единое гражданское общество, – пишет М. Басин, – в котором каждый индивид был гражданином, наделенным одинаковыми фундаментальными правами и обязанностями. Такое видение гражданского общества складывается в России с конца XVIII века, однако получило публичный импульс только в 1860-е годы как часть Великих Реформ. Первоначально целью этой радикальной программы социальной и политической интеграции (включения) были недавно освободившиеся крепостные крестьяне, но в последующие годы сфера применения расширилась – и в нее было также вовлечено местное не русское население на окраинах империи» [1, р. 56–57]. Принятие российских государственных (национальных) принципов было бы невозможно достичь через диктат или принудительное насаждение, в отличие от естественного выбора и добровольного согласия, которое формировалось на основе мирного воздействия образа «русского примера». Эти тонкости были отражены в различиях терминов «русификация» (“Russification”) и «обрусение» (“Russianisation”). По мнению ученого,

резко контрастируя с взглядом нерусских субъектов империи, проект «обрусения» предполагал национальную однородность всего имперского населения и полное растворение нерусских элементов в доминирующем русском ядре. И этот процесс не обязательно должен был привести к полному исчезновению существовавших нерусских традиционных этнических или родовых предпочтений, но фундаментальная приверженность прошлому была бы решительно и с готовностью подчинена новой общей идентичности, определенной с точки зрения имперского гражданства [1, р. 57].

В свою очередь, В. Бобровников, один из признанных отечественных исследователей истории ислама в Российской империи, указывает на ключевое влияние эпохи российских реформ конца XIX – начала XX в. на процесс вовлечения мусульманского населения в социально-политическую, культурную жизнь Российской империи. И русские консерваторы, и мусульманские реформаторы настаивали на том, что совершенствование управления мусульманами сделали бы империю более однородной. «В действительности они предлагали трансформировать империю в национальное государство, – отмечает В. Бобровников. – Но предпосылки такого государства искали в различных «национальных традициях» – либо у турецких мусульман, либо у православных великороссов. Новый сценарий имперской власти, разработанный в соответствии с критериями Александра III и Николая II (1894–1917 гг.), проектировал государство как унитарного российского господина покорившего меньшие народы и способствующего распространению русской православной культуры среди нерусского населения («обрусения»)» [2, р. 220].

Вместе с тем, отечественный кавказовед Б.М. Джимов, исследуя особенности развития общественного строя адыгов (черкесов) в XIX в., обратил внимание

на целый ряд ярких страниц борьбы трудящихся масс черкесских аулов против социального и национального угнетения, в которой он видел консолидацию с освободительной борьбой трудовых масс России [3, с. 146–147]. В конце XIX в. на фоне растущего малоземелья, массового разорения и обнищания жителей аулов происходит обострение социально-политических противоречий внутри черкесских аульных обществ. Наиболее распространенные формы протестной борьбы простых черкесских масс выражались в саботировании выполнения распоряжений российских властей и аульных старшин, протесты и жалобы на действия аульных администраторов. По мнению Б.М. Джимова, наивысшим проявлением усилившейся классовой борьбы в пореформенный период явилось волнение в июле 1887 г. жителей аула Хакуриновский Майкопского уезда. «Причиной восстания послужило угнетение крестьян, – отмечал Б.М. Джимов, – и ограничение их прав местными властями и аульской верхушкой. Во главе крестьян стояли представители народа, некоторые служители духовенства и зажиточные слои общества, которые были знакомы с общественно-политическим движением в России и под его влиянием выступали против несправедливости существующего строя. Поводом к выступлению крестьян послужило обсуждение призывных списков и принятие по ним решения на собрании аульчан, состоявшемся 3 июля 1887 г.» [3, с. 156].

Наряду с этим, нельзя не обратить внимание и на интересный подход к рассмотрению событий, происходивших в ауле Хакуринохабль летом 1887 г., сделанный в работе А.К. Чеучевой, когда проводится сравнение оценок современников этих событий – начальника Майкопского уезда ротмистра Соколова и Хаджи Зачерия Брантова, жителя аула Пшизова, сохранившиеся и зафиксированные письменных источниках. «Активными

участниками восстания оказались хакуринохабльские женщины, – отмечает А.К. Чеучева. – Мужская часть населения не оказывала никакого сопротивления женщинам и не осуждала их поведение. Эта отличительная черта восстания подчеркивается в обеих версиях изложения событий» [4, с. 114]. Начальник Майкопского уезда был убежден, что активность женщин была спровоцирована подстрекательскими проповедями муллы Муссы Аутлева и возвращающимися из Турции хакуриновцами. В изложении этих же событий Хаджи Зачерием Брантовым не говорится о каком-то подстрекательстве к неповиновению властям со стороны мусульманских священнослужителей. Более того, когда общественный порядок в ауле был восстановлен, женщины, участницы беспорядков в Хакуринохабле, просили прощения у главноначальствующего гражданской частью на Кавказе генерал-адъютанта Дондукова-Корсакова. «Отвечая на вопрос, почему они выступают против службы мужчин в царской армии, – дополняет А.К. Чеучева, – они ответили, что всегда безотказно служили царю, а если мало мужчин-всадников, то женщины присоединятся к ним, но солдатскую службу отвергают» [4, с. 116]. Автор исследования, точно указала на то, что беспорядки в Хакуринохабле произошли на фоне обострения ситуации общего недовольства черкесского населения своим тяжелейшим экономическим положением, резким разрастанием в народе эмигрантских настроений, ощущением нестабильности и возрастающим недоверием к решениям представителей российской власти в уездах и аульных правлениях. «Процесс адаптации адыгов к новым реалиям был сложным и неоднозначным, – заключает А.К. Чеучева, – что приводило к волнениям среди адыгского населения. Одним из таких событий стали волнения в ауле Хакуринохабль, произошедшие в 1887 г., которые отразили все проблемы адаптации жизни адыгов к

реалиям Российской империи, специфику конкретной исторической эпохи и происходившие в ней изменения» [4, с. 117].

Однако до настоящего времени отечественной исторической наукой не раскрыта в полной мере тема причин и характера беспорядков в ауле Хакуринохабском, и, прежде всего, нет последовательного описания фактических событий, позволявшего выявить роль отдельных персонажей и выдвигаемых частью аульного общества претензий к аульным властям. Не раскрыта до конца и роль гражданских уездных властей в трудном процессе урегулирования возникшего конфликта, оценки ими причин беспорядков или возможных их организаторов.

Автором был использован соответствующий широкий круг источников по истории адыгов (черкесов), включавший и архивные материалы, предполагающий всесторонний охват исторических фактов по данной проблеме. Использовался метод накопления фактического материала с последующим анализом и получением следующей, более высокой степени обобщения. Большую роль в исследовании проблемы играл и принцип историзма, позволивший рассмотреть беспорядки в ауле Хакуринохабском в динамике от фактических событий в конкретных исторических условиях в тесной связи с административной и социально-экономической политикой властей до теоретических рассуждений об их причинах и последствиях. В ходе раскрытия проблемы автор следовал принципу системности научного познания, воспринимая объект исследования как целостную систему с присущими ей законами развития.

В мае 1886 г. Российский император Александр III повелел заменить натуральную воинскую повинность горцев Кубанской области небольшим денежным налогом. 17 апреля 1887 г. это Высочайшее повеление было объявлено жителям аула Хакуринохабского. И

вскоре после получения предписания начальника Майкопского уезда старшина аула Хакуринохабльского Хаджибий Меретуков на общественном сходе объявляет составленный сословной комиссией аула призывной список молодых людей и предлагает утвердить его составлением приговора аульного схода. Однако представители домохозяйств высказались за то, что подпишут этот общественный приговор только в том случае, если подобные же приговоры будут утверждены на сходах близлежащих черкесских аульных обществ. 26 мая 1887 г. старшина Хаджибий Меретуков вновь предложил жителям аула подписать этот приговор, и около 100 старейшин Хакуринохабльского и Мамхеговского аулов, имевших право участвовать в аульных сходах, поставили свои подписи под этим приговором.

Насколько было важно для российских властей проведение процедур оформления приговоров аульных сходов можно судить по тому, что 30 мая 1887 г. начальник Кубанской области генерал-лейтенант Леонов, лично объезжая пять аулов Майкопского уезда (Адамиевский, Бгуашехабльский, Бжедуховский, Джанкятовский, Унароковский), объявляет черкесским аульным обществам распоряжение о необходимости скорейшего составления приговоров аульных сходов с призывными списками молодых горцев.

Тем временем, в ауле Хакуринохабльском сбор подписей под общественным приговором продолжался в течение последующего июня месяца. Большинство из жителей аула в это время находилось на полевых работах и можно предположить, что старшина аула, старший эфенди Анчок Нуков и кто-то из аульных доверенных лиц объезжали каждого из домохозяев и собирали подписи под этим документом. В результате таких действий к 3 июля приговор был почти готов, потому что он был подписан 330 главами домохозяйств, из числа всех

500, имевших право участвовать в аульном сходе [5, л. 43–43 об.].

Утром 3 июля старшина аула Хаджибий Меретуков находился в аульном правлении и обсуждал с доверенными лицами от аульного общества Ереджибом Шаухаковым, Туху Набсоговым, Османом Ордановым и Сургужем Пшегоновым вопрос разделения общественного стада на гурты, для более удобной организации выпаса аульного скота. В это же время в аульном правлении находились переводчик армянин Андрей Каспаров, аульный писарь Федор Смирнов, помощник старшины Сагид Догуфов и муртазак Борок Жемадуков. В это время на улице стали слышны приближающиеся к аульному правлению крики. Шумевшая толпа молодых людей в 30–40 человек, возглавляемая жителями аула Хакуринохабльского Васитлем Емишуковым и Шоупаком Аутлевым, вошла во двор правления и, не обращая внимания на окрик старшины аула, бросилась к правлению. «Я спрашивал у толпы, что ей надо, – пояснял позднее при полицейском опросе Хаджибий Меретуков, – в это время из толпы выделился житель аула Хакуринохабльского Исхак Хуажев и крикнул, указывая на стоявшего здесь доверенного от общества Эреджиба Шувахокова (Ереджиб Шаухаков – Р.К.): «вот кого нам надо, бейте», и сам первым бросился на Шувахокова и начал его бить, а за ним вся остальная толпа бросилась на Шувахокова, начала его бить кулаками и палками; и в это время бросилась толпа на находящегося здесь старика Туху Набсогова» [5, л. 44]. Другая группа молодых людей во главе с Исхаком Хуажевым схватила в присутственной комнате правления помощника старшины Сагида Догуфова, муртазака Борока Жемадукова и начала их бить во дворе правления. Вместе с ними схватили и почетного старика Тлюстана Андрухаева, подписавшего общественный приговор. Воспользовавшись поднявшейся суматохой,

старшина аула успел предложить писарю Федору Смирнову покинуть правление, и тот, выскочив в окно, беспрепятственно скрылся от толпы. Однако и на самого Хаджибия Меретукова набросились Рахуж Андрухаев, Чемгуй Сиюхов, Хапабгож Хуажев и начали его бить. Избитого и пораненного кинжалом старшину вытащили во двор правления, но при помощи кого-то из толпившихся во дворе людей старшина вырвался из рук злоумышленников и скрылся в помещениях аульного правления. Тем временем, беснующаяся толпа направилась к дому подпоручика Тугужа Хакуринова и вскоре вернулась обратно, ведя с собой старшего аульного эфенди Анчока Нукова, избитого до крови. От старшего эфенди аула требовали отдать подписанный домохозяевами аула общественный приговор об объявлении призывных списков и, получив его, толпа несколько успокоилась и вышла во двор, отпустив Анчока Нукова домой. Однако вдруг в толпе начали раздаваться крики о том, что отданный им приговор не настоящий и люди бросились искать старшего эфенди Анчока Нукова, но последнего нигде не могли найти. «Затем из толпы вошли ко мне старшине в аульное правление Исхак Хуажев и Шоупак Аутлев, – продолжал свое описание событий Хаджибий Меретуков, – и стали требовать от меня приговор, при чем грозили, что если я не выдам приговор, то меня убьют, но в это время во дворе аульного правления появился проживающий в ауле турецкоподданный Айдамир Дауров и стал увещевать толпу не бить меня, уверяя ее, что это настоящий приговор» [5, л. 45–45 об.]. На какое-то время Айдамиру Даурову получилось успокоить толпу обещанием, что он сейчас же найдет знающих и авторитетных людей, которые прочитают толпе имевшийся у них документ и сам отправился в аул Хатажукай. Толпа не расходилась и продолжала стоять вокруг правления в ожидании возвращения Айдамира Даурова, вскоре он появился в

сопровождении хатажукаевцев: Аслангирея Упчежокова, Гурижа Шемгохова, Хаджибаракая Чамокова, Цсхаджока Шаова. Находившийся в руках толпы общественный договор был прочитан вслух Аслангиреем Упчежоковым, и, казалось, вопрос был исчерпан, но вдруг в толпе вновь стали раздаваться крики о том, что отданный им приговор не настоящий. От старшины аула стали требовать «настоящий» приговор, а когда хатажукаевцы хотели вернуться домой, люди окружили их, предполагая, что Хаджибий Меретуков мог скрытно передать им настоящий текст приговора. Толпа обыскала хатажукаевских депутатов, при этом был сильно избит Цсхаджок Шаов. С этого момента, толпа стала просто бесноваться, от старшины потребовали дать присягу, что он не скрыл от них настоящий приговор или не отдал его сбежавшему аульному писарю, в противном случае угрожая убить и приехавших хатажукаевцев, и Айдамира Даурова. и самого старшину. «Я отказался принять присягу и обвинил в присутствии этих лиц, что готов умереть, нежели подчиниться толпе, – рассказывал старшина Хаджибий Меретуков, – но видя слезы и мольбы хатажукаевских жителей о том, чтобы я принял требуемую присягу и тем сохранил бы жизнь;... вынужден был этими путями успокоить толпу и предотвратить грозившее злодействие и принять пред толпой присягу на коридоре аульного правления перед Кораном и в присутствии младшего аульного эфенди Муссы Аутлева» [5, л. 46 об.]. После данной старшиной присяги, люди успокоилась и разошлась, а хатажукаевские депутаты отвели израненного старшину к его дому. Интересно, что все это время отобранный у Анчока Нукова общественный приговор находился в руках у Васитля Емишукова и позднее кем-то был уничтожен.

Начальник Майкопского уезда узнал о беспорядках в Хакуринохабле 4 июля из донесения старшины Хатажукаевского

аула, в котором говорилось о том, что днем в Хакуринохабльском ауле толпа горцев более ста человек, требуя уничтожения составленных призывных списков для отбытия воинской повинности и приговор общества об объявлении этих списков, избил старшину аула и эфенди Анчока Нукова [5, л. 1]. Ротмистр Соколов сразу же по получению донесения, сообщил о беспорядках начальнику Кубанской области, затребовал разрешение на направление от 1 Урупского конного полка команды казаков к аулу Хакуринохабльскому, а сам выехал на место происшествия. В этот же день заведующий 2 полицейским участком Майкопского уезда подпоручик Игнатьев начал производить дознание по поводу возмущения жителей аулов Хакуринохабльского и Мамхеговского против распоряжения начальника Майкопского уезда о составлении призывных списков и нанесения побоев должностным лицам при исполнении ими служебных обязанностей. При производстве дознания присутствовали переводчик а. Хакуринохабльского армянин Андрей Каспаров и понятые: помощник старшины а. Хатажукаевского Магомет Керашев, состоящий при 2 полицейском участке всадник Кубанской постоянной милиции житель а. Ульского Шалох Езугов и муртазаки жители а. Хатажукаевского Беслан Нефляшев и Шалих Кубешиков (Кубешичев – Р.К.) [5, л. 43].

Из показаний жителя аула Хакуринохабльского Тлостана Андрухаева, находившегося рядом со старшиной аула, стало видно, что 3 июля ко двору правления первой подошла группа жителей аула до сорока человек, в которой особенно был замечен Васитль Емишуков, а следом подошла другая группа во главе с Трабхо Кубовым, который еще по пути следования этой группы кричал на стариков, что «этот приговор из-за них был составлен» [5, л. 48, об. 49]. Сам же Тлостан Андрухаев был избит толпой у

ворот правления, но смог вырваться из ее рук и укрылся в своем доме. Другой потерпевший эфенди Ереджиб Шаухаков (Яхутль эфенди – Р.К.) показал, что его избивали дважды, при том из карманов его одежды вытащили серебряные часы и общественные деньги. В первый раз Ереджиба Шаухакова от ударов нападавшей толпы бросился защищать Бирамкуль Хакуринов, что дало возможность старейшине укрыться в комнатах аульного правления. Но вскоре Ереджиба Шаухакова толпа вновь выволокла во двор правления и начала избивать, а когда он потребовал вернуть украденные у него часы и общественные деньги, Даунеж Куваев нанес ему сильный удар палкой по голове, после которого Ереджиб Шаухаков упал без чувств на землю. Очнулся он уже у себя дома, куда его перенесли соседи-аульчане.

В рамках проводимых процедур дознания подпоручик Игнатьев собрал и выслушал почетных стариков Хакуринохабльского и Мамхеговского аулов вместе с аульными эфенди Исмаилом Ордановым, Сагидом Тлефцежевным, Мосом Аутлевым (Муссой Аутлевым – Р.К.), Ибрагимом Бетмитовым, Ереджибом Шаухаковым и Али Ашхамаховым. На этом собрании присутствовали и понятые от Хатажукаевского аула, приехавшие с подпоручиком Игнатьевым, и понятые от аулов Хакуринохабльского и Мамхеговского: Хусейн Коблев, Мерзан Ешугаев, Тлостан Андрухаев и Бирамжи Ешкуатлев. Выступавшие на собрании старики заявили, что они не отказываются ни от отбытия воинской повинности, ни от денежного сбора, взамен воинской повинности и всегда готовы выполнять распоряжения начальства и подписали этот приговор «со своего доброго согласия». Однако, как мусульмане, они все равно находились в сомнении религиозного своего права давать приговор в объявлении призывных списков. «Что же касается до возмущения и произведенных

беспорядков жителями их аулов, – отмечали старейшины, – то они старики сами об этом весьма сожалеют, участниками же себя в этом деле не признают, так как все это дело сделали молодые люди аулов Хакуринохабльского и Мамхеговского» [5, л. 47, об. 48].

9 июля 1887 г. ротмистр Соколов сообщает начальнику Кубанской области о том, что в Хакуринохабльском ауле порядок восстановлен без использования военной силы [5, л. 15]. Главная задача, которую необходимо было решить начальнику уезда, состояла в восстановлении порядка в аульном обществе, имеющем более 500 дворов, и в недопущении повторения неуспокоившейся толпой новых беспорядков. Прежде всего, ротмистр Соколов назначил вместо раненого и больного старшины Хаджибия Меретукова другого человека, числившегося кандидатом на замещение этой должности. Затем был созван общеаульный сход, на котором ротмистр Соколов объявил жителям аула предписание начальника Кубанской области, полученное 4 июля 1887 г., о разверстке военного налога на все горское население «подымно», т.е. на все домовладения аула. «Когда мною было замечено успокоительное влияние всего объявленного на общество, – писал ротмистр Соколов, – я обратился к обществу с окончательным вопросом – раскaiваются ли они во всем произошедшем и подчиняется ли оно добровольно требованиям, выраженным в Высочайшем Повелении 28 мая 1886 года... Общество единогласно отвечало мне раскаянием и полною готовностью подчиниться требованиям Высочайшего Повеления, добровольным взносом раньше других аулов военного денежного налога взамен натуральной воинской повинности, как только о времени взноса денег будет объявлено обществу распоряжением начальства» [5, л. 39, об. 40]. Замеченное начальником Майкопского уезда позитивное изменение состояния жителей аульного

общества, собравшихся на сходе, как оказалось, было связано и с распространяемым в ауле мнением, что составленные посемейные и призывные списки с словным разделением жителей указывали на то, что раньше всех к натуральной воинской службе будут привлечены освобожденные от крепостной зависимости крестьяне, соответственно, якобы каждая семья включенная в призывные списки будет оплачивать свою часть воинского налога из собственных средств. И этим объяснялось то, что большая часть участников беспорядков были наиболее обездоленными жителями аула Хакуринохабльского.

По мнению начальника Майкопского уезда ротмистра Соколова в ходе произведенных в а. Хакуринохабльском следственных действий можно было говорить о том, что главными организаторами, подстрекателями произошедших беспорядков были мулла Мусса Аутлев и бывший старшина аула юнкер Хусейн Коблев. Однако виновность этих людей следствием не была установлена, потому что прямого участия в беспорядках они не принимали. Свои обвинения начальник Майкопского уезда выстраивал, прежде всего, на том основании, что в пятницу 3 июля толпа, буйствовавшая в Хакуринохабльском ауле, сначала собралась у квартальной мечети мoulлы Муссы Аутлева, якобы для совершения намаза, но не совершив его, в полном составе направилась к аульному правлению, руководимая родственниками мoulлы Муссы Аутлева: Шоупаком Аутлевым, Нехаем Аутлевым и Темтечем Аутлевым, а также женой Хусейна Коблева – Пшаш, сыном его Хаджиретом Коблевым и воспитанником Шарабатыром Хакуриновым. Причастность к беспорядкам мoulлы Муссы Аутлева ротмистр Соколов видел и в том, что Мусса Аутлев появился перед буйствующей толпой для приведения к присяге избитого старшины аула [5, л. 59, 59 об.].

Высказанные в адрес муллы Муссы Аутлева и юнкера Хусейна Коблева обвинения были серьезно восприняты в Тифлисе генерал-адъютантом Дондуковым-Корсаковым. И хотя обвинения в отношении Муссы Аутлева и Хусейна Коблева строились на расследовании, произведенном путем негласного дознания, в канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе поднимался вопрос о целесообразности принятия в отношении этих лиц мер административной высылки. Последующие события, связанные с административной реформой 1888 г. в Кубанской области и массовая эмиграция черкесов в Турцию, несколько оттянули окончательное решение в отношении виновности Муссы Аутлева и Хусейна Коблева. Однако в 1892 г. этот вопрос был вновь поставлен перед российскими чиновниками, и как видно из рапорта атамана Майкопского отдела полковника Гуниуса, он был окончательно закрыт за давностью лет и отсутствием возможности установить факты негативного воздействия на толпу Муссы Аутлева и Хусейна Коблева. «Ввиду того, что после бывших 3 июля 1887 года в а. Хакуриновском беспорядков юнкер Хусейн Коблев был назначен старшиной аула Джанкятовского, – писал полковник Гуниус, – и в каковой должности и состоял до переселения в 1890 году означенного аула в Турцию, что и до беспорядков всегда отличался ревностью к службе, что доказывается получением им звания юнкер, нескольких медалей за храбрость и усердие, из коих две шейных золотая и серебряная, и что и Мусса Аутлев после беспорядков и до настоящего времени ни в чем предосудительном замечен не был, а потому в настоящее время не стоит надобность в высылке из аулов Коблева и Аутлева» [6, л. 37–38].

Таким образом, в ходе военной реформы в черкесских аульных обществах Майкопского уезда Кубанской области российские чиновники не учли в полной

мере уже имевшийся исторический опыт проведения реформ, в частности, были забыты результаты работы сословной комиссии в июне 1873 г. в черкесских аульных обществах Майкопского уезда. Тогда абадзехи восприняли расспросы по сословному делению черкесского населения, как попытку разделения их общества и покушения на равенство их прав, что и дало повод к беспорядкам в аулах. Разделение в призывных списках черкесского населения по сословному происхождению их предков сразу же породило слухи о дискриминации потомков бывших крепостных, возможной службе их в солдатах, а не в кавалерии или взимание военного налога с каждой семьи по отдельности. Поэтому не удивительно, что активное участие в беспорядках принимала наиболее обездоленная в социально-политическом и экономическом смысле часть населения аульного общества. На момент утверждения призывных списков не был известен механизм оплаты военного налога, как и размер самого платежа, и эта неопределенность еще больше усиливала страх попадания в очередную кабалу. Домашнее хозяйство бывших крепостных в большинстве своем находилось в удручающем состоянии, долгие годы они платили за свое освобождение бывшим владельцам, стараясь пережить при этом нашествие саранчи, массовый падеж скота и неурожай. Именно повторяющееся игнорирование старыми аульными правленческими элитами интересов этой части общества подтолкнуло женщин-черкешенок, как хранительниц домашнего очага и благополучия семей, к активным действиям протеста вместе с мужчинами. Хотя беспорядками был охвачен только один квартал (хабль) при Соборной мечети, находившейся в самом сердце аула Хакуринохабльского, но можно с уверенностью говорить о том, что они показали существование социально-политического противостояния

внутри и Хакуринохабльского аула, и соседних черкесских аульных обществ. Российским властям для усиления своего влияния и сохранения порядка в черкесских аульных обществах Кубанской области настоятельно требовалось

обратить более пристальное внимание на все стороны жизни черкесских аульных обществ, произвести смену поколений аульных управленцев и осуществить реформу организации деятельности мусульманского духовенства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Bassin M. Geographies of imperial identity // The Cambridge History of Russia. Vol. II. Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge University Press, 2006. P. 45–63.
2. Bobrovnikov V.I. Islam in the Russian Empire // The Cambridge History of Russia. Vol. II. Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge University Press, 2006. P. 202–223.
3. Джимов Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. Майкоп: Адыг. отд. Краснодар. книжн. изд-ва, 1986. 192 с.
4. Чеучева А.К. Восстание в ауле Хакуринохабль в 1887 г.: одна история в изложении двух современников // Вестник Адыгейского государственного университета. 2019. Вып. 4 (249). С. 110–118.
5. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 454. Оп. 2. Д. 123.
6. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 132.

REFERENCES:

1. Bassin M. Geographies of imperial identity // The Cambridge History of Russia. Volume II. Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge University Press, 2006. 806 p. P. 45–63.
2. Bobrovnikov V.I. Islam in the Russian Empire // The Cambridge History of Russia. Volume II. Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge University Press, 2006. 806 p. P. 202–223.
3. Dzhimov B.M. Social and economic and political situation of the Circassians in the XIX century. Maikop: the Adygh branch of the Krasnodar book publishing house, 1986. 192 p.
4. Cheucheva A.K. The riot in the aul of Khakurinokhabl in 1887: a story told by two contemporaries // Bulletin of the ASU. Maikop, 2019. Issue 4 (249). P. 110–118.
5. The State Archive of the Krasnodar Territory (hereinafter – SAKT). F. 454. Op. 2. D. 123.
6. SAKT. F. 454. Op. 2. D. 132.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-60-67>

УДК УДК [331.108:378.01](470.67)

Нагиева М.К.

К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ НАУЧНЫХ КАДРОВ В ДАГЕСТАНЕ В 1950-Е ГГ.: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Нагиева Мадина Курбанисмаиловна,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия

e-mail: nagieva-73@mail.ru

тел.: +7 (928) 875 90 08

БЛАГОДАРНОСТЬ

Работа выполнена в рамках государственного задания для ДФИЦ РАН
«Северо-Восточный Кавказ в новейшее время: экономические, политические,
социально-культурные процессы и трансформации» № 1021032421555-1-6.1.1

Аннотация

Современный быстроразвивающийся мир наполнен высоконучными технологическими открытиями, постоянно совершенствующимся технологическим оборудованием, важную роль в этом играет внимание, оказываемое обществом на качество человеческих ресурсов, их опыта и знаний, а также высокой квалификации. Век информационных технологий требует соответствующего подхода и адаптации кадрового потенциала науки. Это определяет актуальность исследования и обуславливает важность осмысления и обобщения советского опыта подготовки научных кадров. Ведь высокий уровень подготовки научных кадров и сильная научная школа в Советском государстве были результатом проводимых качественных реформ в сфере науки и образования. В этом контексте несомненный научный и практический интерес представляет создание и дальнейшая деятельность Дагестанского филиала Академии наук СССР, в котором с 1946 г. началась подготовка научных кадров. Определяющим фактором для развития дагестанской науки явилось создание Дагестанского филиала АН СССР, призванного решать сложные научные задачи. Филиал был образован на базе первого учреждения науки в республике Дагестанского научно-исследовательского института, открытого еще в далеком в 1924 г. в Махачкале, как комплексный многопрофильный исследовательский центр, который взял на себя функции организации изыскательных работ по всем направлениям.

Главной целью статьи является освещение на основе анализа широкого спектра разнохарактерных источников и монографических исследований различных аспектов подготовки научных кадров, а также привлечения женщин в науку в 1950-е гг.

В настоящей статье ставится задача показать формирование научной интеллигенции в республике и отметить первых девушек-горянок, получивших возможность обучаться в аспирантуре для дальнейшей защиты ученой степени кандидата и доктора наук.

Анализируя имеющийся материал, автор пришел к выводу, что в Дагестане подготовка научных кадров среди женщин до 1950-х гг. практически не велась, в последующие годы динамика меняется в сторону увеличения девушек среди аспирантов.

Ключевые слова: Россия, Дагестан, Академия наук СССР, аспирантура, научная интеллигенция, женщины-ученые, высшие учебные заведения, научные работники

Для цитирования: Нагиева М.К. К вопросу о подготовке научных кадров в Дагестане в 1950-е гг.: гендерный аспект // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Том 14, № 4. С. 60-67. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-60-67>.

Nagieva M.K.

REVISITING THE TRAINING OF SCIENTIFIC PERSONNEL IN DAGESTAN IN 1950S: A GENDER ASPECT

Nagieva Madina Kurbanismailovna,

Candidate of History, a senior researcher of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia

e-mail: nagieva-73@mail.ru

tel.: +7 (928) 875 90 08

ACKNOWLEDGMENT

The work was carried out within the framework of the state task for the DFRC of the Russian Academy of Sciences “The North-Eastern Caucasus in modern times: economic, political, socio-cultural processes and transformations” No. 1021032421555-1-6.1.1

Abstract

The modern rapidly developing world is filled with highly scientific technological discoveries, constantly improving technological equipment. The attention paid by society to the quality of human resources, their experience and knowledge, as well as high qualifications plays an important role. The era of information technology requires an appropriate approach and adaptation of the science personnel potential. This determines the relevance of the research and the importance of understanding and generalizing the Soviet experience in the training of scientific personnel. After all, the high level of training of scientific personnel and a strong scientific school in the Soviet state was the result of ongoing qualitative reforms in the field of science and education. In this context, the creation and further activities of the Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences, in which the training of scientific personnel began in 1946 is of undoubted scientific and practical interest. The determining factor for the development of Dagestan science was the creation of the Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences, designed to solve the most complex scientific problems. The branch was formed on the basis of the first institution of science in the Republic, the Dagestan Research Institute, opened back in 1924 in Makhachkala as an integrated, multidisciplinary research center, which took over the functions of organizing survey work in all areas. The main purpose of the research is to highlight various aspects of the training of scientific personnel and the involvement of women in science in 1950s, based on the analysis of a wide range of diverse sources and monographic studies. The article aims to show the formation of the scientific intelligentsia in the Republic and to celebrate the first mountain girls who got the opportunity to study in graduate school for further seeking the degree of Candidate

and Doctor of science. Analyzing the available material, the author has come to the conclusion that in Dagestan, the training of scientific personnel among women until the 1950s was practically not carried out. In subsequent years the dynamics changes towards an increase in a number of girls among graduate students.

Keywords: Russia, Dagestan, the USSR Academy of Sciences, graduate school, scientific intelligentsia, women scientists, higher educational institutions, scientists

For citation: Nagieva M.K. *Revisiting the training of scientific personnel in Dagestan in 1950s: a gender aspect* // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2022. Volume 14, No. 4. P. 60-67. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-60-67>.

Важным этапом в истории развития науки в Дагестане было создание академической структуры. В соответствии с постановлением Совнаркома Союза ССР № 2780 от 30 октября 1945 г. и содержащимся в нем поручением Президиум АН СССР 13 июня 1946 г. принял решение об организации в г. Махачкале Дагестанской научно-исследовательской базы АН СССР (ДНИБ). Директором был назначен выдающийся лингвист и археолог И.И. Мещанинов [1, с. 9]. В 1947 г. постановлением правительства СССР ДНИБ АН СССР была преобразована в Дагестанский филиал АН СССР. История создания Дагестанского филиала АН СССР уходит в далекий 1924 г., когда в республике было открыто первое научное учреждение – Дагестанский научно-исследовательский институт. Институт создавался как комплексный многопрофильный исследовательский центр, который должен был взять на себя функции организации изыскательных работ по всем направлениям. В дальнейшем институт несколько раз реорганизовывался и менял название, постепенно увеличивался штат научных сотрудников [1, с. 9].

Большое значение в развитии академической науки в республике имело открытие при Дагфилиале АН СССР аспирантской подготовки. Первый набор, состоявшийся в 1946 г., включал трех человек, из которых двое были девушки. Это Батырханова Солтанат Муртазалиевна, окончившая в 1937 г. Ленинградский государственный университет,

в аспирантуру поступила на специальность «Физика почв» и Тавкешева Софиет Мурадовна, после окончания Азербайджанского нефтяного специализировалась по специальности «Неорганическая химия». Второй набор в аспирантуру состоялся в 1947 г. и включал 12 чел., среди них Мейланова Унейзат Азизовна, специализировавшаяся по лезгинскому языку [2. Д. 8234. Л. 10]. В 1948 г. в аспирантуре Дагфилиала АН СССР обучалось 11 чел., из них три девушки: Булач Мара Хаджиевна, после окончания в 1947 г. Грозненского нефтяного института поступила в аспирантуру по специализации «Геология нефти», Гаджиева Сакинат Шихамедовна, окончила Дагестанский педагогический институт еще в 1940 г., в аспирантуру поступила по специальности «Этнография». В 1948 г. окончила Дагестанский мединститут и в том же году поступила в аспирантуру Сулейманова Джамина Насуровна по специальности «Физиология сельскохозяйственных животных» [3. Д. 8648. Л. 2]. Из 16 аспирантов, поступивших в Дагфилиал АН СССР в 1949 г., было 5 девушек. Абдужамалова Фатимат Рашидовна в 1949 г. училась в аспирантуре по специальности «Систематика растений»; Мусаханова Галина Беньяминовна специализировалась по литературе народов СССР (по кумыкскому языку); Шайдаева Тамара Абдурахмановна – преподаватель физики и математики – специализацию в аспирантуре проходила по математическому анализу; у Эртугановой Зулейхи

Адиловны после окончания Дагмединститута в 1948 г. специализация в аспирантуре была «Микробиология (ветеринарная)»; Марченко Любовь Васильевна после окончания педагогического института в г. Владикавказе специализировалась в аспирантуре по истории русской литературы [3. Д. 8648. Л. 3].

В 1950 г. в аспирантуре обучалось 6 девушек: Амирова Рурижат Юсуповна, специализация «Органическая химия»; Долинина Юлия Павловна тюрколог-филолог, специализация «Кумыкский язык»; Мамедова Валентина Исмаиловна, специализация «Органическая химия»; Примакова Галина Сергеевна, специализация «Физиология растений»; Разилова Зоя Разиловна, специализация «Даргинский язык»; Шахманова Рассита Гебековна, специализация «Кумыкский язык». Всего за период с 1946 по 1950 гг. в аспирантуре Дагестанского филиала АН СССР обучалось 54 аспиранта, из них: 37 мужчин и 17 женщин [3. Д. 8648. Л. 4].

В 50-е гг. в Дагестане были открыты новые научно-исследовательские институты, сочетавшие теоретическую работу с практикой. Это институт питательных средств, институт школ, позже – институт усовершенствования учителей и др. Немало было сделано для развития фундаментальных и прикладных наук. Труды члена-корреспондента АН СССР Х.И. Амирханова в области физики и геологии, члена-корреспондента АМН Р.П. Аскерханова в области медицины, члена-корреспондента АН России Г.Г. Гамзатова в области филологии получили всемирную известность [4].

В 1952 г. на прошедшем заседании бюро Совета филиалов АН СССР был заслушан доклад председателя Президиума Дагестанского филиала АН СССР профессора Х.И. Амирханова «О подборе, расстановке и воспитании кадров Дагфилиала АН СССР». В нем было отмечено, что за 1950–1951 гг. на 70% увеличился состав научных работников

филиала, обновился руководящий состав работников филиала и ряд отделов. Появились новые структурные учреждения, в частности Институт животноводства, лаборатория физики и шесть отделов по геологии и нефти. Значительно была расширена аспирантура и докторантура [5, с. 121].

В 1951 г. в республике работало 15 докторов наук. Женщин среди них не было. Х.И. Амирханов – доктор физико-математических наук, В.В. Спасский – доктор ветеринарных наук, Р.М. Магомедов – доктор исторических наук. Докторами медицинских наук являлись остальные 12 человек: В.Г. Будылин, В.Г. Божовский, Г.О. Булач, М.А. Белогорский, В.А. Глазов, М.А. Доброхотов, Н.Ф. Мордвинкин, П.Ф. Маклецов, А.Г. Подварко, Б.Е. Молков, С.И. Ризваш, В.А. Чудносоветов. К 23 июня 1951 г. всего в республике насчитывалось 108 кандидатов наук, среди которых было 18 женщин.

Кандидатов наук, работающих в Дагестане на период к 23 июня 1951 г., было 108 чел., среди них 19 женщин. Это был небольшой контингент молодых ученых республики, многие из которых только начинали свою научную деятельность в научно-исследовательских учреждениях республики. Среди них кандидаты медицинских наук Елизавета Ивановна Антонова, Людмила Терентьевна Артамонова, Фатма Абдрахмановна Аликберова, Валентина Васильевна Будылина, Александра Михайловна Гринева, Антонина Степановна Зубова; кандидат педагогических наук Нонна Александровна Белова; кандидаты исторических наук Таисия Васильевна Коржева, А.Ф. Султанова, Вера Павловна Дзагурова, Лидия Борисовна Панек; кандидаты сельскохозяйственных наук Султанат Муртазалиевна Батырханова, Алла Викторовна Потанина, Мария Карповна Виноград; кандидаты биологических наук Нион Георгиевна Бойченкова, Вера Петровна Войнова и кандидаты

филологических наук Нина Яковлевна Судакова, Подголцкая ^{1*}, Анна Семеновна Покровская [6. Д. 8644. ЛЛ. 137–140]. В 1952 г. были защищены 2 диссертации на степень доктора наук и 13 диссертантов получили степень кандидата наук [5, с. 121]. Многие выпускницы высших учебных заведений республики оставались в дальнейшем здесь работать. Например, Ф.А. Аликберова, еще в 1939 г. окончив Дагестанский мединститут, начала здесь преподавательскую деятельность, в 1948 г. защитила кандидатскую диссертацию, а в 1957 г. закончила докторантуру. Преподавательскую деятельность она умело сочетала с лечебной и научной работой. В 1950 г. ей было присвоено ученое звание доцента. В мединституте также успешно работали, сочетая преподавательскую и научную работу, женщины-преподаватели: профессор Ф.И. Супоницкая, доцент М.М. Исаева, кандидат медицинских наук А.С. Зубова и др. [7. Д. 139. Л. 94.].

Значительных успехов археологическое изучение Дагестана достигло благодаря экспедициям, которые систематически проводил институт истории, языка и литературы. Большую работу в этой области проводила кандидат исторических наук, научный сотрудник ИЯЛИ Дагфилиала АН СССР Милица Ивановна Пикуль, которая написала ряд интересных работ по археологии Дагестана. Г.Б. Мусаханова после успешной защиты кандидатской диссертации по филологии в 1953 г. начала научную деятельность в институте ИЯЛИ, где сразу была включена в группу авторов по написанию коллективной монографии «Очерки дагестанской советской литературы», изданной в 1957 г. [7. Д. 139. Л. 97].

В 1950-х гг. страна нуждалась в огромном количестве специалистов с высшим образованием, среди выпускников советских вузов около половины были девушки. К этому времени многие

из них серьезно задумывались о том, чтобы посвятить себя научной деятельности и стремились продолжить учебу в аспирантуре, а затем работать в научно-исследовательских институтах. Одним из стимулов деятельности в научно-исследовательских институтах являлся относительно свободный график, особенно для работниц гуманитарного профиля. Однако надо отметить, что количество работающих женщин в научно-исследовательских учреждениях росло в основном в сфере научно-технического обслуживания. Доля же женщин среди исследователей с должностями и званиями увеличивалась крайне медленно, до 40 лет женщины часто не защищали не то что докторских, но даже кандидатских диссертаций [8, с. 92–102]. Что касается регионов Северного Кавказа, в частности Дагестана, эта доля была еще меньше. Например, в 1953 г. всего около 50 девушек обучалось в институтах и аспирантурах центральных городов страны [9, с. 23]. Хотя надо отметить, что для Дагестана эта цифра была немаленькой. Ведь учитывая специфику региона, где традиции не позволяли уделять большое внимание учебе девочек, такая цифра говорит о некоем подъеме среди девушек, которые стремились получить не только высшее образование, но и аспирантскую подготовку для дальнейшей успешной работы в научно-исследовательских учреждениях.

Большими возможностями для подготовки национальных кадров, в том числе и женскими, обладал Дагестанский филиал АН СССР. За период с 1950 по 1953 гг. дагестанскими женщинами было защищено 20 кандидатских диссертаций. В основном это были выпускницы медицинского и педагогического институтов. К примеру, Палчаева Камер Абдурахмановна после окончания в 1938 г. медицинского института начала свою трудовую деятельность в качестве главного врача в Ахтынской районной больнице, затем в различных лечебных

^{1*} В документе ЦГА РД нет инициалов.

и научных учреждениях г. Баку. Основная работа врача успешно совмещалась с заочной аспирантурой, и в 1952 г. она защитила кандидатскую диссертацию. Докторскую диссертацию она успешно защитила в 1959 г., получив высокую оценку известных ученых-медиков. Камер Палчаева была первой женщиной-горянок, удостоенной звания профессора, работала заместителем директора по научной работе Азербайджанского научно-исследовательского института [9, с. 26]. Выпускницы дагестанского мединститута Э. Эртуганова, М. Исаева, П. Алекберова, П. Нахибашева, Р. Гаджиева после окончания аспирантуры также защитили кандидатские диссертации и работали в научно-исследовательских учреждениях и вузах республики. Так, Э. Эртуганова была заведующей лабораторией Института питательных сред и проводила большую научную работу. Здесь же работали Р. Гаджиева, П. Нахибашева и М. Исаева, последняя совмещала работу с преподавательской деятельностью в мединституте. В сфере гуманитарных наук одной из первых защитивших кандидатскую диссертацию была Сакинат Шихахмедовна Гаджиева. Воспитанница первого в Дагестане интерната горянок, выпускница Буйнакского педагогического училища, а затем и педагогического института им. С. Стальского. Трудовая деятельность С.Ш. Гаджиевой началась с должности учителя, затем инспектора Министерства просвещения ДАССР. В 1952 г. она защитила кандидатскую диссертацию, а через 10 лет докторскую, в которых были исследованы вопросы материальной культуры кумыков. Она первая дагестанка доктор исторических наук. Много лет работала в Институте истории, археологии и этнографии Дагфилиала АН СССР, заведовала сектором археологии и этнографии (ныне отдел этнографии) [9, с. 26].

В 1956 г. в общем списке аспирантов Дагфилиала АН СССР встречаются несколько фамилий девушек. Это Айшат

Исаевна Гасанова, проходившая аспирантскую подготовку в Дагестане, Сара Седрединовна Агаширинова и Анна Григорьевна Мелешко были направлены в Москву. С. Агаширинова направлена в Институт этнографии АН СССР, а А. Мелешко в Институт истории АН СССР [1, с. 287].

Успешно защитили кандидатские диссертации выпускницы педагогического института: У. Мейланова и Г. Мусаханова, впоследствии работавшие в ИЯЛИ Дагфилиала АН СССР, В. Мамедова стала деканом естественно-географического факультета ДГУ им. В.И. Ленина, Г. Примакова работала старшим научным сотрудником научно-исследовательского института сельского хозяйства РД, Д. Рамазанова заведовала кафедрой педагогического института [9, с. 27].

Одной из первых женщин дагестанок, получивших степень кандидата сельскохозяйственных наук, была Батырханова Султанат Муртузалиевна, окончившая геолого-почвенный факультет Ленинградского государственного университета еще до войны и работавшая научным сотрудником научно-исследовательского института местной промышленности. Работала в отделе почвоведения Дагфилиала АН СССР, откуда была направлена в аспирантуру при Почвенном институте АН СССР. В 1951 г. она защитила кандидатскую диссертацию и продолжала успешно работать в Дагфилиале АН СССР. В 1954 г. за безупречную работу в научных учреждениях она была награждена орденом «Знак почета» [7. Д. 139. Л. 97].

Большую научную и преподавательскую работу в дагестанском педагогическом институте проводили кандидат филологических наук заведующая кафедрой русского языка Н.Я. Судакова, преподаватель литературы А.И. Агеева, кандидат философских наук Т.Б. Савина, кандидат исторических наук заведующая кафедрой марксизма-ленинизма Усатова, преподаватель

новой истории кандидат исторических наук В.П. Дзагурова, преподаватели химии П.М. Алибекова, Н.А. Гасанова и др. [7, Д. 139. Л. 94]. Из выше перечисленных кандидатов наук женщин мы видим, что они активно занимались не только научной деятельностью, но и преподавательской, что было довольно сложно совмещать, в особенности женщинам, которым помимо своей работы приходилось заниматься также семейными, домашними делами.

Необходимо отметить, что многие дагестанки работали в научных учреждениях за пределами республики и вносили ощутимый вклад в развитие советской науки. Среди них Аза Алибековна Тахо-Годи, кандидат филологических наук, работала на кафедре классической филологии МГУ; кандидат филологических наук Уздият Башировна Далгат работала в Институте мировой литературы АН СССР; кандидат юридических наук Кавсарат Джамаловна Коркмасова была доцентом кафедры государства и права Ростовского

государственного университета; кандидат физических наук Т.А. Шайдаева работала в Ленинграде, кандидат филологических наук З.Р. Разилова работала в Киеве, доктор геологических наук Э. Дайтбекова работала в Баку и др. [9, с. 28].

Таким образом, необходимо отметить, что открытие аспирантуры в Дагестанском филиале АН СССР имело большое значение в развитии академической науки в республике. В 1950-е гг. наблюдается некий рост в обучении в аспирантуре девушек и дальнейшей их работе в научно-исследовательских институтах, хотя численный состав среди мужчин все еще преобладал. За период с 1951–1958 гг. Дагестанский филиал АН СССР подготовил 78 кандидатов и 5 докторов наук. Состав сотрудников институтов Дагфилиала АН СССР систематически пополнялся учеными из вузов и научных центров СССР. Открытие аспирантуры явилось новым витком в подготовке научных кадров для научно-исследовательских институтов Дагестана.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Институт истории, археологии и этнографии, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 1924–2014 гг. К 90-летию со дня основания. Документы и материалы / сост. Каймаразова Л.Г., Лысенко Ю.М., Чекулаев Н.Д. Махачкала, 2014. 410 с.
2. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее ЦГА РД). Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 8234.
3. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 8648.
4. Наука и культура в Дагестане [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://05posts.tumblr.com/post/137748382115/%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B0-%D0%>
5. Наука и высшая школа в Дагестане. Документы и материалы. Т. 2. 1941–2001 гг. Ч. 1. 1941–1965 гг. / сост. Какагасанов Г.И., Чекулаев Н.Д. Махачкала, 2008. 218 с.
6. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 8644.
7. Научный фонд ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 139.
8. Пушкарева Н.Л. Женщина в советской науке. 1917–1980 гг. // Вопросы истории. 2011. Ноябрь (№ 11). С. 92–102.
9. Гасанова А.И. Подготовка женских кадров в Дагестане и их роль в хозяйственном и культурном развитии республики (1945–1965 гг.). Махачкала, 1969. 184 с.

REFERENCES:

1. Institute of History, Archeology and Ethnography, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasy. 1924–2014 To the 90th anniversary of the founding. Documents and materials. // Comp. by Kaymarazova L.G., Lysenko Yu.M., Chekulaev N.D. Makhachkala, 2014. 410 p.

2. The Central State Archive of the Republic of Dagestan (hereinafter CSA RD). F. 1-p. Op. 1. D. 8234.
3. The CSA RD. F. 1-p. Op. 1. D. 8648.
4. Science and culture in Dagestan [electronic resource]: <https://05posts.tumblr.com/post/137748382115/%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B0-%D0%>
5. Science and higher education in Dagestan. Documents and materials. V. 2. 1941–2001 Part 1. 1941–1965 // Comp.by Kakagasanov G.I., Chekulaev N.D. Makhachkala. 2008. 218 p.
6. The CSA RD. F. 1-p. Op. 1. D. 8644.
7. Scientific Fund of the IIAE DFRC RAS. F. 3. Op. 2. D. 139.
8. Pushkareva N.L. A Woman in Soviet science. 1917–1980 //Questions of history. No. 11. November. 2011. P. 92–102.
9. Gasanova A.I. Training of female personnel in Dagestan and their role in the economic and cultural development of the Republic (1945–1965). Makhachkala, 1969. 184 p.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-68-74>
УДК 947.084(470.67)

Салихова Л.Б.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ДАГЕСТАНА)

Салихова Лейла Багаутдиновна,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия

e-mail: leila.salihova@yandex.ru

тел.: +7 (909) 486 32 79

БЛАГОДАРНОСТЬ

Работа выполнена в рамках государственного задания
для ДФИЦ РАН «Восточный Кавказ в составе Российской империи:
опыт интеграции и модернизации» № FMSW-2022-0019

Аннотация

Статья посвящена административной политике Российской империи на Восточном Кавказе, а именно в Дагестанской области во 2-ой половине XIX – начале XX в. Вопросы изучения взаимоотношения центра и регионов России на основе исторического прошлого приобретают актуальность и на сегодняшний день, они способствуют выявлению негативных и позитивных сторон в истории взаимоотношения Российского государства с народами Восточного Кавказа, позволяют объективно взглянуть на прошлое, извлечь уроки и опыт на современном этапе. Цель статьи – рассмотреть процесс административной политики России в Дагестане после Кавказской войны, дать характеристику положительным и отрицательным моментам проводившейся политики. В ходе работы над статьей были использованы методы сравнительно-исторического анализа, синтеза и обобщения, а также проблемно-хронологический метод, принцип объективности и историзма, предоставивший возможность проанализировать различные эпизоды и явления с исторической точки зрения.

Активное включение территорий Восточного Кавказа в состав Российской империи относится к началу XIX в., когда происходило создание первых административных систем управления. В 60–70-е гг. XIX в. они переросли в «военно-народную» систему управления. Введение разнообразных систем управления, переход от одних к другим показывают способность царской администрации приспосабливаться к местным условиям, которая вела к компромиссу интересов царской власти и управлению горских народов.

Ключевые слова: Российская империя, Восточный Кавказ, Дагестанская область, ханская власть, военный отдел, округ, наибство

Для цитирования: Салихова Л.Б. Административная политика Российской империи на Восточном Кавказе (на примере Дагестана) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Том 14, № 4. С. 68-74. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-68-74>.

Salikhova L.B.

ADMINISTRATIVE POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE EASTERN CAUCASUS (THE CASE OF DAGESTAN)

Salikhova Leila Bagautdinovna,

Candidate of Historical Sciences, a researcher of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia

e-mail: leila.salikhova@yandex.ru

tel.: +7 (909) 486 32 79

ACKNOWLEDGMENT

The research has been carried out within the framework of the state task for the Far Eastern Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences “The Eastern Caucasus as part of the Russian Empire: the experience of integration and modernization” No. FMSW-2022-0019

Abstract

The article is devoted to the administrative policy of the Russian Empire in the Eastern Caucasus, namely in the Dagestan region in the 2nd half of the 19th – early 20th century. The issues of studying the relationship between the center and the regions of Russia on the basis of the historical past are becoming relevant today. They help to identify negative and positive aspects in the history of the relationship between the Russian state and the peoples of the Eastern Caucasus, allow an objective look at the past, learn lessons and experience at the present stage. The purpose of the research is to consider the process of Russia’s administrative policy in Dagestan after the Caucasian War, to characterize the positive and negative aspects of the policy pursued. During the research, the methods of comparative historical analysis, synthesis and generalization have been used, as well as the problem-chronological method, the principle of objectivity and historicism, which has made it possible to analyze various episodes and phenomena from a historical point of view.

The active inclusion of the territories of the Eastern Caucasus into the Russian Empire dates back to the beginning of the 19th century, when the first administrative systems of governance were created. In the 60–70s of 19th century they developed into a “military-people’s” system of government. The introduction of various management systems, the transition from one to another show the ability of the tsarist administration to adapt to local conditions, which led to a compromise between the interests of the tsarist government and the management of the mountain peoples.

Keywords: the Russian Empire, the Eastern Caucasus, the Dagestan region, khan’s power, military department, district, naibstvo

For citation: Salikhova L.B. Administrative policy of the Russian Empire in the Eastern Caucasus (the case of Dagestan) // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2022. Volume 14, No. 4. P. 68-74. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-68-74>.

С покорением Восточного Кавказа перед царизмом встал вопрос об устройстве занятого края. А.И. Барятинский, являвшийся на тот период наместником на Кавказе, предполагал, что «немедленное, без всякой видимой для народа причины удаление представителей этих домов (местной феодальной знати – С.Л.Б.) вслед за окончанием войны (Кавказской войны – С.Л.Б.) имело бы весьма неблагоприятные (для России) последствия» [1, с. 222]. Он полагал «полезным» восстановить ханскую власть везде, где сохранились еще остатки ханского управления [2, с. 431].

Начало деятельности царской власти на Кавказе характеризовалось политикой упрочнения ханской власти (в Дагестане). В первой половине 1860-х гг. царская власть нуждалась в опоре и преданности со стороны местных феодалов, что было связано с желанием закрепиться в указанном регионе. Изначально царская власть, опиравшаяся на местных владетелей, отмечала служебные и личные достоинства феодальной знати, однако в последующем с целью упразднения ханской власти она стала указывать на отрицательные моменты, несоответствие занимаемым должностям.

Предлогами для смещения местных правителей служили претензии населения к самовластию ханов, болезненное состояние хана (шамхала, кадия), бессилие в исполнении долга владетеля, безрассудство, гибель владетеля, несомненная оппозиция в отношении начальства и осязаемое превышение данных прав, выезд из страны. Причины такого рода создавали условия для представления правителями «добровольно-принудительного» обращения о прекращении своих прав «по управлению народом» [1, с. 222; 223].

23 июля 1859 г. Авария в числе других обществ покорилась и вступила в подданство Российской империи. Было принято решение о восстановлении Аварского

ханства и назначении аварским ханом Ибрагим-хана, а его брата Решид-хана – ханом Мехтулинским [2, с. 431].

Так как аварский хан Ибрагим-хан был заподозрен в «разстройстве ... умственных способностей», подтвердившихся впоследствии, в 1862 г. он был вызван из Аварии и отправлен в Ставрополь на временное жительство. Руководство ханством было передано штаб-офицеру из русских, который состоял при хане. В 1864 г. был сделан запрос на «Высочайшее повеление» об окончательном устранении Ибрагим-хана Мехтулинского от управления ханством и образовании из него Аварского округа, с учреждением окружного управления на общих основаниях для Дагестанской области [3, Л. 20, 21].

13 марта 1867 г. начальник Дагестанской области сообщал, что шамхал Тарковский передал большую часть своих дел по управлению владением помощнику от правительства в связи со своей болезнью. В последующем шамхал просил освободить его от обязанности правления шамхальством Тарковским без утраты им титула шамхала Тарковского, а также всеми его наследниками по прямой линии мужского пола. Он также претендовал на сохранение всех прав на унаследованные от отца недвижимые имущества и выполнения шамхальцами ему всех повинностей до определения Временной комиссией его поземельных прав [4, Л. 5, 6].

Взамен утерянной власти царское правительство поощряло местных правителей большими земельными наделами; пенсиями до конца жизни; разовыми пособиями; оставляло жалованье, выдававшееся по чину. Все это выполнялось благодаря местным жителям. Царская власть шла на подобные меры с целью укрепления взаимоотношений с местной знатью. Таким образом, дагестанских владетелей приравнивали к положению беков, они должны были подчиняться императору,

как и иные представители российского высшего сословия [1, с. 229]. Правительство шло к постепенному введению сходных органов управления и ликвидации феодально-политических владений.

Однако изначально предусматривалась невозможность введения системы управления, существовавшей в Империи, к завоеванным народностям, так как в первой административно-судебная система базировалась на крепостничестве. В горских народах не было крепостного права, и насаждать нехарактерные им взгляды и жизненные условия было малоудобным. Это могло привести к ломке общественного строя и невыгодно повлиять на население, признание крепостного права привело бы к поднятию значения местного привилегированного класса.

Ввиду отсутствия времени и средств для создания новой системы управления было решено сохранить порядок управления, созданный в завоеванных обществах, который исходил из сформировавшихся обычаев народа и религиозных взглядов. Правительство, заручившись поддержкой лиц от управляемых, в то же время держало народ под контролем лиц от правительства [3, Л. 3].

5 апреля 1860 г. была образована Дагестанская область, этому способствовало утверждение проекта положения об управлении областью. Дагестанская область вошла в состав Кавказского края. Область была представлена четырьмя военными отделами и двумя гражданскими управлениями. В состав военных отделов (Северного, Южного, Среднего и Верхнего Дагестана) вошло 6 округов: Даргинский, Кайтаго-Табасаранский, Казикумухский, Гунибский, Самурский и Бежитский; 4 ханства: шамхальство Тарковское, ханства: Мехтулинское, Кюринское и Аварское, одно отдельное наибство – Присулакское [5, с. 184, 185; 6, Л. 1]. Гражданское управление было представлено Дербентским градоначальством и управлением портовым городом

Петровском. Во главе области стоял начальник, который к тому же был командующим войсками Дагестанской области.

Военные отделы были под контролем военного начальника. Военные отделы по военному и внутреннему правлению главенствовали над округами, относившимися к их ведению, и одним наибством. Ханства и владение Тарковское зависели от военных начальников по военному правлению.

Округами правили окружные начальники, владением Тарковским – шамхал, ханствами – ханы, Присулакским наибством – наиб. Гунибским и Бежитским округами управляли военные начальники, первым округом – начальник Среднего Дагестана, вторым – Верхнего.

Округа разделялись на наибства, ими правили наибы. Кайтаго-Табасаранский округ составлял исключение, до определенного периода им руководили местные правители. Даргинский округ был разделен по обществам, которыми правили кадии (не имевшие отношения к духовной части), назначавшиеся царской властью из семей, управлявших этими обществами по наследству [2, с. 434, 435].

Наибства как административно-территориальные единицы и политические формы правления были сохранены царской администрацией в виде «компромисса» между старыми и новыми формами правления, так как в правящих кругах Российской империи полагали, что население Дагестана не было готово к общероссийским формам правления [7, с. 133].

В 1862 г. на место А.И. Барятинского в качестве нового кавказского наместника был назначен брат царя великий князь Михаил Николаевич, что способствовало перемене политики касавшейся феодальных владений. Был поднят вопрос о ликвидации ханств и унификации имперского правления в Дагестане. Ханства предполагалось реорганизовать на подобии других территорий России [1, с. 222].

Упразднение ханств способствовало организации 9 округов Дагестанской области: Аварского, Андийского, Гунибского, Даргинского, Казикумухского, Кайтаго-Табасаранского, Кюринского, Самурского, Темир-Хан-Шурина. В период контрреформ в России в 80–90-е гг. XIX в. власти пришли к отмене тех небольших послаблений, допущенных в 60–70-е гг. XIX в. Было аннулировано название «наибство», принято решение о не назначении лиц от коренных народов на должность наивов. Председатель Кавказского комитета находил, что дагестанские наивы не могли обнаруживать непредвзятость и самостоятельность, надлежащую уполномоченным от власти. Итогом явилось решение об ограничении количества «наивов из местных уроженцев, назначения которых лучше было бы совсем избегать» [8, с. 175, 178]. 22 декабря 1899 г. были проведены преобразования в административном устройстве Дагестанской области, взамен 43 наивств было организовано 30 участковых управлений по общероссийскому типу [9, с. 344].

В 80-е гг. XIX в. Дагестанская область могла быть упразднена. Такое предложение поступило от министра финансов в целях экономии. Северная часть Дагестана могла отойти к Терской области, а Южная – к Бакинской губернии. Решение о сохранении области было принято в кругах высшей администрации. Дагестан воспринимался как единое целое в экономическом, культурном и географическом отношениях. Учитывалось, что «дагестанцы воинственны и еще не остыли от многолетней Кавказской войны, их легче контролировать, когда они вместе, а не разбросаны по разным губерниям и областям» [10, с. 15]. «Административно-территориальное деление Дагестанской области почти в неизменном виде сохранилось до октября 1917 г.» [8, с. 173], хотя некоторые изменения в административном устройстве

происходили на протяжении всего периода существования Дагестанской области.

В административной политике России на Восточном Кавказе были созданы особые административные единицы в отличие от обычных губерний. Российская система управления поэтапно проводилась на Восточном Кавказе, учитывались местные особенности. В областях с мусульманским населением первое время после присоединения к России сохранялась прежняя система ханской власти, что было связано с уровнем экономического развития районов и их военно-стратегическим значением [11, с. 47].

Окончательное упразднение ханств благотворно повлияло на развитие Дагестанской области как в экономическом, так и политическом отношении. Это и объединение Дагестана, и общая система административно-территориального управления. Все это благоприятствовало объединению дагестанских людей, предотвращению отгороженности в экономическом отношении отдельных частей области. Ликвидация ханств также способствовала к освобождению крестьян от власти ханов, от самоуправства с их стороны.

Однако исследователь А.К. Халифаева выделяет и отрицательные моменты в этом процессе: это распад видов и форм государственной национальности, существование которых в будущем могло предоставить возможность для организации единого государственного образования. Местные народы, освободившись от власти феодальных владетелей и уплаты податей в их пользу, были обложены казенными налогами. «На населении лежали также тяготы по содержанию органов нового управления, в том числе ханов и их семей» [1, с. 230].

Тем не менее, введение общероссийской системы управления способствовало вовлечению окраины Российской империи в единый государственный организм.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Халифаева А.К. Упразднение ханств и введение окружного управления на территории Дагестана во второй половине XIX в. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 4 (255). С. 222–230.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т. XII. Тифлис, 1904. 1552 с.
3. Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 326.
4. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее ЦГА РД). Ф. 126. Оп. 1. Д. 17.
5. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1. Тифлис: Гуттенберг, 1907. 616 с.
6. ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 7а.
7. Магомедова Э.М. Из истории образования Северо-Табасаранского наибства // Дагестан в составе Российского государства: от Дагестанской области до Республики Дагестан: материалы Республиканской научной конференции, посвященной 150-летию образования Дагестанской области и 90-летию образования Дагестанской АССР. Махачкала, 2011. С. 132–135.
8. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России / Ин-т истории и этнографии. Махачкала, 2009. 752 с.
9. Дагестанский сборник. Вып. I. / сост. Е.И. Козубский. Темир-Хан-Шура: Русская типография В.М. Сорокина, 1902. 433 с.
10. Далгат Э.М. Образование Дагестанской области – важная веха в истории народов Дагестана // Дагестан в составе Российского государства: от Дагестанской области до Республики Дагестан: материалы Республиканской научной конференции, посвященной 150-летию образования Дагестанской области и 90-летию образования Дагестанской АССР. Махачкала, 2011. С. 10–15.
11. Киняпина Н. С. Административная политика царизма на Кавказе и Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. 1983. № 4. С. 35–47.

REFERENCES:

1. Khalifaeva A.K. The abolition of the khanates and the introduction of district administration on the territory of Dagestan in the second half of the 19th century // News of higher educational institutions. Jurisprudence. No. 4 (255). 2004. P. 222–230.
2. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission (IHAE). V. XII. Tiflis, 1904. 1552 p.
3. Scientific archive of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Scientific Archive of the IHAE DFRC RAS). F. 1. Op. 1. D. 326.
4. The Central State Archive of the Republic of Dagestan (hereinafter The CSA RD). F. 126. Op. 1. D. 17.
5. Esadze S. Historical note on the management of the Caucasus. V. 1. Tiflis: Gutenberg Printing House, 1907. 616 p.
6. The CSA RD. F. 126. Op. 2. D. 7a.
7. Magomedova E.M. From the history of the formation of the North-Tabasaran district // Dagestan as a part of the Russian state: from the Dagestan region to the Republic of Dagestan.

Materials of the republican scientific conference dedicated to the 150th anniversary of the formation of the Dagestan region and the 90th anniversary of the formation of the Dagestan ASSR. Makhachkala, 2011. P. 132–135.

8. The history of the centuries-old relationship and unity of the peoples of Dagestan with Russia. To the 150th anniversary of the final entry of Dagestan into Russia / Institute of History and Ethnography. Makhachkala, 2009. 752 p.

9. Dagestan collection. Issue. I. / comp. by E.I. Kozubsky. Temir-Khan-Shura: V.M. Sorokin's Russian printing house, 1902. 433 p.

10. Dalgat E.M. The formation of the Dagestan region is an important milestone in the history of the peoples of Dagestan // Dagestan as a part of the Russian state: from the Dagestan region to the Republic of Dagestan. Materials of the republican scientific conference dedicated to the 150th anniversary of the formation of the Dagestan region and the 90th anniversary of the formation of the Dagestan ASSR. Makhachkala, 2011, P. 10–15.

11. Kinyapina N. S. The administrative policy of tsarism in the Caucasus and Central Asia in the 19th century // Questions of history. 1983. No. 4. P. 35–47.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-75-81>

УДК 377:574

Ашихмина Е.А., Светлова О.А., Фридман М.Ф.

ПРОБЛЕМНОЕ ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖА КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ПРИ ПЕРЕХОДЕ ОБЩЕСТВА В ШЕСТОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД

Ашихмина Елена Анатольевна,

преподаватель ГАПОУ МО «Подмосковный колледж «Энергия», Реутов, Россия

e-mail: ashserg@yandex.ru

тел.: +7(962) 361 54 75

Светлова Оксана Анатольевна,

преподаватель ГАПОУ МО «Подмосковный колледж «Энергия», Реутов, Россия

e-mail: oka19041986@yandex.ru

тел.: +7 (906) 049 63 34

Фридман Михаил Феликсович,

доктор философских наук, профессор РАНХиГС, кандидат педагогических наук, Москва, Россия

e-mail: mffree79@mail.ru

тел.: +7 (925) 862 62 65

Аннотация

Актуальность. Развитие высокотехнологического производства ведет к росту негативного влияния человека на окружающую среду, поэтому сегодня актуальны вопросы развития экологического сознания, в том числе и студентов колледжа.

Постановка проблемы: возрастает негативное влияние человека на окружающую среду, однако развитие экологического сознания студентов, осознание последствий воздействия на окружающую среду находится не на том должном уровне, который необходим в условиях перехода общества в шестой технологический уклад.

Цель: доказать, что формирование познавательной активности студентов колледжа в экологическом аспекте является необходимым условием развития экологического сознания студентов колледжа.

Для решения проблемы в статье рассмотрены такие *методы исследования*, как анализ педагогической литературы, наблюдение, синтез, обобщение, рассмотрены вопросы практического применения методов на примере занятий по физико-математическим дисциплинам и занятий по экологии.

Выводы: Использование механизмов формирования у студентов способности к проявлению инициативы в проблемно-диалогическом взаимодействии в вопросах, касающихся экологических проблем, способствует развитию экологического сознания студентов, росту их ответственности за результативность своей профессиональной деятельности, воздействия на экосистему.

Ключевые слова: экология, экологическое сознание, шестой технологический уклад, познавательная деятельность, информационно-познавательная деятельность студентов, умственная активность, физико-математические дисциплины

Для цитирования: Ашихмина Е.А., Светлова О.А., Фридман М.Ф. Проблемное обучение студентов колледжа как условие развития экологического сознания при переходе общества в шестой технологический уклад // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Том 14, № 4. С. 75-81. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-75-81>.

Ashikhmina E.A., Svetlova O.A., Fridman M.F.

PROBLEM-BASED LEARNING OF COLLEGE STUDENTS AS A CONDITION OF THE DEVELOPMENT OF ENVIRONMENTAL CONSCIOUSNESS WHEN PASSING TO THE SIXTH TECHNOLOGICAL MODE

Ashikhmina Elena Anatolyevna,

a lecturer of SAPEI MO "Moscow-area College "Energy", Reutov, Russia

e-mail: ashserg@yandex.ru

tel.: +7 (962) 361 54 75

Svetlova Oksana Anatolyevna,

a lecturer of SAPEI MO "Moscow-area College "Energy", Reutov, Russia

e-mail: oka19041986@yandex.ru

tel.: +7 (906) 049 63 34

Fridman Mikhail Feliksovich,

Doctor of Philosophy, a pfoessor of RANEPa, Candidate of Pedagogics, Moscow, Russia

e-mail: mffree79@mail.ru

tel.: +7 (925) 862 62 65

Abstract

The relevance of the research: the development of high-end manufacturing leads to an increase in the negative impact of man on the environment. So, today the issues of developing environmental consciousness in college students are relevant.

The problem statement: the negative impact of a person on the environment is increasing. However, the development of the ecological consciousness of students, awareness of the consequences

of environmental impact is not at the proper level that is necessary in the transition of society to the sixth technological mode.

The purpose of the research is to prove that the formation of the cognitive activity of college students in the ecological aspect is a necessary condition for the development of the ecological consciousness of college students.

To solve the problem, the article considers such *research methods* as the analysis of pedagogical literature, observation, synthesis, generalization, considers the issues of practical application of methods on the example of classes in physical and mathematical disciplines and classes in Ecology.

The conclusions: The use of mechanisms for the formation of students' ability to show initiative in problem-dialogical interaction in matters relating to environmental problems contributes to the development of students' environmental consciousness, the growth of their responsibility for the effectiveness of their professional activities, and the impact on the ecosystem.

Keywords: ecology, ecological consciousness, the sixth technological mode, cognitive activity, information and cognitive activity of students, mental activity, physical and mathematical disciplines

For citation: *Ashikhmina E.A., Svetlova O.A., Fridman M.F. Problem-based learning of college students as a condition of the development of environmental consciousness when passing to the sixth technological mode // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2022. Volume 14, No. 4. P. 75-81. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-75-81>.*

XXI век характеризуется вступлением мирового сообщества в шестой технологический уклад, представляющий собой интегрирующий показатель успешности жизненного уровня, опережающего развитие науки, включающего в себя такие сферы реализации, как NBIC – конвергенция, мехатроника, аддитивные технологии, робототехника, искусственный интеллект, глобализация и др.

Однако развитие высокотехнологического производства ведет и к росту негативного влияния человека на окружающую среду и экосистему в целом. Это в свою очередь требует необходимости динамического развития кадрового потенциала, способного соотносить свою профессиональную деятельность с результатом техногенного воздействия на природу.

Поэтому система образования, в том числе и колледж, должна своевременно отлаживать механизмы обучения в соответствии с актуальными социальными и эколого-экономическими проблемами.

Одним из таких механизмов является проблемное обучение студентов колледжа.

Проанализировав педагогическую литературу, можно заявить, что в основе проблемного обучения стоит вопрос, который является активатором мышления. По мнению Ю.И. Зуева «правильно сформулированный вопрос становится той силой, которая движет целые области знания» [4]. Вопрос, поставленный студентом, отражает ту или иную проблему, порожденную его сознанием. И хотя не каждый вопрос отражает проблемную ситуацию, направленную на получение новой информации, обретение новых знаний, познавательная роль вопроса неопровержима, и любой вопрос студента полезен, потому что вопрос – это внешнее проявление внутренних мыслительных процессов.

Что касается развития экологического сознания, то в процессе формулировки вопроса студент обрабатывает поступающую информацию об экологической проблеме, анализирует ее, проводит структуризацию, формулирует новые идеи, развивает мысль уже имеющихся у него знаний, ставит перед собой проблему поиска решений проблемы, строит гипотезу [6].

Подтверждением этому является мысль С.Л. Рубинштейна: «Вопрос – первый признак зарождающейся работы мысли и начало понимания» [9]. По сути дела, вопрос студента – это внутренний импульс его познавательной деятельности, способствующий повышению его профессиональной компетентности, требующий от студентов ответственности за результат воздействия на окружающую среду своей профессиональной деятельности, актуальность чего возрастает в условиях перехода к шестому технологическому укладу.

Говоря о природе студенческого вопроса, следует отметить его отличие от вопроса педагога. Познавательная активность студента в этом случае ближе к научному познанию, когда вопросы возникают из результатов предшествующего знания о том, что требуется изучить в сфере еще непознанного. Это оказывает влияние и на развитие его сознания, в том числе и экологического, которое так необходимо в условиях вступления общества в шестой технологический уклад. Если познавательная активность студентов падает, то это чревато превращением его из субъекта познания в объект познания. Таким образом, необходимо, чтобы педагог поощрял и стимулировал студентов на внутренний диалог и формулирование вопросов.

Педагог должен не только вызывать вопрос в сознании обучающихся, но и вызывать у них стремление к формулированию вопроса, содержащего проблему в определенном направлении, в частности в направлении вопросов, касающихся экологических проблем, обнаруженных самими студентами, протекает на более высоком уровне умственной активности, что обеспечивает высокое качество приобретаемых знаний и вырабатывает навыки познавательной деятельности.

Студентов необходимо стимулировать на такие вопросы, но как это

сделать? Данная проблема хорошо представлена у Л.В. Швечиной в ее книге «Стимулирование вопросов у обучающихся как способ развития их познавательной деятельности» [11], в которой она говорит, что педагог должен суметь выстроить такую линию содержательно-познавательного противоречия, которая бы максимально активизировала проблемное видение студентов, при этом предлагаемый студентам материал не должен быть перенасыщен информационно-познавательными противоречиями, так как такой подход лишил бы студентов этапов мыслительных процессов. Мы согласны с мнением В.В. Заботина, что для развития проблемного видения необходимо постепенно уменьшать представленность структуры информационно-познавательного противоречия» [3], для того чтобы у студентов развивалась способность достраивать структуру противоречия.

Проанализировав некоторые современные учебники по экологии (Андреева Н.Д., Астафьева О.Е., Пасечник В.В., Швецов Г.Г. и др.), можно заметить, что в них отсутствуют задания, стимулирующие студентов задавать вопросы. Задания учебников содержат задачи, требующие выполнения алгоритмов, выполнения тех или иных заданий, и предполагается, что вопрос сформулирован педагогом, а не студентом. Например, «В чем заключается опасность роста употребления энергии?», «Каковы причины изменения климата?», «Что означают понятия «электромагнитное загрязнение», «адаптация» и «антропогенный фактор»?».

Создание системы формирования проблемных ситуаций одно из необходимых условий, стимулирующих способность студентов задавать вопросы, касающиеся природоохранной деятельности, сохранению экосистемы в условиях развития техногенной деятельности человека.

Так, например, вовлечение студентов к участию во Всероссийском заповедном уроке по направлению «Экология в математике» стимулировало их к разрешению ситуации конфликта: как решить экологическую и транспортную ситуацию в столице с помощью реконструкции и запуска пассажирского движения на малом кольце Московской железной дороги (МК МЖД)? Стимулирование вопросов побудило их к познавательной деятельности: какие расчеты необходимо провести, чтобы создать реконструкцию на Пулковском шоссе. Решение экологической ситуации в отдельном районе на примере создания экотехнопарков, разработки проекта межотраслевого кластера «Зеленая Москва» в физико-математической подготовке приводит к ситуации планирования. В процессе обсуждения вариантов решения проблемы у студентов развивается проблемное видение, формируются профессиональные навыки: как начертить электрическую схему макета, сделать математические расчеты экотехнопарков [5].

Примером ситуации опровержения, используемая при доказательстве неосуществимости некоторого физического явления, служит попытка создания вечного двигателя и доказательство невозможности создания такого механизма, который не имеет отработанных отходов, загрязняющих окружающую среду или пример попытки создания механизма, движущегося со скоростью, превышающей скорость света в вакууме. Другой пример – это проектирование ракеты и составление карты технических характеристик, проведение экооценки на использование материалов, электрооборудования, используемого для ее создания [1].

Выполнение практической работы по математике «Мой экослед» предусматривает расчет использованной студентом или его семьей электроэнергии, воды, транспорта, приобретения и потребления продуктов питания, бумаги,

производство отходов. Такой вид деятельности способствует стимулированию вопросов: насколько экологичен мой образ жизни, какое загрязнение окружающей среде я оказываю? Выполнение такого рода практических заданий способствует созданию ситуаций прогнозирования: каков экослед моего города, страны, современного общества в течение некоторого периода времени? [8]

И.Я. Лернер предлагает формировать задания по видам учебных умений (организационные, практические, интеллектуальные, психолого-характерологические) [6]:

Мы постарались разработать систему заданий, которая стимулирует студентов на формулирование вопросов в диалоговом общении. Ниже представлены примеры заданий данных разделов.

Организационные: охарактеризуйте современные экологические проблемы, оформив их в виде таблицы-схемы, и составьте несколько логических вопросов, начинающихся со слов «как...», «почему...», «для чего...», которые описывают область поиска ответа и набор признаков.

Практические: Если воду из озера Байкала разделить поровну между всеми жителями нашей страны, то на каждого россиянина придется приблизительно 160 000 кубометров воды. Рассчитайте, сколько стаканов (250 мл) воды придется на каждого жителя России.

Интеллектуальные: Пестицид ДДТ, широко применяемый при борьбе с насекомыми-вредителями, был запрещен для использования через некоторое время. Объясните, используя рисунок 1, почему это произошло, и продумайте вопросы, которые могут возникнуть у студентов при выполнении задания.

Применение механизмов проблемного обучения экологического содержания на занятиях экологии, физики и математики позволяет путем стимулирования вопросов и создания ситуаций противоречия между накопленным опытом и научными

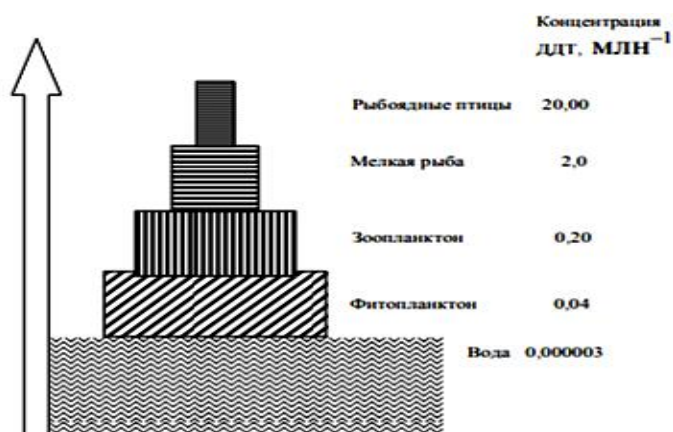

Рис. 1. Аккумуляция пестицидов (ДДТ) в водной экосистеме (по Н.Ф Реймерсу)

знаниями активизировать мышление студентов колледжа, побудить их к анализу профессиональных проблем, поиску способов их разрешения, повысить их мотивацию [10], что способствует развитию экологического сознания студентов

колледжа, росту их ответственности за результативность профессиональной деятельности, воздействия на экосистему в целом в условиях роста техногенной деятельности человека при переходе общества к шестому технологическому укладу.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дабеза А.М., Гречушкина В.П., Колесникова Т.Ф. Проблемное обучение физике в среднем профессиональном образовании // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7, № 2 (23). С. 86–88.
2. Заботин В.В. О развитии проблемного видения у школьников // Советская педагогика. 1972. № 2. С. 29–40.
3. Зуев Ю.И. Логическая интерпретация вопросов // Логико-грамматические очерки. 1961. № 3. С. 97–110.
4. Интерактивный Всероссийский заповедный урок [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosuchebnik.ru/material/ekologiya-v-matematike-24188/>
5. Лернер И.Я. Об учебных умениях и их отражениях в учебниках // Проблемы школьного учебника. 1983. Вып. 20. С. 228–234.
6. Лукина М.М. Постановка проблемы и выбор темы как начало исследования [Электронный ресурс] // Проблемы педагогики. 2019. № 3 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postanovka-problemy-i-vybor-temy-kak-nachalo-issledovaniya> (дата обращения: 11.09.2022)
7. Лукашевич О.Д., Колбек М.В., Филичев С.А. Практические работы по экологии и охране окружающей среды: методическое пособие. Томск: Том. гос. архит.-строит. ун-т, 2009. 80 с.
8. Решетникова Н.В. Проблемное обучение на уроках математики // Школьные технологии. 2013. № 2. С. 96–106.
9. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Т. 1. М.: Педагогика, 1989. 488 с.
10. Социальная сеть работников образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nsportal.ru/shkola/fizika/library/2015/10/13/metodicheskie-ukazaniya-po-organizatsii-i-metodicheskomu>
11. Швечихина Л.В. Стимулирование вопросов учащихся как способ развития их познавательной деятельности // Формирование познавательной деятельности школьников и студентов. Тюмень, 1982. 100 с.

REFERENCES:

1. Dabezha A.M., Grechushkina V.P., Kolesnikova T.F. Problem-based teaching of Physics in secondary vocational education // Azimuth of scientific research: Pedagogy and Psychology. 2018.V. 7. No. 2 (23) P. 86–88.
2. Zabotin V.V. On the development of problematic vision in schoolchildren // Soviet Pedagogy, 1972. No. 2. P. 29–40.
3. Zuev Yu.I. Logical interpretation of questions // Logical and grammatical essays. M.: Higher School, 1961. No. 3. P. 97–110.
4. Interactive all-Russian reserved lesson [Electronic resource]. <https://rosuchebnik.ru/material/ekologiya-v-matematike-24188/>
5. Lerner I.Ya. About educational skills and their reflections in textbooks // Problems of a school textbook. Issue. 20. M., 1983. P. 228–234.
6. Lukina M. M. Statement of the problem and choice of topic as the beginning of the study [Electronic resource] // Problems of Pedagogy. 2019. No. 3 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postanovka-problemy-i-vybor-temy-kak-nachalo-issledovaniya> (date of access: 11.09.2022): 11.09
7. Lukashevich O.D. Practical work on Ecology and environmental protection: a methodological manual / O.D. Lukashevich, M.V. Kolbek, S.A. Filichev. Tomsk: Publishing House of Tomsk state architect.-build. un-ty, 2009. 80 p.
8. Reshetnikova N.V. Problem-based learning in Mathematics lessons// School technologies. 2013. № 2, P. 96–106.
9. Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology. M.: Pedagogy, 1989. V. 1. 488 p.
10. Social network of educators [Electronic resource] <https://nsportal.ru/shkola/fizika/library/2015/10/13/metodicheskie-ukazaniya-po-organizatsii-i-metodicheskomu>.
11. Shvechikhina L.V. Stimulation of students' questions as a way to develop their cognitive activity // Formation of cognitive activity of schoolchildren and students. Tyumen, 1982. 100 p.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-82-91>
УДК [373.3:5](470.5)

Баишев И.Н.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННО- НАУЧНЫХ И ТОЧНЫХ ДИСЦИПЛИН В НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛАХ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА)

Баишев Ильдар Нариманович,

кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры Отечественной истории ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», Уфа, Россия

e-mail: ildarbaish@list.ru

тел.: +7 (986) 967 62 91

Аннотация

Актуальность исследования определяется повышением значимости изучения естественно-научных и точных дисциплин как в общеобразовательных, так и профессиональных учебных заведениях, а также необходимостью обращения к опыту построения учебно-воспитательного процесса в России на рубеже XIX–XX вв.

Исследование содержательных сторон обучения и воспитания в дореволюционной России позволяет выявить приоритетные задачи государственной политики в области образования, определить место и роль основных учебных дисциплин в школах.

Целью данной работы является изучение особенностей преподавания естественных и точных наук в начальных учебных заведениях уральского региона в указанные хронологические рамки. Задачи исследования: на основе преимущественно архивных материалов и научной литературы изучить содержание учебных планов начальных школ предреволюционной России (на материалах Урала), показать место и роль естественно-научных и точных дисциплин, особенности их преподавания и факторы повышения их значимости в учебно-воспитательном процессе. Методы исследования: источниковедческий, историко-типологический, сравнительно-исторический.

В процессе нашего исследования мы пришли к следующим выводам.

В период с конца XIX по начало XX вв. наблюдалось значительное повышение значимости изучения точных наук благодаря динамичному экономическому росту страны и рассматриваемого нами региона, усилению прикладного характера образования в целом, а также возросшей зависимости достижения жизненного успеха от полученных в школе знаний и умений. В начальных учебных заведениях уральского региона происходило заметное совершенствование методических приемов преподавания естественно-научных дисциплин и точных наук. Происходил активный процесс обучения детей разнообразным ремеслам и сельскохозяйственному труду. Выросли, в свою очередь, и уровень подготовки и профессионального мастерства учителя; наблюдалась профессиональная консолидация педагогов начальных

и средних учебных заведений – возникали учительские сообщества и проводились разнообразные съезды и форумы.

Ключевые слова: учебно-воспитательная работа, математика, арифметика, естествознание, география, преподавание, учительство, начальное училище, учебная программа, прикладное обучение

Для цитирования: Баишев И.Н. Особенности преподавания естественно-научных и точных дисциплин в начальных школах на рубеже XIX – XX вв. (на материалах уральского региона) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Том 14, № 4. С. 82-91. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-82-91>.

Baishev I.N.

PECULIARITIES OF TEACHING NATURAL SCIENCES AND STEM SUBJECTS IN PRIMARY SCHOOLS AT THE TURN OF THE XIX – XX CENTURIES (THE CASE OF THE URAL REGION)

Baishev Ildar Narimanovich,

Candidate of Historical sciences, an assistant professor of the Department of National History of FSBEI HE “Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla”, Ufa, Russia

e-mail: ildarbaish@list.ru

tel.: +7 (986) 967 62 91

Abstract

The relevance of the research is determined by the increasing importance of studying natural sciences and STEM subjects both in general and professional educational institutions, as well as the need to refer to the experience of building the educational process in Russia at the turn of the 19th – 20th centuries.

The study of the content aspects of education and upbringing in pre-revolutionary Russia makes it possible to identify the priority tasks of the state policy in the field of education, to determine the place and role of the main academic disciplines in schools.

The purpose of the research is to study the features of teaching Natural Sciences and STEM subjects in primary educational institutions of the Ural region within the specified chronological framework. The research objectives are to study the content of the curricula of elementary schools in pre-revolutionary Russia (the case of the Urals) on the basis of predominantly archival materials and scientific literature, to show the place and role of Natural sciences and STEM subjects, the features of their teaching and the factors that increase their importance in the educational process. The research methods are source study, historical and typological methods, comparative and historical methods.

During the research, we have come to the following conclusions.

Between the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries there was a significant increase in the importance of studying the STEM subjects due to the dynamic economic growth of the country and the region we are considering, the strengthening of the applied nature of education in general, as well as the increased dependence of achieving success in life on the knowledge and skills acquired at school. In the primary educational institutions of the Ural region, there was a noticeable improvement in the methodological methods of teaching Natural sciences and STEM subjects. There

was an active process of teaching children various crafts and agricultural work. In turn, the level of training and professional skills of teachers grew; there was a professional consolidation of teachers of primary and secondary educational institutions – teachers' communities arose and various congresses and forums were held.

Keywords: educational work, Mathematics, Arithmetic, Natural sciences, Geography, teaching, elementary school, curriculum, applied learning

For citation: *Baishev I.N. Peculiarities of teaching Natural Sciences and Stem subjects in primary schools at the turn of the XIX – XX centuries (the case of the Ural Region) // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2022. Volume 14, No. 4. P. 82-91. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-82-91>.*

На рубеже XIX – XX веков происходили значительные изменения в постановке учебно-воспитательной работы общеобразовательных учебных заведений как России в целом, так и рассматриваемого нами уральского региона. Заметно расширялась сеть общеобразовательных и профессиональных учебных заведений, происходило совершенствование содержательных сторон учебно-воспитательного процесса. Изучение опыта реформ народного образования начала XX века представляет, по нашему мнению, значительный научный интерес, поскольку изменения форм и методов обучения в школах происходили на фоне динамичных социально-экономических перемен, возрастала значимость прикладного характера обучения. Этот аспект, безусловно, актуален и в наши дни.

Управление народным образованием уральских губерний в дореволюционный период находилось в ведении Оренбургского учебного округа, образованного в 1874 году и включавшего в свой состав территории Пермской, Оренбургской и Уфимской губерний, а также Уральской и Тургайской областей. Это обусловило определенное единство в построении учебно-воспитательного процесса, а также подходах к решению наиболее важных педагогических задач.

Многонациональный состав населения Урала обусловил специфику образовательной сферы с присущим ей многообразием форм и методов обучения, а

также типов учебных заведений, сохранением традиционных форм обучения в среде мусульманского населения.

Кроме того, уральский регион являлся одной из промышленно развитых территорий страны, что, безусловно, сказывалось на характере как профессионального, так и школьного образования. Не следует забывать и о том, что и в целом в стране наблюдался высокий подъем промышленного производства, торговли, предпринимательства, особенно в последние годы XIX столетия. При этом сложившийся к тому времени уровень образования не всегда адекватно отвечал потребностям общества: требовались значительное расширение прикладного характера обучения в школах и профессиональных учебных заведениях, совершенствование учебников и учебных пособий по естественным и точным наукам, а также более широкая подготовка квалифицированных учителей.

На рубеже XIX – XX веков в стране насчитывались десятки типов начальных учебных заведений. Наиболее распространенными из них были сельские одноклассные и двухклассные училища с трехлетним и пятилетним курсами обучения соответственно. Они находились в ведении Министерства народного просвещения. Кроме того, открывались школы церковного и других ведомств, частные учебные заведения и школы органов местного самоуправления (земские).

В программах начальных учебных заведений к концу XIX века не так много

уделялось внимания точным и естественно-научным дисциплинам. Основное место в школе занимало обучение общей грамоте, языковым и церковным дисциплинам. В «Примерных программах предметов, преподаваемых в начальных училищах Министерства народного просвещения» 1897 года, в частности, предусматривалось прохождение Закона божьего, церковнославянской грамоты, русского языка, чистописания и арифметики.

На уроках арифметики в первый год обучения учащиеся должны были усвоить основные понятия курса, научиться считать до ста и выполнять четыре действия в пределах двух десятков [9, с. 101–102].

В учебных программах 1897 г. основное внимание, как указывалось ранее, уделялось вопросам усвоения учащимися основ христианского вероучения. Важная роль отводилась и приобретению навыков «пользоваться чтением как источником знания», не только удовлетворяющего естественной любознательности человека, но и полезного в практической жизни; умению ясно излагать прочитанный текст и свою собственную мысль. Кроме того, речь шла об ознакомлении учащихся с «главнейшими чертами отечественной истории и географии». Наконец, учащиеся должны были усвоить «хотя бы элементарные сведения об окружающих явлениях природы и научиться производить четыре арифметических действия над отвлеченными и именованными числами, а также применять арифметические вычисления к решению простых задач практического характера и производить вычисления с долями, наиболее употребительными в житейских расчетах. Сообщая сведения, школа должна развивать в учащихся любовь к знанию, умение использовать полученные знания в собственной жизни и заложить потребность в дальнейшем образовании. Только при этом условии работа

учителя окажется прочной и цель школы будет достигнута» [7, Л. 35 об.].

Архивные документы сообщают нам о том, какие основные задачи ставились при прохождении обучающимися начальных классов математических дисциплин: «...к преподаванию арифметики предъявляются два требования: во-первых, необходимо развивать умственные силы детей и, во-вторых, сообщать им знания и умения чисто практического характера... Прохождение арифметики должно представлять собою ряд маленьких открытий, делаемых учениками путем самостоятельности, поддерживаемой учителем; они сами должны доходить до понимания и усвоения арифметического материала...» [11, Л. 38].

Об уровне преподавания основных учебных дисциплин в школах начала XX века содержательная информация имеется в сохранившихся в архивах различных инспекторских отчетах. В качестве примера приведем отчет инспектора народных училищ Уфимской губернии от 21 декабря 1913 года о посещении уроков в Катав-Ивановском городском училище. Инспектор особо выделил занятия учителя Смирнова, который, в свою очередь, не являлся профессиональным педагогом, а только исполнял обязанности народного учителя. Он преподавал арифметику и географию. В своем отчете инспектор, в частности, написал: «Я был у него на уроках арифметики. Ученики подготовлены прекрасно. Такой скучный для детей предмет, как арифметика (при обычной системе преподавания) трудно сделать для них занимательным. И тем не менее Смирнов достиг этого. Его объяснения просты, наглядны, и уроки идут весьма оживленно. Сам он делу предан всей душой... К сожалению, Смирнов не имеет звания учителя уездного училища, но было бы в интересах дела весьма желательным не в пример прочим принять какие-либо меры к утверждению его в занимаемой должности, дабы не лишать

училища этого, хоть и не дипломированного, но прекрасного и способного учителя». [7, Л. 178 об.].

Не менее важное место в учебно-воспитательном процессе придавалось приобщению детей к естественным наукам. Педагогическая общественность страны ставила вопрос о расширении естественно-научных дисциплин в программах начальной школы с конца XIX века. В условиях ускоренного экономического роста возрастание удельного веса прикладных форм обучения было вполне естественным процессом. Речь в основном шла о включении полноценных уроков географии и естествознания (некоторые сведения из которых учащиеся получали на занятиях объяснительного чтения) в курс начального обучения. При этом характер обучения в начальных школах являлся предметом споров и дискуссий. Правительственные круги настаивали на постановке так называемого «практического» образования – обязательном обучении детей сельскому хозяйству (огородничеству, садоводству, пчеловодству, земледелию) и ремеслам. Однако многие передовые педагоги считали, что начальная школа не должна преследовать утилитарных целей, а профессиональное обучение должно оставаться делом специальных учебных заведений для тех учащихся, которые имели за плечами общее образование на базе начальных приходских либо городских училищ [12, с. 65–67].

При этом родители учащихся в целом понимали необходимость приобщения своих детей к прикладным, светским знаниям. Разворачивалась даже определенная борьба между сторонниками религиозно-нравственного и светского обучения. Согласно статистическим данным, с каждым годом количество учащихся в светских (земских и министерских) школах увеличивалось, а в церковноприходских – уменьшалось. Происходило это во многом по объективным причинам. В земских школах преподавалось больше

предметов прикладного характера, включая даже основы ремесленных знаний. Поэтому крестьяне, исходя из практических соображений, стремились записывать своих детей (при наличии выбора) в земские школы, а не в церковноприходские. По мнению ряда исследователей, боязнь церкви потерять контроль над подрастающим поколением привела к противодействию с ее стороны планам введения единой системы начального образования на основе земских школ, что в свою очередь никак не могло способствовать ускорению модернизации в России на рубеже XIX – XX вв. [4, с. 119].

В двухклассном училище на третьем и четвертом годах обучения с 1902 г. предусматривалось прохождение ряда естественно-научных дисциплин. Среди них география и природоведение, черчение и рисование. На уроках географии учащиеся получали сведения о движении Земли, странах, морях и океанах, температуре воздуха, климатических изменениях, ландшафтах, населении земного шара, расах и их языках. Природоведение давало понятие о предметах и явлениях природы. Черчение и рисование знакомило учащихся с плоскостными формами и их вычерчиванием, учило правильному проведению линий на земле и съему плана небольшого участка земли с помощью цепи и экера, а также давало некоторые знания из геометрии. [3, с. 140].

Основное внимание в преподавании естественных наук уделялось географии в четвертом классе. Занятия по географии, как и по истории, должны были состоять из «живых бесед в связи с чтением», с выделением на них особых уроков. При прохождении курса географии предусматривалось не только раскрытие основных законов и явлений окружающей природы, но и знакомство учащихся также «с государственным строем Отечества и местными правительственными и общественными учреждениями» [7, Л. 43].

В 1911 году по итогам ревизионного осмотра народных училищ попечитель Оренбургского учебного округа обратил внимание, помимо прочего, на особенности построения обучения географии: «По географии желательно больше обращать внимание на точное ознакомление с географической картой и на сопоставление и сравнение более или менее однородных географических сведений» [1, Л. 11 об.].

По естествоведению курс первых трех классов, согласно конспекту учебного плана, должен был состоять в ознакомлении учащихся «с местными произведениями и явлениями природы» и способствовать развитию в детях наблюдательности, усиливая и укрепляя вместе с тем любовь их к природе [6, Л. 13]. «Соответственно возрасту учащихся эти цели только и могут быть достигнуты исключительно путем наглядного ознакомления детей с телами природы и составления хотя бы кратких описаний их по живым экземплярам, коллекциям, моделям, препаратам и в неизбежных случаях по картинам и таблицам» [6, Л. 13], сообщалось в документе. В этом составлении описаний должна была заключаться одна из важнейших образовательных задач курса естествоведения, так как этот курс, по мнению авторов источника, должен был способствовать формированию точных и живых представлений о природе у ребенка. Считалось, что работа учащихся по наблюдению природы и собиранию ими материала для классной разработки при значительном числе учащихся и при одном преподавателе «не может бытьстройной и продуктивной».

Немаловажная роль при изучении естественно-научных дисциплин отводилась организации школьных экскурсий. Здесь, по мнению составителей учебных планов, следовало учитывать климатические условия нашей страны. При этом подчеркивалось, что не следует ставить весь успех дела в зависимость от столь изменчивых и случайных причин,

как состояние погоды. Поэтому педагоги считали, что нужно отказаться от заманчивого предложения «выведения школы в природу» для непосредственного «собираения материала самими учащимися». Наоборот, сообщалось, что следует всеми мерами озаботиться, чтобы «возможно шире и гостеприимнее ввести природу в школу». Школьные экскурсии должны были быть запланированы после 5–10 и более уроков, когда материал конкретной темы будет проработан в классе. Целью экскурсии в этом случае становилось закрепление в памяти учащихся ранее изученного материала, что должно было подталкивать детей «к действительному наблюдению природы и созданию в умах известной картины». При таком ходе преподавания экскурсии должны были служить необходимым полезным добавлением к классной работе, а не основой ее. Общее число экскурсий должно было быть ограничено конкретными разделами учебного курса. Для успешного выполнения учебного плана требовалось провести не менее 20–25 экскурсий на каждый класс [6, Лл. 13–14].

О необходимости значительного расширения курса естественно-научных дисциплин в школах говорил попечитель Оренбургского учебного округа О.Н. Владимиров в 1912 году: «Наша русская начальная школа в ее настоящей постановке слишком теоретична и оторвана от жизни. Все обучение в ней основано исключительно на книжках, но не на ознакомлении с фактами и явлениями природы и быта населения. Вследствие этого наша школа дает только простую грамотность, т.е. умение читать, писать и считать, но не способствует улучшению жизни населения в культурном отношении. Жизнь школы и жизнь населения, среди которого она работает, не связаны между собой благотворным взаимодействием» [2, Л. 51].

В предреволюционные годы занятия по естественно-научным дисциплинам

приобретали все более практический характер, некоторые учителя на своих уроках проводили даже разнообразные физические и химические опыты. В одном из циркуляров руководства Оренбургского учебного округа, адресованного инспекторам городских и высших начальных училищ Уфимской дирекции и датированного 6 марта 1914 г., сообщалось об инциденте со взрывом колбы на одном из занятий в ходе опыта добытия кислорода с использованием серной кислоты при нагревании на спиртовой лампе. В результате брызги раствора серной кислоты попали на одежду и лица некоторых учащихся, окружавших учительский стол. И хотя подобный случай произошел, как было установлено, «от несоблюдения всех предосторожностей и не имел печальных последствий для здоровья учащихся», училищное руководство потребовало от начальства учебных заведений принять все меры предосторожности для предотвращения впредь несчастных случаев с учащимися [6, Л. 17].

Обучение учащихся начальных школ естественно-научным дисциплинам было тесно связано с заметным углублением прикладного характера учебно-воспитательного процесса в целом. Детей с ранних лет приучали не просто к трудовым навыкам, но и конкретным полезным ремеслам. В отчете о состоянии начальных народных училищ Оренбургского учебного округа за 1906 год, отложившимся в фондах Российского государственного исторического архива, имеется раздел «Занятия ручным трудом, ремеслами, рукоделием, сельским хозяйством, пением». Здесь содержится информация об открытых на тот момент классах ручного труда при Белорецком и Тирлянском двухклассных училищах Оренбургской губернии. При этом учителя, которые вели занятия в этих классах, не получали дополнительного денежного вознаграждения.

Более широкое развитие к тому времени получило обучение различным ремеслам. Так, в той же Оренбургской губернии, согласно отчету, обучение ремеслам входило в программы пяти народных училищ: одного двухклассного и четырех одноклассных. Перечень видов ремесел, которыми овладевали воспитанники училищ, был достаточно широк: кузнечное, кузнечно-слесарное, столярное, сапожное, переплетное и портняжное.

В Уфимской губернии в этот же период ремесленные отделения были открыты при восьми начальных училищах (одном двухклассном и семи одноклассных), однако перечень видов ремесел ограничивался лишь переплетным, столярным и столярно-токарным. Больше всего ремесленных отделений насчитывалось в Пермской губернии: при 30 начальных училищах [10, Лл. 28–29]. Конечно, для общей сети начальных народных училищ Оренбургского учебного округа, насчитывавшей на 1 января 1906 года 3629 учебных заведений, такое количество ремесленных отделений было очень невелико, однако сам факт их открытия и перспективы расширения ремесленных классов для учащихся начальных школ свидетельствовали о понимании со стороны училищного руководства важности прикладных форм обучения.

Прикладной характер обучения постепенно находил применение и в женских начальных училищах. Обязательным, в частности, для всех женских училищ считалось «обучение рукоделиям». В Оренбургской и Уфимской губерниях, согласно отчету, основы домашнего рукоделия нашли отражение в программах всех женских училищ, в Пермской губернии – большинства училищ. Особенно хорошо преподавание этого предмета было поставлено в Оренбургском, Верхнеуральском и Орском двухклассных городских училищах Оренбургской губернии, где рукоделию обучали

преподавательницы со специальной профессиональной подготовкой. В Уфимской губернии основы ведения домашнего хозяйства лучше всего преподавали в Белебеевском и Бирском уездах, благодаря усилиям местных органов земского самоуправления. Из основных видов домашнего рукоделия в документах указываются вязание скатертей и предметов женской одежды, вышивание крестиком, кройка, шитье и т.п. [10, Лл. 30–31].

В некоторых крупных городах учителя конкретных учебных дисциплин объединялись в профессиональные сообщества. Это позволяло педагогам теснее строить творческое общение, обмениваться опытом, а также приобщаться к передовым для того времени технологиям обучения как в средних, так и начальных учебных заведениях. Среди таких сообществ уральских учителей выделялся Пермский кружок преподавателей математики, физики и естественных наук, образованный в июле 1904 г. Учредители выработали свой устав, согласно которому основной целью кружка было содействие преподаванию математики, физики и других естественных наук как в средних, так и низших учебных заведениях. Средствами для достижения этой цели служили собрания членов кружка, на которых, в свою очередь, обсуждались методические вопросы, связанные с преподаванием математики и естественнонаучных дисциплин на основе современных достижений педагогической науки. Кружок находился в ведении Министерства народного просвещения [5, Лл. 8–9].

В целом, таким образом, к этому времени обучение постепенно приобретало прикладной характер. Кроме привычных знаний, учителя прививали своим учащимся разнообразные навыки практической жизни. Видный педагог и исследователь школы начала XX в. М.И. Обухов писал в этой связи: «Нельзя, конечно, отрицать и значения за различными практическими занятиями детей

в виде садоводства, огородничества и пчеловодства, женских рукоделий, разных видов ручного труда и т.п. Нельзя отрицать и полезности введения в круг школьной деятельности изящных искусств в виде рисования, лепки и т.п., и даже больше, мы бы сказали, что без всего этого школа очень много теряет, становясь чересчур схоластичной и далекой от жизни. Несомненно, что все эти занятия детей готовят их к жизни, развивают те или иные навыки и способности, помогают общему развитию, косвенно действуют благотворным образом на занятия основными предметами и, быть может, даже двигают промышленную жизнь страны» [8, с. 102].

Определенное внимание в начальных школах уделялось и обучению детей навыкам сельскохозяйственного производства. Прикладной характер обучения наглядно прослеживается на примере работы так называемых приусадебных хозяйств при школах. Как сообщают отчетные документы, занятия учителей сельским хозяйством при училищах позволяли получать хотя бы небольшой доход в виде подспорья к скудному жалованью; особенно для семейных учителей [10, Л. 32]. Учителя, как правило, занимались теми видами сельскохозяйственных работ, которые не требовали больших финансовых затрат, сохраняя возможность при этом быстро вернуть затраченное. Речь идет об огородничестве, разведении ягодных кустов, пчеловодстве. Культура выращивания плодовых деревьев, в частности, требовавшая немало времени и усилий, согласно документам, мало привлекала учителей [10, Л. 32].

Школьное обучение в селах было тесно связано с сельскохозяйственным трудом. В педагогике тогда еще отсутствовало понятие «экологическое воспитание». Однако учителя приучали своих подопечных бережно относиться к окружающей природе, заботиться о растениях, животных. Во многих начальных

школах были приусадебные участки, где учащиеся активно занимались сельскохозяйственным трудом. В документах эти участки обозначаются как земельные усадьбы. Некоторые учителя занимались даже распространением сельскохозяйственных знаний и умений среди местного населения. В отчетных документах подчеркивалось, что «народ горячо приветствует такие начинания и дарит таких учителей почетом и уважением... Если начальная школа призвана просвещать и воспитывать народ, она непременно должна повернуть свое лицо к нему и к его нуждам. Народ занять сельскохозяйственным трудом необходимо, чтобы и школа не отвращала детей от исконного труда отцов, освящала и облагораживала его» [2, Л. 232].

Безусловно, вопросы бережного отношения к окружающей природе занимали важное место в системе учебно-воспитательной работы уральских школ начала XX века. Даже простые, элементарные, казалось бы, навыки садоводства

и огородничества, настойчиво прививаемые учителями школьникам, имели серьезное воспитательное значение. Ученики приобретали не только навыки крестьянского труда, но и полезные нравственные качества.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. заметно усилилось внимание педагогической общественности к вопросам преподавания естественно-научных и точных дисциплин. Это было неизбежно в условиях ускоренной социально-экономической модернизации страны, усиления тесной взаимосвязи между достижением жизненного успеха и полученными знаниями и умениями, повышения общественной значимости как школьного, так и профессионального образования. Даже начальная школа постепенно приобретала прикладной характер. Без сомнения, прикладные аспекты воспитательно-образовательного процесса и сейчас не утратили своей актуальности, напротив – они приобретают все большую значимость.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 73. Оп. 1. Д. 281. Л. 11 об.
2. ГАОО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 282 б. Л. 232.
3. Ефремова У.П. Учебно-воспитательная работа в церковно-приходских школах Урала в конце XIX – начале XX века // Вестник Пермского университета. 2014. Вып. 1. С. 135–145.
4. Иванова А.Н. Соотношение светских и религиозных начал при разработке проекта введения всеобщего начального образования в России на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2014. № 3. С. 115–119.
5. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-109. Оп. 1. Д. 156.
6. НА РБ. Ф. И-109. Оп. 1. Д. 157.
7. НА РБ. Ф. И-116. Оп. 1. Д. 104.
8. Обухов М.И. На разные темы. Статьи по вопросам народного образования и учительского быта. Вып. I. Уфа, 1915. 73 с.
9. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX в. / под ред. Э.Д. Днепров [и др.]. М.: Педагогика, 1991. 448 с.
10. РГИА. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 205. Д. 2216.
11. РГИА. Ф. 733. Оп. 227. Д. 195.
12. Сысоева Е.К. Общеобразовательная школа России в условиях модернизации начала XX века // Вестник Московского университета. Серия, 8: История. 2010. № 2. С. 61–76.

REFERENCES:

1. State archive of the Orenburg region (SAOR). F. 73. Op. 1. D. 281. L. 11v.
2. SAOO. F. 73. Op. 1. D. 282 b. L. 232.
3. Efremova U.P. Teaching and educational work in the parochial schools of the Urals in the late XIX – early XX centuries // Bulletin of the Perm University. 2014. Issue 1. P. 135–145.
4. Ivanova A.N. The ratio of secular and religious principles in the development of a project for the introduction of universal primary education in Russia at the turn of the 19th – 20th centuries // Vestnik MSOU. Series “History and Political sciences”. 2014. No. 3. P. 115–119.
5. National Archive of the Republic of Bashkortostan (NA RB). F. I-109. Op. 1. D. 156.
6. ON RB. F. I-109. Op. 1. D. 157.
7. ON RB. F. I-116. Op. 1. D. 104.
8. Obukhov M.I. On different topics. Articles on questions of public education and teacher’s life. Issue I. Ufa, 1915. 73 p.
9. Essays on the history of the school and the pedagogical thought of the peoples of the USSR. Late XIX – early XX century. / Ed. by E.D. Dneprov [et al.] M.: Pedagogy, 1991. 448 p.
10. RSHA. Russian State Historical Archive (RSHA). F. 733. Op. 205. D. 2216.
11. RSHA. F. 733. Op. 227. D. 195.
12. Sysoeva E.K. General education school in Russia in the context of modernization at the beginning of XX century // Bulletin of the Moscow University. Series 8. History. 2010. No. 2. P. 61–76.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-92-102>
УДК [373:811]:316.3(470.344)

Буркова Т.А., Иванова Н.В., Иксанова Р.М.

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЛИНГВАЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Буркова Татьяна Александровна,

доктор филологических наук, заведующий кафедрой романо-германского языкознания и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», Уфа, Россия
e-mail: burkova_tatjana@mail.ru
тел.: +7 (917) 755 28 25

Иванова Неонила Вячеславовна,

кандидат педагогических наук, декан факультета дошкольной и коррекционной педагогики ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», Чебоксары, Россия
e-mail: ivanovaneonila@mail.ru
тел.: +7 (995) 342 31 99

Иксанова Раиса Мингазитдиновна,

кандидат филологических наук, заведующий кафедрой английского языка ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», Уфа, Россия
e-mail: iks_raichka@mail.ru
тел.: +7 (917) 348 47 55

БЛАГОДАРНОСТЬ

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства просвещения на основании дополнительного соглашения к Соглашению о предоставлении субсидии из федерального бюджета на финансовое обеспечение выполнения государственного задания по оказанию государственных услуг (выполнение работ) № 073-03-2022-009/3 от 11 апреля 2022 г. на выполнение научно-исследовательских работ (далее – НИР) по теме «Сравнительный анализ практик внедрения полилингвальной модели поликультурного образования (на примере Республик Башкортостан, Татарстан, Северная Осетия – Алания, Саха (Якутия) и др.)».

Аннотация

В современном российском образовании активно обсуждаются вопросы формирования личности, способной быть толерантной, готовой к диалогу культур, освоению

опыта межкультурной коммуникации в глобальном информационном поликультурном пространстве. Актуальность обучения на полилингвальной основе определяется как мировыми процессами интеграции в разных сферах жизнедеятельности индивида, так и необходимостью сохранения национальных языков и культур. Полилингвальная образовательно-развивающая среда является важным условием развития коммуникативных умений и когнитивных способностей у детей. Целью данной статьи является анализ сформированности у воспитанников коммуникативной и социокультурной компетенции в условиях внедрения полилингвальной модели поликультурного образования в дошкольных образовательных учреждениях. Рабочей группой БГПУ им. М. Акмуллы были разработаны диагностические материалы, проверяющие навыки говорения, аудирования, владения лексикой на родном и иностранном языках, знание национальных традиций и реалий. В диагностическом исследовании приняли участие дошкольники полилингвальных групп Чувашской Республики. Анализ результатов уровня сформированности коммуникативной и социокультурной компетенций позволил сделать вывод о том, что дети в достаточной степени владеют лексическими единицами по теме «Моя семья», «Счет», «Животные», способны отвечать на вопросы как на чувашском, так и на английском языках. Следует отметить, что уровень сформированности коммуникативной и социокультурной компетенций дошкольников зависит от создания в дошкольном учреждении соответствующей развивающей полилингвальной среды. Внедрение полилингвальных образовательных траекторий обучения позволяет формировать у воспитанника гражданскую идентичность, способствует развитию толерантного отношения к языковому и культурному многообразию.

Ключевые слова: поликультурное образование, практики внедрения полилингвальной модели, поликультурная личность, интеграция многообразия культур и языков, сохранение и развитие родных языков, иноязычная культура, дошкольное образование, социокультурная компетенция

Для цитирования: Буркова Т.А., Иванова Н.В., Иксанова Р.М. Формирование коммуникативной и социокультурной компетенции в условиях полилингвальности (на примере дошкольных образовательных учреждений Чувашской Республики) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Том 14, № 4. С. 92-102. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-92-102>.

Burkova T.A., Ivanova N.V., Iksanova R.M.

FORMATION OF COMMUNICATIVE AND SOCIAL AND CULTURAL COMPETENCE IN THE CONDITIONS OF MULTILINGUALISM (THE CASE OF PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE CHUVASH REPUBLIC)

Burkova Tayana Alexandrovna,

Doctor of Philology, head of the Department of Romano-Germanic Linguistics and Foreign Literature of FSBEI HE "Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla", Ufa, Russia

e-mail: burkova_tatjana@mail.ru

tel.: +7 (917) 755 28 25

Ivanova Neonila Vyacheslavovna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Dean of the Faculty of Preschool and Correctional Pedagogy of FSBEI HE "Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev", Cheboksary, Russia

e-mail: ivanovaneonila@mail.ru

tel.: +7 (995) 342 31 99

Iksanova Raisa Mingazitdinova,

Candidate of Philology, head of the English Language Department of FSBEI HE "Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla", Ufa, Russia

e-mail: iks_raichka@mail.ru

тел.: +7 (917) 348 47 55

ACKNOWLEDGMENT

The article was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 073-03-2022-009/3 dated April 11, 2022 for the performance of the topic "Comparative analysis of the practices of implementing a multilingual model of multicultural education (the case of the Republics of Bashkortostan, Tatarstan, North Ossetia – Alania, Sakha (Yakutia), etc.)".

Abstract

In modern Russian education the issues of forming a personality capable of being tolerant, ready for a dialogue of cultures, mastering the ways of the intercultural communication in the global information multicultural space are actively discussed. The relevance of studying on a multilingual basis is determined both by the global integration processes in different spheres of an individual's life, and by the need to preserve national languages and cultures. A multilingual educational and developmental environment is an important condition for the development of communicative skills and cognitive abilities in children. The purpose of the research is to analyze the formation of communicative and social and cultural competence among pupils in the context of the introduction of a multilingual model of multicultural education in preschool educational institutions.

The working group of the BSPU named after M. Akmulla developed diagnostic materials that test the skills of speaking, listening, vocabulary in native and foreign languages, knowledge of national traditions and realities. Preschoolers of multilingual groups of the Chuvash Republic took part in the diagnostic study. The analysis of the results of the level of formation of communicative and socio-cultural competencies allowed us to conclude that children have sufficient knowledge of lexical units on the topic "My family", "Account", "Animals", are able to answer questions both in Chuvash and in English.

It should be noted that the level of formation of communicative and social and cultural competencies of preschoolers depends on the creation of an appropriate developing multilingual environment in a preschool institution. The introduction of multilingual educational trajectories of learning allows students to form a civic identity, promotes the development of a tolerant attitude to linguistic and cultural diversity.

Keywords: multicultural education, multicultural education, practices of implementing a multilingual model, multicultural personality, integration of diversity of cultures and languages, preservation and development of native languages, foreign language culture, preschool education, socio-cultural competence

For citation: *Burkova T.A., Ivanova N.V., Iksanova R.M. Formation of communicative and social and cultural competence in the conditions of multilingualism (the case of preschool educational institutions of the Chuvash Republic) // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2022. Volume 14, No. 4. P. 92-102. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-92-102>.*

В современном российском обществе все большее распространение получают идеи поликультурного образования. Если отступить от узкодидактической точки зрения, образование представляет собой процесс трансляции культуры, а культура, в свою очередь, есть результат образования в широком смысле слова [1, с. 37]. Поликультурное образование представляет собой систему, в которой реализуется идея погружения воспитанника в многонациональную поликультурную среду. В таких условиях формируется поликультурная личность – индивид, ориентированный через свою культуру на другие и обладающий целым рядом интеллектуальных и социально-культурных качеств и ориентиров. Цель такого обучения предполагает воспитание уважения к другим национальностям и культурам, формирование навыков построения коммуникативных связей с людьми разных мировоззрений и вероисповедания. Государственная политика в сфере российского образования ставит перед педагогическим сообществом задачу формирования новой личности с гуманистической направленностью, личности поликультурной, способной интегрироваться в мировой культурный процесс. Поликультурное образование, основанное на диалоге, на признании самоценности субъектов различных культур, на межкультурной компетентности, позволяет формировать на первых этапах социализации юных граждан основы устойчивого толерантного сознания [2, с. 3].

Данная работа является продолжением анализа практик внедрения полилингвальной модели поликультурного образования в субъектах РФ [3; 4], которая представляет собой, в первую очередь, ее реализацию по схеме «русский язык + родной язык + иностранный язык» и осуществляется, прежде всего, в общеобразовательных организациях, расположенных в многоязычных регионах,

национальных республиках Российской Федерации. С целью обеспечения преемственности создаются полилингвальные образовательные комплексы, включающие базовые детские сады, базовые начальные школы и средние школы.

Хотя процесс создания дошкольных образовательных организаций, реализующих полилингвальное образование в Чувашской Республике, только начинается, в связи с чем по ним нет официальных статистических данных, тем не менее, во многих детских садах уже активно внедряются элементы полилингвального образования. Следует подчеркнуть, что в России полилингвальным считается образование, получаемое в средней общеобразовательной школе, в которой изучают не менее трех языков и на этих же языках осуществляется процесс обучения и воспитания, личностного развития и социализации обучающихся. Образование, получаемое в школе, в которой дети изучают три языка, а учебно-воспитательный процесс осуществляется на двух языках, является билингвальным. Если в школе (гимназии, лицее) дети изучают три и более языков, а образовательная деятельность осуществляется лишь на одном языке, то такое образование считается монолингвальным [5, с. 48]. Создание полилингвальной образовательной среды на нескольких языках, по мнению участников круглого стола, который прошел 5 мая 2021 года на базе детского сада № 201 г. Чебоксары, способствует развитию коммуникативных способностей, формирует у дошкольников ценностные ориентиры, толерантность, доброжелательность по отношению к другим культурам [6].

Рабочая группа БГПУ им. М. Акмулы в составе д.ф.н. Бурковой Т.А. и к.п.н. Шабаяевой Г.Ф. посетила три дошкольных образовательных учреждения Чувашской Республики: МБДОУ Детский сад № 7 «Солнечный город» общеразвивающего вида Цивильского района ЧР; МАДОУ

Детский сад № 201 «Островок детства» города Чебоксары; МБДОУ Детский сад № 203 «Непоседы» города Чебоксары с целью диагностики уровня речевого развития, сформированности коммуникативной и социокультурной компетенции воспитанников дошкольных образовательных учреждений, в которых реализуется модель полилингвальности в поликультурном пространстве.

В указанных выше дошкольных учреждениях представлены следующие модели реализации полилингвального образования в поликультурном пространстве: 1) занятия проходят на родном (чувашском) языке с последующим переходом на русский или английский язык (интегрированное обучение); 2) язык общения и обучения – русский, изучение родного (чувашского) и иностранного (английского) языка организуется как отдельное занятие; 3) родной (чувашский) язык активно используется в режимных моментах и на занятиях. Среди элементов полилингвального образования можно назвать использование языков и культурных традиций на занятиях всех специалистов, а также в режимных моментах, в сюжетно-ролевых играх, на детских праздниках.

Родной язык изучается с 5 лет. Недельная нагрузка изучения родного языка представлена следующим образом: в средних группах (4–5 лет) – один раз в две недели; в старших группах (5–6 лет) – один раз в неделю; в подготовительных группах (6–7 лет) – один раз в неделю. В качестве практических приемов, которые используются в работе, предлагаются: ежедневное приветствие детей с использованием слова «Здравствуйте» и вечернее прощание «До свидания!» на трех языках; ежедневное использование фраз на трех языках во время образовательной, игровой, трудовой деятельности («Моем руки», «Идем гулять», «Приятного аппетита», «Спасибо», «Одеваемся»); фоновое включение песен на чувашском

и английском языках в течение дня; использование в индивидуальной работе небольших видеороликов на чувашском или английском языке. По речевому развитию, развитию навыков родного (чувашского) и иностранного (английского) языков проводятся занятия по формированию словаря и связной речи; грамматического строя речи; звуковой культуры речи; способности к анализу речи (подготовка к обучению грамоте). В образовательной деятельности используются интегрированные занятия: проведение занятия на 2-х языках (русском и чувашском или русском и английском).

Педагоги дошкольных учреждений успешно используют такие формы работы с детьми, как беседы, наблюдения, сюжетно-ролевые игры, дидактические и сюжетно-дидактические игры, развивающие игры, игры-путешествия, игры-инсценировки, экспериментирование, исследование, проблемно-поисковые ситуации, просмотр презентаций и видеофильмов, викторины, конкурсы, лаборатория, проектная деятельность, творческая мастерская, детская студия, виртуальные экскурсии, календарно-обрядовые праздники, фольклорные фестивали и др. Содержание образовательной программы с элементами полилингвальности реализуется в процессе образовательной ситуации; образовательной деятельности, осуществляемой в ходе режимных моментов; самостоятельной детской деятельности; взаимодействия с семьями воспитанников. Система дополнительного образования является естественным продолжением образовательного процесса и используется для мотивации детей к познанию и творчеству, развитию их способностей в различных видах деятельности.

Рабочая группа БГПУ им. М. Акмуллы провела диагностику уровня сформированности речевой, языковой и социокультурной составляющих

коммуникативной компетенции воспитанников указанных выше дошкольных учреждений Чувашской Республики. Дошкольникам были предложены задания по говорению, аудированию, а также задания по проверке знаний лексических единиц на родном (чувашском) и английском языке. В результате диагностики были получены следующие результаты.

ДОО № 7

Чувашский язык: в детском саду № 7 (г. Цивильск) с говорением справилось 77% детей, с аудированием – 43,5%, с владением лексикой – 58,8%. Общий процент – 57,3%.

Английский язык: в детском саду № 7 (г. Цивильск) с говорением справилось 75% детей, с аудированием – 78,5%,

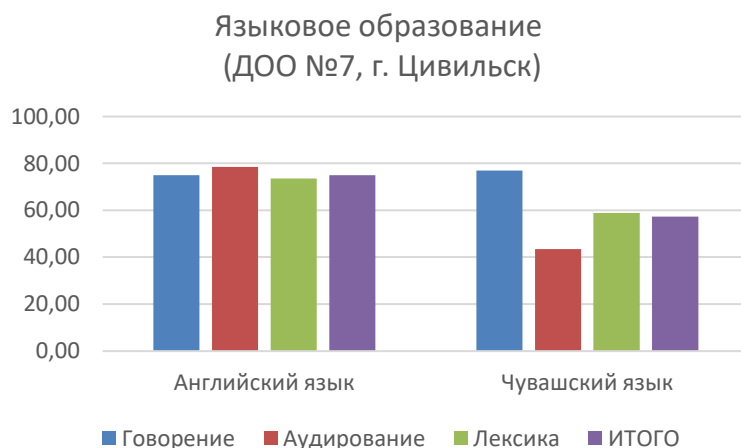

Рис. 1. Диагностика уровня сформированности коммуникативной компетенции в ДОО № 7

с владением лексикой – 73,6%. Общий процент – 75%. Результаты анализа представлены на рисунке 1.

ДОО № 201

Чувашский язык: в детском саду № 201 (г. Чебоксары) с говорением справилось 77,3% детей, с аудированием – 44,5%, с владением лексикой – 52%. Общий процент – 53,3%.

Английский язык: в детском саду № 201 (г. Чебоксары) с говорением справилось 81,8% детей, с аудированием – 66,8%, с владением лексикой – 67,6%. Общий процент – 69,2%. Результаты анализа представлены на рисунке 2.

ДОО № 203

Чувашский язык: в детском саду № 203 (г. Чебоксары) с говорением

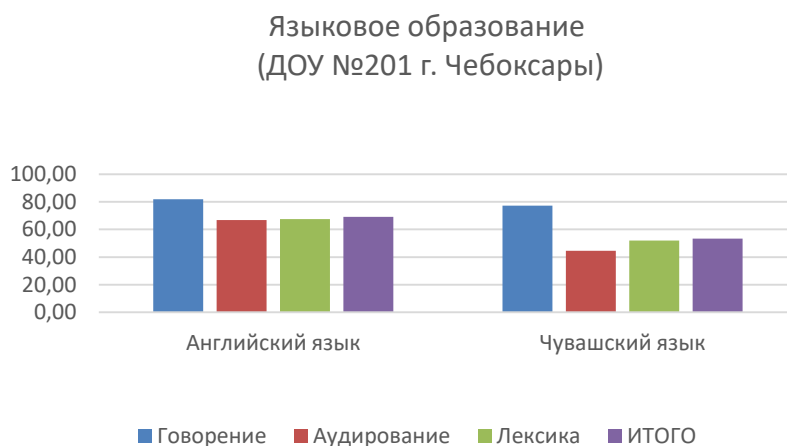

Рис. 2. Диагностика уровня сформированности коммуникативной компетенции в ДОО № 201

справился 91% детей, с аудированием – 72,5% с владением лексикой – 67%. Общий процент – 71,4%.

Английский язык: в детском саду № 203 (г. Чебоксары) с говорением справилось 63% детей, с аудированием – 71%,

с владением лексикой – 49,4%. Общий процент – 56,3%. Результаты анализа представлены на рисунке 3.

Анализ уровня сформированности коммуникативной компетенции воспитанников детских садов по родному

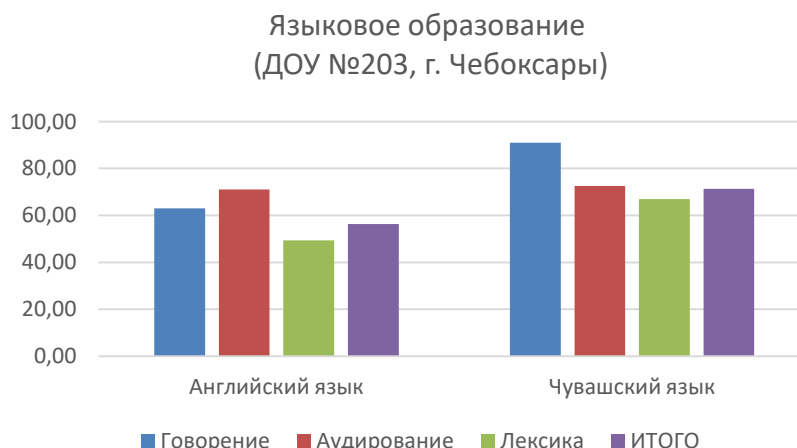

Рис. 3. Диагностика уровня сформированности коммуникативной компетенции в ДОО № 203

(чувашскому) и иностранному (английскому) языкам по видам речевой деятельности позволяет сделать следующие выводы:

1. Навыки говорения:

– умение отвечать на вопросы на чувашском языке – 77–91%;

– умение отвечать на вопросы на английском языке – 63–81,8%.

2. Навыки аудирования:

– умение слышать и понимать речь на чувашском языке – 43,5–72,5%;

– умение слышать и понимать речь на английском языке – 66,8–78,5%.

3. Владение лексическими единицами:

– на чувашском языке – 49,4–58,8%;

– на английском языке – 52–73,6%.

Общий процент владения всеми видами речевой деятельности по чувашскому языку включает диапазон от 53,3 до 71,4%; по английскому языку – 56,3–73,6%.

Доминанта в качественных показателях одного или другого языка объясняется, на наш взгляд, методическим обеспечением, предоставленным в детском саду для

обучения тому или иному языку в условиях полилингвальной модели (чувашский/английский), национальным составом воспитанников, выбором языка общения в домашних условиях (русского или чувашского); наличием кадрового потенциала.

С целью проверки уровня сформированности социокультурной компетенции обучающимся было предложено ответить на следующие вопросы:

1. Как называется республика, в которой ты живешь?

2. Назови столицу своей республики.

3. Каких национальных героев ты знаешь?

4. Какие национальные блюда ты знаешь?

5. На какие национальные праздники ты пригласил бы наших гостей?

В ДОО № 7 с ответами на вопросы справилось 49% воспитанников (1 вопрос – 90%; 2 вопрос – 79%; 3 вопрос – 30%; 4 вопрос – 45%; 5 вопрос – 45%). Результаты анализа представлены на рисунке 4.

В ДОО № 201 с ответами на вопросы справилось 61,8% воспитанников

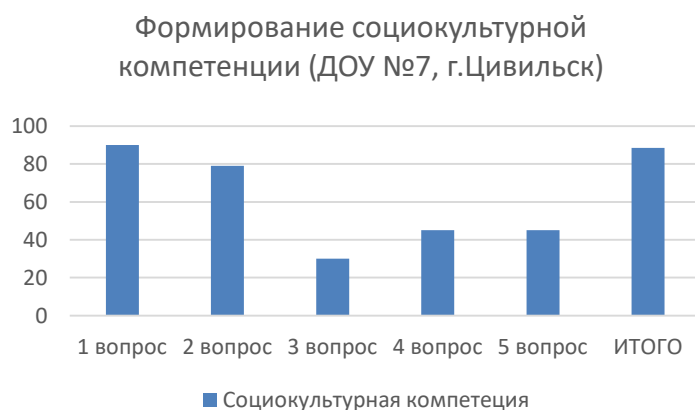

Рис. 4. Проверка уровня сформированности социокультурной компетенции обучающимся в ДОО № 7

Рис. 5. Проверка уровня сформированности социокультурной компетенции обучающимся в ДОО № 201

(1 вопрос – 90,9%; 2 вопрос – 95,5; 3 вопрос – 27,3%; 4 вопрос – 40,9%; 5 вопрос – 54,5%). Результаты анализа представлены на рисунке 5.

В ДОУ № 203 с ответами на вопросы справилось 72% воспитанников (1 вопрос – 100%; 2 вопрос – 100%; 3 вопрос

– 30%; 4 вопрос – 55%; 5 вопрос – 70%). Результаты анализа представлены на рисунке 6.

Результаты диагностики уровня сформированности социокультурной компетенции у воспитанников детских садов, позволяют сделать вывод о том,

Рис. 6. Проверка уровня сформированности социокультурной компетенции обучающимся в ДОО № 203

что в целом в дошкольных учреждениях ведется работа по ознакомлению дошкольников с национальными традициями и культурой чувашского народа, однако для систематизации знаний о культуре и традициях чувашского народа, повышению культурного уровня, информированности, любви к родному народу и своей малой Родине следует обратить внимание на чувашский фольклор, устно-поэтическое творчество.

Формированию у дошкольников социокультурной компетентности уделяется важное место в системе воспитательно-образовательной деятельности ДОУ. Об этом свидетельствуют выше описанные результаты, а также результаты проведенного на базе МБДОУ «Детский сад № 7» г. Цивильск педагогического исследования научно-методических аспектов социально-коммуникативного развития детей-билингвов дошкольного возраста через разнообразные культурные практики [7]. В исследовании было установлено, что главная роль в социально-коммуникативном развитии ребенка-билингва дошкольного возраста принадлежит взрослому. Под социально-коммуникативным развитием подразумевается целенаправленный процесс формирования таких умений, которые способствуют эффективному взаимодействию ребенка-билингва дошкольного возраста с окружающими и являются основой развития коммуникативно-инициативной личности ребенка в обществе. Через организацию и проведение различных культурных практик ребенок-билингв приобретает универсальные культурные умения, необходимые для взаимодействия в многокультурном мире. Важную роль при этом имеют коммуникативная и игровая практики, которые тесно связаны с жизненным содержанием. Установлено, что социально-коммуникативное развитие детей дошкольного возраста через разнообразные культурные практики проходит более эффективно, если, во-первых,

осуществляется работа по установлению активных взаимоотношений ребенка со сверстниками и взрослыми; во-вторых, созданы условия для развертывания коммуникативно-речевой активности дошкольников-билингвов (речевая среда, средства активизации коммуникативно-речевой деятельности детей и поддержка их инициативы).

Основной целью введения полилингвального обучения в дошкольных образовательных организациях в условиях современного российского образования, как мы уже отмечали выше, является формирование поликультурной личности ребенка-дошкольника, воспитанного в духе уважения к традициям и обычаям своего и других народов. Изучаемые языки выступают в качестве способа постижения специальных знаний, усвоения культурно-исторического и социального опыта различных стран и народов. Раннее изучение языков не только ускоряет процесс формирования коммуникативной компетенции, но также, по мнению педагогов, положительно влияет на общее развитие ребенка. Обладая высокой пластичностью функций мозга и психики, дети имеют большие потенциальные возможности развития, реализация которых зависит от воспитания и обучения окружающими их взрослыми.

Среди языков, которые целесообразно применять в дошкольных организациях помимо русского (государственного), воспитатели называют родной (в данном случае чувашский) и также иностранный (английский, немецкий, китайский, французский). 80% из них считает, что раннее лингвистическое образование является эффективным с точки зрения конечного результата, то есть уровня владения вторым (третьим) языком. Желание родителей дать детям раннее языковое образование связано с будущей успешностью их детей, владеющих несколькими языками. Как говорит пословица «Один

язык – один ум, два языка – два ума, три языка – три ума».

Воспитатели-практики отмечают, что в реализации полилингвального образования к проблемным аспектам относятся отсутствие в достаточном количестве современных дидактических материалов для развития навыков говорения на родном (чувашском) языке, методических пособий и конспектов занятий по обучению дошкольников чувашскому языку в русскоязычной среде, программы, соответствующей интересам современных детей, с интерактивными игровыми технологиями; недостаточный уровень педагогической компетентности педагогов в вопросах использования культурных практик, поддержки детской инициативы и самостоятельности; низкая мотивация части педагогов к внедрению инноваций в образовательный процесс, недостаточный уровень ИКТ-компетентности педагогов; эмоциональное выгорание части педагогов, низкая мотивация к внедрению инноваций в образовательный процесс. Высказывается пожелание в научно-методической помощи и поддержке: программах, современных разработках, пособиях, в том числе видео-, аудиопособиях, ориентированных на интересы современных детей.

Таким образом, реализация модели полилингвального образования ориентирована на развитие внутреннего потенциала ребенка, его социализацию как культурно-исторического субъекта, осознание культурных смыслов и вхождение в многокультурное пространство, способствующие интеллектуальному и эмоциональному развитию. Для успешной реализации всей совокупности целей и задач полилингвального образования потребуются учителя нового поколения, свободно владеющие несколькими языками, информационно-образовательными технологиями, сочетающие в себе функции учителя-предметника и классного руководителя, психолога и воспитателя, организатора развивающей, социальной деятельности школьников [5, с. 14]. Именно сегодня воспитание подрастающего поколения в духе мира и культурного согласия становится одной из важнейших задач системы образования, призванного способствовать формированию свободной личности, способной существовать в современной поликультурной среде, осознающей свою культурную идентичность, но обладающей умениями мирного сосуществования с людьми других культур.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анализ практик внедрения полилингвальной модели поликультурного образования в Республике Татарстан / Буркова Т.А. [и др.] // Педагогический журнал Башкортостана. 2021. № 4 (94). С. 34–51.
2. Боговик Н.В. Воспитание поликультурной личности учащихся в процессе изучения иностранного языка: на материале общеобразовательных школ и молодежных организаций: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Барнаул, 2009. 261 с.
3. Анализ практик внедрения полилингвальной модели поликультурного образования в Республике Татарстан (продолжение) / Буркова Т.А. [и др.] // Педагогический журнал Башкортостана. 2022. № 1 (95). С. 135–147.
4. Опыт внедрения полилингвальной модели поликультурного образования в субъектах Северо-Кавказского федерального округа [Электронный ресурс] / Иксанова Р.М. [и др.] // Современные проблемы науки и образования. 2022. URL: <https://s.science-education.ru/pdf/2021/6/31361.pdf> (дата обращения 01.09.2022).
5. Ялалов Ф.Г. Концепция развития полилингвального образования в Республике Татарстан [Электронный ресурс] // Научный Татарстан. 2019. № 3. С. 80–96. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42358348> (дата обращения: 19.09.2022).

6. В детских садах столицы создают полилингвальную среду [Электронный ресурс]. URL: <https://gcheb-obraz.cap.ru/news/2021/05/05/v-detskih-sadah-stolici-sozdayut-polilingvaljnuyu> (дата обращения 23.08.2022).

7. Иванова Н.В. Научно-методические аспекты социально-коммуникативного развития детей-билингвов дошкольного возраста в разнообразных культурных практиках // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2018. № 4(100). С. 164–174.

REFERENCES:

1. Analysis of the implementation practices of a multilingual model of multicultural education in the Republic of Tatarstan / Burkova T.A. [et al.] // Pedagogical journal of Bashkortostan. 2021. No. 4 (94). P. 34–51.

2. Bogovik N.V. Education of the multicultural personality in the process of a foreign language learning: on the materials of general education schools and youth organizations: diss.... Cand. of Ped. Sciences: 13.00.01. Barnaul, 2009. 261 p.

3. Analysis of the implementation practices of a multilingual model of multicultural education in the Republic of Tatarstan (continued) / Burkova T.A. [et al.] // Pedagogical journal of Bashkortostan. 2022. No. 1 (95). P. 135–147.

4. Experience in implementing a multilingual model of multicultural education in the subjects of the North Caucasian Federal District [Electronic resource] / Iksanova R.M. [et al.] // Modern problems of science and education. 2022. URL: <https://s.science-education.ru/pdf/2021/6/31361.pdf> (accessed 01.09.2022).

5. Yalalov F.G. The concept of development of multilingual education in the Republic of Tatarstan / Scientific Tatarstan. 2019. No. 3. P. 80–96. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42358348> (date of access: 19.09.2022).

6. A multilingual environment is being created in kindergartens in the capital. [Electronic resource]. URL: <https://gcheb-obraz.cap.ru/news/2021/05/05/v-detskih-sadah-stolici-sozdayut-polilingvaljnuyu> (date of access: 23.08.2022).

7. Ivanova N.V. Scientific and methodological aspects of social and communicative development of bilingual children of preschool age in various cultural practices // Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I.Y. Yakovlev. 2018. No. 4(100). P. 164–174.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-103-111>
УДК 378.147:811

Волнакова М.В.

СНЯТИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ТРУДНОСТЕЙ У СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

*Волнакова Мария Валерьевна,
кандидат филологических наук, Москва, Россия
e-mail: volnakova_maria@mail.ru
тел.: +7 (915) 454 09 20*

Аннотация

Иностранный язык является обязательным предметом во всех вузах нашей страны, поскольку в современном мире у специалистов разных сфер деятельности существует необходимость работать с документацией на иностранном языке, изучать соответствующий профессии актуальный контент в интернете, взаимодействовать с зарубежными коллегами. Поэтому проблема эффективности обучения иностранному языку является актуальной для будущих специалистов совершенно различных направлений деятельности. Обучающиеся российских вузов в подавляющем большинстве относятся к возрастной категории «студенчество», которой свойственны свои психологические особенности. Объектом исследования стали студенты вторых курсов в возрасте около 20 лет, поскольку именно в этом возрасте завершается стадия взросления и происходит переход личности в зрелый возраст. На успешность освоения учебного материала влияют различные индивидуальные особенности, включая акцентуации характера. Описание путей снятия таких трудностей позволит повысить качество преподавания иностранного языка и обеспечит прогресс всех обучающихся.

Целью статьи является описание методических приемов, используя которые преподаватель сможет снять потенциальные трудности на занятиях и повысить эффективность образовательного процесса в студенческих группах обучающихся иностранному языку.

Методами исследования послужили теоретический анализ научных публикаций по теме исследования и мониторинг потенциальных трудностей учебной деятельности студентов. В процессе преподавания иностранного языка обучающимся вторых курсов было выявлено несколько методических приемов, позволяющих реализовать дифференцированный подход на занятиях и добиться стабильно высоких показателей и положительных оценок по окончании прохождения учебного курса.

По заключению автора статьи, снятие потенциальных трудностей способствует освоению студентами профессиональных компетенций на иностранном языке, а также создает на занятиях ситуацию успеха и помогает преодолевать трудности в процессе обучения.

Ключевые слова: студенчество, особенности, дифференцированный подход, методические приемы, виды заданий, виды представления информации, сплоченность, рефлексия

Для цитирования: Волнакова М.В. Снятие потенциальных трудностей у студентов на занятиях иностранного языка // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Том 14, № 4. С. 103-111. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-103-111>.

Volnakova M.V.

LIFTING POTENTIAL DIFFICULTIES AMONG STUDENTS IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES

Volnakova Maria Valerievna,
Candidate of Philology, Moscow, Russia
e-mail: volnakova_maria@mail.ru
tel.: +7 (915) 454 09 20

Abstract

A foreign language is a compulsory subject in all universities of our country, since in the modern world specialists in various activity fields need to work with documentation in a foreign language, study relevant content on the Internet relevant to the profession, and interact with foreign colleagues. Therefore, the problem of the effectiveness of teaching a foreign language is relevant for future specialists in completely different areas of activity. The overwhelming majority of students of Russian universities belong to the age category of “students”, which is characterized by its own psychological characteristics. The object of the research are second-year students at the age of about 20, since it is at this age that the stage of maturation ends and the transition of personality to adulthood takes place. The success of mastering educational material is influenced by various individual characteristics, including character accentuations. A description of ways to remove such difficulties will improve the quality of teaching a foreign language and ensure the progress of all students.

The purpose of the research is to describe methodological techniques. Using them a teacher will be able to remove potential difficulties in the classroom and increase the effectiveness of the educational process in student groups learning a foreign language.

The research methods used are a theoretical analysis of scientific publications on the topic of research and monitoring of potential difficulties in the educational activities of students. In the process of teaching a foreign language to second-year students, several methodological techniques have been identified that make it possible to implement a differentiated approach in the classroom and achieve consistently high rates and positive grades at the end of the course.

According to the author of the article, the removal of potential difficulties contributes to the development of professional competencies by students in a foreign language, and also creates a situation of success in the classroom and helps to overcome difficulties in the learning process.

Keywords: students, features, differentiated approach, methodological techniques, types of tasks, types of information presentation, cohesion, reflection

For citation: Volnakova M.V. Removing potential difficulties among students in foreign language classes // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2022. Volume 14, No. 4. P. 103-111. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-103-111>.

Практически все языковые студенческие группы состоят из обучающихся с разным уровнем общего развития, лингвистической подготовки и способностей в виду

того, что каждый человек усваивает информацию с разной скоростью в зависимости от индивидуальных особенностей психики, фоновых знаний, бытовых условий, уровня мотивированности и многого другого [14]. Вслед за Н.Н. Захаровой, автор статьи считает, что разный уровень студентов как совокупность индивидуально-психологических особенностей обучающихся не является препятствием для успешного функционирования студенческой группы [7, с. 36–39]. Тогда возникает вопрос, как преподавателю добиться прогресса у всей языковой группы?

Студенты ВУЗов относятся к отдельной возрастной категории «студенчество», выделенной в 1960-х годах Ленинградской психологической школой под руководством Б. Г. Ананьева. Основной особенностью данной категории является структурирование интеллекта и непрерывность осмысления, понимания и закрепления учебной информации в памяти студента и его целенаправленная актуализация. [6, с. 41]. Так, в возрасте 20 лет, как отмечает ученый, происходит ускоренное логическое развитие (способность понимать и структурировать информацию) и падают мнемические возможности (возможности запоминать). Исходя из этого, ученый делает вывод, что обучение данной возрастной категории нельзя выстроить на механическом запоминании, что эффективность усвоения материала будет зависеть от адекватности самооценки, поскольку именно она является основой учебной деятельности в данном возрасте. Также на успешность освоения учебного материала влияют такие индивидуальные особенности, как конституция, способности, темперамент (особенности высшей нервной деятельности), характер [11, с. 309]. Студент с сильной и подвижной нервной системой сможет более успешно подстроиться под задаваемый преподавателем темп, тогда как обучающийся со слабой инертной

нервной системой будет постоянно «в погоне» за сокурсниками. Акцентуации характера обучающегося также могут создавать определенные трудности или, наоборот, способствовать успешности обучения [3].

Под трудностями, вслед за И.А. Зимней [8, с. 346], в данной статье понимается переживание субъектом учебной деятельности некоторой сложности, необычности, противоречивости ситуации. Для снятия потенциальных трудностей в обучении автору статьи представляется наиболее рациональным применение дифференцированного подхода к обучающимся. Сущность дифференцированного подхода сформулировал отечественный психолог Лев Выготский [4, с. 86]. Ученый утверждал, что успешным обучение может стать при соблюдении взаимосвязи «зоны актуального развития» и «зоны ближайшего развития» обучающегося, т.е. между тем, что он умеет и знает на настоящий момент, и тем, что он может освоить с минимальной помощью преподавателя. То есть преподаватель знает индивидуальные способности и возможности студентов и, учитывая их, помогает своим подопечным реализовать их личностный потенциал. Необходимым компонентом эффективности такого подхода является наличие мотивационных факторов: актуального содержания учебного материала, наличие активных, интерактивных и проблемно-ориентированных методов учебной деятельности [15].

Материалы и методы исследования. В статье проведен теоретический анализ научных публикаций по теме исследования, проведен мониторинг потенциальных трудностей учебной деятельности и описаны методические приемы их снятия. Для мониторинга использовались методы целенаправленного наблюдения и личного участия, методы опроса и обсуждения, метод ведения собственной статистики. Автором статьи в течение

трех лет проводился мониторинг учебной деятельности студентов второго курса педагогического факультета Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета (от 18 до 20 лет) в общей сложности 30 человек.

Для решения заявленной проблемы целесообразными показали себя следующие методические приемы:

1) Разноуровневые задания. Все обучающиеся работают с одним и тем же текстом, но задания к нему выполняют немного разные (варьироваться может количество предлагаемых вариантов ответов, более простая формулировка вопросов, способ поиска ответов и т.п.).

2) Запасные задания. В каждой группе есть те, кто заканчивает выполнения заданий раньше, поэтому преподавателю следует иметь несколько творческих заданий на такой случай. Можно попросить дать абсолютно неверные ответы на поставленные вопросы или ответить на них так, как это бы сделал известный человек (президент, киноактер, музыкант и т.п.), выбрать (из подготовленного преподавателем конверта с изображениями) картинку для описания, составить свой опросник по теме, изменить время глаголов в тексте и т.п.

3) Разнообразие способов представления информации. Если под процессом восприятия понимать целостное отражение предметов, ситуаций, явлений, возникающих при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности органов чувств [10, с. 200], то «чувствительность» органов зрения, слуха и осязания у каждого отдельного человека отличается. Именно в скорости и способах усвоения информации состоит основная трудность на занятиях иностранного языка. В связи с этим, следует разнообразить виды работ, направленные на восприятие учебного материала посредством зрения, слуха и даже движения. Визуальный вид

представления информации подходит тем обучающимся, кто лучше воспринимает зрительную информацию: описание картин, диаграмм или таблиц, запись слов на доске, просмотр видео, работа с наглядными пособиями. Аудиальный вид представления информации подходит тем студентам, которые лучше воспринимают материал на слух: чтение стихов, пение песен, прослушивание аудиозаписей текстов, обучающих аудиофайлов с различных сайтов и каналов, подкастов передач. Кинестетический способ восприятия обуславливает использование мимики, жестов, заданий с перемещением по классу (стереть лишнее по смыслу слово, по очереди написать на доске как можно больше слов одного семантического поля (мебель, домашние животные, хобби и виды спорта и т.п.), физкультминутки (простые рифмованные разминки).

Как показывает педагогическая практика автора статьи, при работе со студентами следует совмещать несколько видов представления учебного материала, это не только обеспечит высокую результативность, но и будет способствовать эмоциональной стабильности учебной группы. Не следует игнорировать учебные материалы в формате дополненной реальности (игры, карты для проведения виртуальных экскурсий по городам и музеям мира, мобильные приложения, онлайн-марафоны и онлайн-платформы и т.п.) [1, с. 26].

4) Сплоченность учебной группы. В процессе обучения в студенческой группе вырабатываются определенные правила реагирования, которые облегчают функционирование данного «социального организма» [3]. Для достижения этого преподавателю необходимо следить не только за собственным способом реагирования, оценивания ответов и объяснения ошибок, но и за отсутствием напряженных и, тем более, конфликтных взаимоотношений между обучающимися. Еще А.С. Макаренко говорил, что

личность человека может развиваться только в коллективе, а коллектив объединяет людей, имеющих одну цель, систему ценностей, занимающихся совместной деятельностью и общающихся друг с другом [9]. Мониторинг автором статьи учебной деятельности студентов вторых курсов также показывает, что существуют еще несколько немаловажных моментов для более эффективного сплочения группы, а именно: а) обращение к обучающимся по имени; б) корректное исправление ошибок; в) справедливое разделение на групповые виды работ; г) контроль за ситуацией на занятии; д) соразмерное время на обдумывание ответа; е) коммуникация внутри учебной группы; ж) рефлексия. Представляется целесообразным остановиться более подробно на каждом из них.

Обращение преподавателя к обучающемуся иногда становится источником неуверенности последнего и проблем с вниманием у остальных участников учебной группы. Для предотвращения таких ситуаций необходимо соблюдать следующие правила проведения опроса:

- порядок опроса должен быть всегда разным (при фиксированном порядке опроса студенты могут «отключить» внимание, ожидая своей очереди);

- очередность опроса преподавателю следует записывать, поскольку часто опрос бессознательно ведется в одном и том же порядке;

- имя отвечающего произносится только после самого вопроса (таким образом, все обучающиеся сфокусированы на вопросе);

- обращаться к обучающемуся следует не только по имени, но и путем установления зрительного контакта или указания жестом.

Может показаться, что обращение – не существенная деталь, но на практике она создает здоровый эмоциональный фон на занятии.

Корректное исправление ошибок необходимо для устранения недопонимания между студентом и преподавателем. Когда дается неверный ответ, который требует исправления, главная задача преподавателя не спровоцировать этим негативные эмоции и не демотивировать обучающихся. Один из основоположников отечественной педагогики В.А. Сухомлинский отмечал, что методы, используемые преподавателем, должны вызывать у обучающихся радость от общения, а также от познавательной и творческой деятельности [12]. Следует обращать внимание обучающихся на то, что ошибки – это неотъемлемая часть процесса обучения, что попытаться ответить на вопрос – это уже «половина успеха». Ошибки следует использовать для побуждения отвечающего поразмыслить над ответом, вспомнить грамматическое правило, подобрать другое слово и т.п. К тому же, представляется целесообразным не исправлять ошибки сразу же по ходу ответа, а дать возможность обучающемуся выполнить задание до конца и только потом остановиться на моментах, которые вызвали у него трудности. Для исправления допущенной ошибки можно перефразировать вопрос (при этом не нарушается ход беседы), можно попросить одноклассников искать ошибки в ответе (при этом внимание всей группы будет сосредоточено, а найденные недочеты помогут вспомнить и активизировать пройденный материал).

Справедливое разделение студентов на групповые виды работ. При выполнении групповых заданий, таких как квизы или командные игры, нужно удостовериться, что в командах соблюден баланс между успевающими и отстающими обучающимися. Следует дать инструктаж перед выполнением задания, согласно которому членам одной команды обязательно помогать друг другу, поскольку каждый должен поучаствовать в решении общей задачи. Такие виды работ

должны содержать в себе интерактивный элемент, чтобы участники команды были вынуждены взаимодействовать друг с другом, чтобы полное выполнение задания было возможно только при участии всех обучающихся. Групповые виды работ помогают выстроить рабочие отношения внутри студенческой группы, обучающиеся преодолевают застенчивость и учатся эффективно общаться друг с другом, что является необходимым условием для создания коллектива.

Контроль за учебной ситуацией на занятии необходим для осуществления эффективного образовательного процесса. Такой контроль можно осуществить, если включить в работу элемент обмена информацией. Например, попросить одного обучающегося передать слова, пересказать ответ другого, таким образом, все присутствующие на занятии будут следить за ответами друг друга. Контроль за учебной ситуацией – достаточно сложная задача для многочисленных языковых групп (более 6 человек). Поэтому так важно использовать на занятиях иностранного языка все формы организации учебной деятельности: фронтальную, групповую, парную, индивидуальную [13]. Это также означает, что следует креативно задействовать пространство, чтобы студенты могли перемещаться по классу во время выполнения заданий, поскольку перемена местоположения не только взбодрит обучающихся, внеся в занятие элемент неожиданности, но и позволит преподавателю лучше контролировать динамику языковой группы и не оставить ни одного участника образовательного процесса незадействованным.

Установление соразмерного времени на обдумывание ответа актуально для интровертивных, флегматичных или отстающих обучающихся. Им следует выделить достаточное время для ответа, заполняя возникающие паузы в их выступлении подсказками, наводящими на

правильный ход рассуждения. Во время обдумывания ответов можно напомнить обучающимся что-то из пройденного материала, например, грамматическую конструкцию, которая им понадобится при ответе. Если студент все-таки затрудняется дать ответ, то следует перенаправить вопрос остальной группе, чтобы все студенты были вовлечены в занятие. Потом следует снова вернуться к отвечающему, у которого в таком случае появится дополнительное время и подсказки для формулирования своего высказывания. Торопить таких обучающихся или ставить строгие временные рамки – значит вызывать у них стресс и провоцировать ошибки. Именно время на обдумывание позволяет им активизировать максимум имеющихся знаний и корректно их применить, что, в свою очередь, создает ситуацию успеха. Под ситуацией успеха в данной статье понимается чувство удовлетворения от процесса и результата своей деятельности, создание которой возможно при учете индивидуальных особенностей обучающихся [2, с. 94].

Коммуникация внутри языковой группы подразумевает активное слушание. Во время занятий обучающиеся часто сосредоточены только на себе и не считают нужным слушать остальных. Активное слушание подразумевает под собой умение задавать вопросы и отвечать на них [5]. Для научения активному слушанию преподавателю следует интересоваться по ходу выступлений, согласны ли остальные с излагаемой мыслью, таким образом, слушающие будут вынуждены уточнять воспринимаемую информацию и приводить аргументы «за» или «против». Также этой цели послужит задание изложить своими словами позиции предыдущих выступавших, а не просто озвучить собственный ответ. Таким образом, активное слушание позволит обучающимся почувствовать

себя более уверенными в иноязычной коммуникации.

В конце каждого занятия желательно выделить немного времени (3–5 минут) на рефлексию, чтобы каждый обучающийся смог отметить свои достижения, проанализировать вместе с педагогом причины успехов и неудач, понять прогресс в освоении иностранного языка. В многочисленных группах (более 6 человек) можно проводить рефлексию письменно в виде заполнения небольших бланков.

Именно рефлексия помогает получить обратную связь и в соответствии с полученной информацией корректировать образовательный процесс.

Учитывая возрастные психологические особенности студентов, можно выделить следующие положения, которые помогают преподавателю повысить качество занятий иностранного языка:

- а) учебный материал соответствует по уровню сложности и интересен для обсуждения;
- б) задания направлены на зрительное, слуховое и кинестетическое восприятие;
- в) преподаватель поддерживает студентов;
- г) студенческая группа чувствует себя коллективом;
- д) обучающиеся поддерживают друг друга;
- е) на занятиях создается ситуация успеха;

ж) студенты внимательно слушают друг друга, активно участвуя в процессе передачи и приема информации;

з) рефлексия в конце занятия помогает осознать обучающимся их прогресс в освоении иностранного языка.

Применение данных методических приемов позволило студентам избавиться от страха работы с иностранным языком, успешно сдать зачеты и экзамены и почувствовать себя настоящим коллективом.

Заключение. Изучение вопроса, связанного с упреждением возникновения потенциальных трудностей посредством реализации на занятиях иностранного языка дифференцированного подхода, имеет особенно важное значение для построения эффективного процесса обучения в студенческих группах.

Соблюдение описанных методических приемов снимает потенциальные трудности при обучении иностранному языку в студенческих группах, повышает результативность освоения учебного курса, способствует освоению студентами профессиональных компетенций на иностранном языке и формирует благоприятный эмоциональный фон на занятиях.

Данное исследование позволит педагогам ВУЗов качественно улучшить условия обучения, создать рабочую атмосферу в группах и преодолевать трудности в освоении студентами иностранного языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Авраменко А.П., Матвеева О.Ю. Формирование коммуникативных стратегий на иностранном языке с использованием коммуникативных технологий // Вестник Московского государственного университета. Серия: Педагогика. 2020. № 1. С. 22–28.
2. Бажук О.В., Пузеп Л.Г. Психолого-педагогические приемы создания ситуации успеха // Казанский педагогический журнал. 2020. № 2. С. 92–97.
3. Белянская Т.Э. Социально-психологические характеристики студенческого возраста [Электронный журнал] // Ученые записки. Электронный журнал Курского государственного университета. 2020. № 3 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-harakteristiki-studencheskogo-vozrasta> (дата обращения 27.05.2022).
4. Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Эксмо, 2019. 287 с.

5. Гиппенрайтер Ю.Б. Чудеса активного слушания. М.: АСТ, 2019. 192 с.
6. Дорофеева Ю.А. Психологические и возрастные особенности студенческого возраста // Приволжский научный вестник. 2015 № 4–2 (44). С. 41–43.
7. Захарова Н.Н. Подготовка педагогов к организации образовательного процесса и педагогического взаимодействия с гетерогенными группами // Педагогика и психология как ресурс развития современного общества: проблемы сетевого взаимодействия в инклюзивном образовании: материалы VII Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию РГУ им. С.А. Есенина. Рязань: РГУ им. С.А. Есенина, 2015. С. 36–39.
8. Зимняя И.А. Педагогическая психология. М.: Университетская книга; Логос, 2009. 384 с.
9. Макаренко А. С. Проблемы школьного советского воспитания // О воспитании детей в семье: избранные педагогические сочинения. М.: Учпедгиз, 1955. С. 197–311.
10. Маклаков А. Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2016. 583 с.
11. Смирнов С.Д. Психология и педагогика в высшей школе. М.: Юрайт, 2020. 352 с.
12. Сухомлинский В.А. О воспитании. 4-е изд. М.: Политиздат, 1982. 270 с.
13. Laser-Freeman D. Techniques and principles in language Teaching. Second edition. Oxford University Press, 2003. 212 p.
14. Knowles M.S. Andragogy in Action: Applying Modern Principles of Adult Learning. San Francisco: Jossey-Bass, 1984. 328 p.
15. Oysaed H., Andersen R., Prinz A. [et al.] Teaching students to learn // Materials of the Conference on Computer Supported Education, January 2016, PER Strategy URL: https://www.researchgate.net/publication/304020508_Teaching_Students_to_Learn (дата обращения 02.06.2022).

REFERENCES:

1. Avramenko A.P., Matveeva O. Yu. Formation of communicative strategies in a foreign language using communication technologies // Bulletin of the Moscow State University. Series: Pedagogy. 2020. № 1. P. 22–28.
2. Bazhuk O.V., Puzep L.G. Psychological and pedagogical techniques for creating a situation of success. Kazan Pedagogical Journal. 2020. № 2. P. 92–97.
3. Belyanskaya T.E. Socio-psychological characteristics of student age [Electronic resource] // Uchenye zapiski. Electronic Journal of Kursk State University. 2020. No. 3 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-harakteristiki-studencheskogo-vozrasta> (Accessed 27.05.2022).
4. Vygotsky L.S. Psychology of art. M.: Eksmo, 2019. 287 p.
5. Gippenreiter Yu.B. Miracles of active listening. M.: AST, 2019. 192 p.
6. Dorofeeva Yu. A. Psychological and age characteristics of student age // Privolzhsky Scientific Bulletin. 2015. No. 4-2 (44). P. 41–43.
7. Zakharova N. N. Preparation of teachers for the organization of the educational process and pedagogical interaction with heterogeneous groups // Pedagogy and Psychology as a resource for the development of modern society: problems of network interaction in inclusive education. Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the Russian State University named after S.A. Yesenin. Ryazan: RSU named after S.A. Yesenin, 2015. P. 36–39.
8. Zimnyaya I.A. Pedagogical psychology. M.: University book; Logos, 2009. 384 p.
9. Makarenko A.S. Problems of Soviet school education // On the upbringing of children in a family: Selected pedagogical works. M.: Uchpedgiz, 1955. P. 197–311.
10. Maklakov A. G. General psychology. St. Petersburg: Piter, 2016. 583 p.

11. Smirnov S.D. Psychology and Pedagogy in higher education. Moscow: Yurayt, 2020. 352 p.
12. Sukhomlinsky V.A. On education (4th ed.). M.: Politizdat, 1982. 270 p.
13. Laser-Freeman D. Techniques and principles in language teaching. Second edition. Oxford University Press, 2003. 212 p.
14. Knowles M. S. Andragogy in Action: Applying Modern Principles of Adult Learning. San Francisco: Jossey-Bass, 1984. 328 p.
15. Oysaed H., Andersen R., Prinz A., Schulz R. Teaching students to learn // Materials of the Conference on Computer Supported Education, January 2016, PER Strategy. URL: https://www.researchgate.net/publication/304020508_Teaching_Students_to_Learn (accessed 02.06.2022).

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-112-117>

УДК 82.09:821.161.1

Гейбатова А.Дж.

ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ ПОЭЗИЮ П. ГАЛЬБИНУРА И ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ОСОБЕННОСТЕЙ СТИЛЯ ЕГО ТВОРЧЕСТВА

*Гейбатова Айтен Джафар Гулу,
преподаватель Азербайджанского государственного
педагогического университета, Баку, Азербайджан
e-mail: ayten.heybetova@adpu.edu.az*

Аннотация

Паша Гальбинур – поэт, выделяющийся творческим талантом, уникальным мышлением и стилем в современной литературе. Личность поэта, сформировавшаяся в пекле литературно-культурной среды 80-х годов прошлого века, всем своим потенциалом укоренившаяся в пробуждении национального духа, всегда становилась проблемой серьезного анализа на уровне сверхвременности и трансцендентности. В целом, обновление, начавшееся в 60-х годах, характеризуется подвижностью разных типологий, моделей парадигматического ландшафта, новых схем выражения кодов памяти в последующие десятилетия. Литературно-теоретическая мысль шла по пути анализа общего течения процесса со всеми его сторонами на разных уровнях, пыталась понять и прояснить суть с рациональной и иррациональной точек зрения.

Ключевые слова: поэзия, поэма, произведение, эстетика, Паша Гальбинур, поэтическая черта

Для цитирования: Гейбатова А.Дж. Факторы, формирующие поэзию П. Гальбинура и индивидуальность особенностей стиля его творчества // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Том 14, № 4. С. 112-117. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-112-117>.

Heybatova A.J.

FACTORS SHAPING THE POETRY OF P. GALBINUR AND INDIVIDUALITY FEATURES OF STYLE

*Heybatova Ayten Jafar Gulu,
Teacher at Azerbaijan State Pedagogical University, Baku, Azerbaijan
e-mail: ayten.heybetova@adpu.edu.az*

Abstract

Pasha Galbinur is one of the poet who stands out for his creative talent, unique thinking and style in contemporary literature. The poet, who was formed in the hell of the literary and cultural environment of the 80s of the last century, rooted with all his potential in the awakening of the national spirit, has always become a problem of serious analysis at the level of supertemporality and transcendence. In general, the renewal that began in the 1960s is characterized by the mobility of different typologies, different models of the paradigmatic landscape, and new schemes for expressing memory codes in subsequent decades. Literary and theoretical thought followed the path of analyzing the general course of the process with all its aspects at different levels, trying to understand and clarify the essence from a rational and irrational point of view.

Keywords: poetry, poem, work, aesthetics, Pasha Galbinur, poetic feature

For citation: Heybatova A.J. Factors shaping the poetry of P. Galbinur and individuality features of style // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2022. Volume 14, No. 4. P. 112-117. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-112-117>.

Текстовое явление, реализованное в общем стихотворном содержании периода, обусловлено его модельным характером и различными подходами, особенностями дополнений в памяти значения слова и речевых жанров. А они сами по себе, как литературное направление и поток, проявляющий сущность среды, требуют анализа в виде отдельных художников. Серьезной актуальностью в этом контексте характеризуется творчество П. Гальбинура, реализуемое способностью вмещать в себя высокий мыслительный интеллект этнокультурной мысли. Общее течение литературно-культурного процесса, динамичность моделирования в художественно-эстетической сфере, актуализация на уровне текста и среды требуют горизонтального и вертикального подходов в плане уточнения содержания. Поэтому что творчество талантливого художника характеризуется строгой фактурой в плане способности охватить окружающую среду со всеми ее постулатами и отразить многогранное и многослойное течение литературно-культурного процесса.

Осознание того, что этнокультурные и социально-политические процессы выявили необходимость определенных дополнений в самих литературных технологиях., делает неизбежными определенные дополнения в самих литературных технологиях. Фактически они

основаны на творческих поисках в одном направлении, на успешности художественно-эстетических моделей мышления как своеобразного стиля. Сюжет, идея, содержание, поэтическая форма и литературный процесс, регулируемые на фоне либеральной модерности, проявляются как пример самосознания принадлежности, укореняющегося на уровне историчности и национальности. «Это направление, определяющее основную линию творчества Паши Гальбинура, требует серьезных и системных подходов на разных уровнях» [2, с. 89]. Ведь творческий путь талантливого художника определяется средой и творческой личностью, общественным, политическим и культурным течением эпохи, уровнем отражения сложных ситуаций и состояний в художественном тексте и творческом мышлении. Приведение их к систематическому анализу находится в центре внимания как важная проблема современной литературно-теоретической мысли.

П. Гальбинур, находящийся во внимании литературно-культурной среды, своей обширной творческой деятельностью как поэт, ученый, публицист, врач, прозаик, всегда привлекал внимание литературно-теоретической мысли оригинальным мировоззрением, различными подходами и интерпретацией во всех контекстах. «Б. Набиев, Б. Будагов,

И. Мустафаев, Ш. Салманов, К.В. Нариманоглу, Г. Гахраманов, М. Сеидов, Р. Азаде, А. Абдуллазаде, Ю. Самедоглу, А. Мамедов, В. Гулиев, М. Исмаил. Чуткость представителей литературно-теоретической мысли к поэзии П. Гальбинура исходила из того, что у него формировалось художественное воображение» [6, с. 48]. Проведенный анализ направлен на выяснение концептуальной природы творческого стиля писателя, особенностей мышления и оригинальных способов оживления.

Поэзия П. Гальбинура реализована с серьезным совершенством на уровне средового и творческого своеобразие. Энергетические источники творчества художника, основанные на тенденциях и течениях, проявившихся в поэзии 70-х и 80-х годов, по существу придали его произведениям дополнительные оттенки и стали основой для возникновения его творческих способностей. Совершенные самообразы этнической системы, поведенческие и мыслительные коды национально-духовной памяти определяются спецификой способов понимания и представления в новых условиях. Концепция творчества, опираясь на современную литературно-культурную среду, как критерий формирует серьезный образ с его тяготением к сути, укорененным в духе 60-х годов. П. Гальбинур – одна из личностей, внесших вклад в литературу как один из самых талантливых представителей этого новаторства. В контексте этого, творчество писателя стало проблемой системного анализа в различных аспектах. В проведенных анализах это направление было взято за основу и было направлено на раскрытие различных его аспектов. Например, поэтико-технологический ландшафт творчества П. Гальбинура в общем потоке литературы 60-х годов и уровень укорененности в народно-духовной памяти, место и значение поэзии П. Гальбинура в творческих исканиях литература 70-х и 80-х годов,

стилистические определения и творческая личность в поэзии 90-х годов и так далее в плане подобных вопросов привлекают внимание серьезной фактурой.

Поэзия П. Гальбинура, опираясь на традиции и своеобразие индивидуального стиля, формирует удачный образ с точки зрения совершенства формальных структур и специфических формул жанровой типологии. «Структурные схемы его стихов, написанных силлабическими и свободными весами, характеризуются возможностями самой формы создавать содержание. Феномен текста, память значения слова со всеми его возможностями интегрируется в содержательно творческую функцию жанра» [2, с. 89]. Скорее, оно навязывается совершенному воображению как гаранту целостности формы и содержания.

Устное и письменное крыло азербайджанской поэзии всегда отличалось обогащением на уровне традиции и новаторства, в том числе и творчество П. Гальбинура с первых образцов. Все это проявилось в рамках художественно-эстетических представлений этнической системы и охватываемой ею культуры. Богатая этнографическая память, определенные табу, коды принадлежности, сформированные в мироощущении и поведении этноса, во все времена сопровождали художественную мысль и принимались за ее основную линию. Истоки мысли поэзии П. Гальбинура незаменимы с точки зрения демонстрации долговечности традиции и ее особенностей, опираясь на них на всех уровнях. За основу берется богатый образ жизни народа, фольклорная память, исходные представления, верования и поверья, мечты и желания, отношение к природе, обществу, человеческое кредо.

Поэзия Паши Гальбинура определяется фактурой, необходимой для прояснения общей картины литературно-исторического опыта и процесса эволюции азербайджанской традиции

свободного стиха. Одним из вопросов, выдвинутых на первый план при анализе литературоведческой мысли в последнее время, является чувствительность к сущности исторической динамики традиции свободного стиха. Устоявшаяся силлабическая модель турецкой поэзии с ее совершенством и процессом обогащения различными примерами открывает путь для более детальных подходов как в аспекте историчности, так и аспекте этнической детерминации. Традиция свободного стиха, являющегося основной моделью самовыражения в поэзии П. Гальбинура, связана своими историческими корнями с самобытными творческими идеями этноса. Традиция древней тюркской поэзии, модели самовыражения этноса, формулы, отлитые в методах гопуз-техки, и, наконец, приемы стиха, заметные в среде огузского эпоса, дают фундаментальный материал для выяснения генеалогии воображения свободного стиха. «Эпосы «Китаби-Деде Горгуд», снискавшие себе величие как «учебник истории тюркского народа», по своей сути не ограничиваются охватом лишь эпической памяти этноса, наоборот, охватываемое ею содержание демонстрирует широкую парадигму от художественно-эстетического воображения до нравственного понятия как источника» [4, с. 84]. Этнографы, историки, музыковеды, фольклористы, лингвисты, этимологи, географы, политики и др. обращения к этому памятнику как к источнику вытекают из его доступности и совершенства огузского общества. Она же образует фундаментальную идею как источник при анализе теоретических проблем свободной поэзии. В духе, источнике и богатстве выражения поэзии П. Гальбинура четко прослеживаются в виде линии влияния «Китаби-Деда Горгуд». Здесь выявляются факты серьезного влияния формул выражения на функциональность поэтических фигур.

Динамика развития свободной поэзии как направления в азербайджанской литературе связана с 20–30-ми годами XX века. «В целом, процессы, происходящие в европейском и мировом общественно-политическом укладе, обусловили необходимость возникновения различных литературных течений и в литературно-культурной сфере. Луи Арагон, Пабло Неруда, Владимир Маяковский, Назим Хикмет и другие представители мировой литературы. Понятие свободной поэзии, определявшееся как совершенная система в творчестве таких выдающихся личностей, как С. Вургун, М. Мушфик, М. Рафили, О. Саривалли, Р. Рза и др., вошло в новую сферу азербайджанской литературы [1, с. 95]. Р. Рза определил принципы направления, которое будет связано с его именем, в литературе, следуя этой тенденции на протяжении всего своего творчества. А. Керим, Ф. Годжа, В. Самедоглу, Ф. Садыг, А. Салахзаде, Р. Ровшан, В. Джабраилзаде и десятки других внесли свой вклад в литературу успешными примерами с точки зрения количества и качества. П. Гальбинур также создал различные образцы в творческих поисках литературы 70-х и 80-х годов, следуя этому направлению, а его творческий талант и технология мышления сформировали оригинальную идею в образце свободной поэзии. Скорее, он выразил вывод, что он является талантливым представителем этой традиции в богатстве литературы при всем своем творчестве. «“Полная тишина”, “Как белый цветок”, “Тысяча лет вина”, “Долг”, “Желтый цветок”, “Белый лебедь, черный лебедь”, “Почему высохло это озеро”, “Журавлиный поезд”, “Я боюсь грехов мира”, “Дай тебе долю”, “Гранатовое дерево в Новханах”, “Соляной дворец”, “Гедер”, “Арабский брат”, “Родина”, “Наши горы облысел во сне”, “Две тысячи лет” и т.д. его стихи воплощаются в жизнь с оригинальной фантазией как один из самых красивых образцов традиции свободного стиля» [9, с. 35].

Поэзия П. Гальбинура коренится в выражении богатого этнического строя народа и приобретает важное значение как показатель этнической памяти. Баяти, песня, пословица, притча, легенда, повесть, сказка, эпос и др. Использование фольклорных примеров проявляется на разных уровнях. Например, в некоторых моментах поэт прибавлял к художественному тексту дополнительную мелодию, творчески добавляя народную рифмовку, или определенный куплет, или строфу песни и обеспечивал ее успех как художественного образца. «Три яблока», «Наши горы исчезли во сне», «Шушанские горы», «В Гилатаге есть дом», «Ягаг Карабах», «Арабский брат», «Я – белый свет», «Мой мир», «Гадалка», «Как потерянная тоска», «Я не брал трубку, Карагила», «Телефон ты выключил», «Ты божественна», «Если ты уйдешь» и так далее. Его стихи – классический пример этого.

Богатство народно-поэтической традиции, использование разнообразных образов любовной лирики обращают на себя внимание как составляющие общего духа поэзии П. Гальбинура. «Поэтические образцы, написанные им, представляют собой высокое воображение не только с точки зрения художественности и совершенства канонического строя, но и с возможностями создания содержания жанра» [7, 91]. Здесь память о значении слова, феноменальный код художественного примера соединяется с его творческими возможностями. «Мир», «Горы», «Рыбак и Хашам», «Стеклянные горы», «В душе идет дождь» и др. Его стихи коренятся в идее высокого уровня передачи этнического духа в любой обстановке. Здесь не только общие принципы веса, но и система формул образуют совершенный образ как важную составляющую успеха художественного примера, оригинальности парадигматического уровня.

Характеризуясь богатой фактурой, творчество художника реализуется

широким спектром возможностей на уровне текстового явления. Характеризуется обширной паутиной содержания, разнообразие поэтических примеров характеризуется превосходным уровнем детализации на уровне текст//текст, текст//окружение, текст//тема. Все тонкости этнокультурной системы, архаическая память, своеобразие инвариантов, функциональные характеристики архетипов, как качественный показатель поэзии П. Гальбинура, проявляются с совершенной динамикой на протяжении всего его творчества, начиная с первых стихотворений. «Поэтические примеры с широкой тематикой имеют исключительное значение с точки зрения возможности представить любовь поэта к стране, земле, чуткое отношение к природе, художественно-эстетическое мировоззрение, философские взгляды, любовные чувства, отношение к общественно-политическим процессам времени» [5, с. 78]. Общая картина истории Азербайджана после распада Советского Союза, а также насильственного переселения людей с исторически исконных земель, карабахской войны, вопросы геноцида и т.д. имеют место в творческом мышлении на разных уровнях.

«Поэзия П. Гальбинура определяется совершенной фактурой при попытках выяснить генеологическую сущность художественной мысли 70-х и 80-х годов прошлого века, что характеризует то, что несет в себе ее содержание, и общий итог идеи национальной принадлежности. [3, с. 56]. Здесь вы сталкиваетесь с такими эпизодическими моментами этнокультурной системы, что привнесение в текст вещей из мифологического мышления и первоначальных верований в качестве образца высокого мастерства лишь делает насущным доведение анализа до исследования как стороны с точки зрения индивидуальности, так и уникальности. Например, воображение, создаваемое светом на

разных уровнях внутри текста в творчестве писателя, а также интерпретации, осуществляемые вокруг цветов и т.д., выступают как пример мыслительной интеллигентности художника. Можно сказать, что каждый пример сам по себе имеет огромное значение благодаря возможности разобраться в картине своеобразия системы, цветовых оттенков архетипов и функции, выполняемой внутри текста, и в мировоззрении художника. «Поэтому поэзия П. Гальбинура – это не только сборник поисков и находок, но и памятник творчества, уходящий корнями в народно-духовную мысль» [8, с. 54].

Поэзия П. Гальбинура открывает путь для типологического анализа во всех контекстах. Это определяется совершенным воображением, от текстовых типов до гипертекстуальности. Потому что приемы писателя в выборе

предмета, подходе к нему, а также способы выражения творческого интеллекта в мышлении художника всегда отличаются оригинальностью. Богатый творческий талант, уникальная техника подхода, совершенство поэтико-технологической системы становятся сутью поэзии П. Гальбинура. Совершенство фонопоэтической, морфопоэтической системы, моделирующие возможности синтаксического уровня, мыслительная нагрузка стиха, функция сверхчеловечности и сверхвременности раскрывают всесторонность творческой одаренности во всех ее аспектах. Звуковой символизм, звуковые ассоциации, жанровая парадигма, уровень смыслового моделирования, эстетическая знаковая функция текста и др., проявляющиеся в творчестве поэта, определяют место П. Гальбинура в современной литературной и культурной среде в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскерли А. Поэзия индивидуального стиля. Баку: Вектор, 2017. 150 с.
2. Гальбинур П. Что пришло мне в голову, то и случилось со мной. Баку: Озан, 2003. 656 с.
3. Гулиев В. Когда мы встретились в 21 веке // А. Мамедов. Гальбинурская поэзия на пороге 21 века. Баку: Гянджлик, 1999. 264 с.
4. Мамедов А. Поэзия Гальбинура на пороге XXI века. Баку: Гянджлик, 1999. 264 с.
5. Набиев Б. Критика и литературный процесс. Баку: Азернашр, 1976. 188 с.
6. Саламоглу Т. Современные проблемы азербайджанской литературы. Баку: НПШ, 2014. 512 с.
7. Салманов Ш. Поэзия и критика. Баку: Язичи, 1987. 208 с.
8. Шамзизаде Н. Литературоведение. Баку: Прогресс, 2012. 434 с.
9. Тимофеев Л.И. Слово в стихе. Москва, Советский писатель, 1987. 424 с.

REFERENCES:

1. Askerli A. Poetry of individual style. Baku: Vector, 2017. 150 p.
2. Galbinur P. What crossed my mind to me happened to me. Baku: Ozan, 2003. 656 p.
3. Guliyev V. When we met in the 21st century // A. Mammedov. Galbinur's poetry on the threshold of the 21st century. Baku: Ganjlik, 1999. 264 p.
4. Mamedov A. Poetry of Galbinur on the threshold of the XXI century. Baku: Ganjlik, 1999. 264 p.
5. Nabiev B. Criticism and literary process. Baku: Azernashr, 1976. 188 p.
6. Salamoglu T. Modern problems of Azerbaijani literature. Baku: NPSH, 2014. 512 p.
7. Salmanov Sh. Poetry and criticism. Baku: Yazichi, 1987. 208 p.
8. Shamzizade N. Literary criticism. Baku: Progress, 2012. 434 p.
9. Timofeev L.I. Word in verse. Moscow: Soviet writer, 1987. 424 p.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-118-126>
УДК 371.134:5

Егорова А.Е., Андреева М.П.

ЦЕННОСТНО-КРЕАТИВНЫЙ ПОДХОД В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ЕСТЕСТВЕННИКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Егорова Акси́нья Егоровна,

доктор педагогических наук, профессор, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия

e-mail: kse-egorova@yandex.ru

тел.: +7 (914) 271 48 03

Андреева Мари́на Петро́вна,

кандидат педагогических наук, доцент, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия

e-mail: andreeva_odonu@list.ru

тел.: +7 (924) 593 93 00

Аннотация

Актуальность. Подготовка студентов к педагогической деятельности достаточно сложный и трудный процесс, связана она со многими причинами, такими как непривлекательность (непрестижность) педагогической профессии для выпускников школ, отсутствие конкуренции при поступлении, слабая школьная подготовка первокурсников и др. Они и являются как раз одной из причин того, что у многих студентов достаточно сложно формируется и развивается мотивация к освоению профессии в реальном процессе.

Постановка проблемы. Как сделать наиболее эффективной вузовскую подготовку будущего учителя? При каких условиях студенты будут сознательно относиться к учебной деятельности как к подготовке будущей профессии?

Цель исследования: определить методические пути и условия формирования ценностного отношения к своей будущей профессии.

Методы исследования: теоретический анализ лучших практик подготовки студентов к профессии, комплексный педагогический эксперимент.

Результаты. При прохождении студентами технологической схемы: Мотивация – Теория – Моделирование – Рефлексия – Теория – Тренинг – Рефлексия – Коррекция – Деятельность – Рефлексия – образ «Я – будущий педагог» происходит осознание важности приобретения профессиональных знаний и умений, укрепляются профессиональные намерения.

Ключевые выводы. Креативно-ценностный подход является одним из путей формирования положительной мотивации, понимания важности, ценности профессиональных знаний, умений и компетенций. При этом создаются специальные условия активной учебной деятельности, студент видит результаты работы над собой, начинает критически относиться к своим действиям, подготавливая почву для творчества и креативной активности.

Ключевые слова: подготовка к профессии педагога, ценностно-креативный подход, образ «Я – будущий педагог»

Для цитирования: Егорова А.Е., Андреева М.П. Ценностно-креативный подход в подготовке будущего учителя естественника на современном этапе // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Том 14, № 4. С. 118-126. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-118-126>.

Egorova A.E., Andreeva M.P.

A VALUE-ORIENTED CREATIVE APPROACH TO A FUTURE SCIENCE TEACHER TRAINING AT THE PRESENT STAGE

Egorova Aksinya Egorovna,

Doctor of Pedagogical Sciences, a professor of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk, Russia

e-mail: kse-egorova@yandex.ru

tel.: +7 (914) 271 48 03

Andreeva Marina Petrovna,

Candidate of Pedagogical Sciences, an associate professor of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk, Russia

e-mail: andreeva_odonu@list.ru

tel.: +7 (924) 593 93 00

Abstract

Relevance. Preparing students for teaching is a rather complex and difficult process, it is associated with many reasons, such as the unattractiveness (non-prestige) of a teacher's profession for school graduates, the lack of competition for admission, the poor school preparation of first-year students, etc. These are just some of the reasons why it is quite difficult for many students to form and develop the motivation to master the profession in the real process.

Formulation of the problem. How to make the university training of a future teacher the most effective? What conditions are necessary for the students to treat learning activities as preparation for their future profession?

The purpose of the research is to determine the methodological ways and conditions for the formation of a value attitude towards one's future profession.

The research methods used are theoretical analysis of the best practices for preparing students for a profession, a comprehensive pedagogical experiment.

The results. When students pass the technological scheme: Motivation – Theory – Modeling – Reflection – Theory – Training – Reflection – Correction – Activity – Reflection – the image “I am a future teacher”, there is an awareness of the importance of acquiring professional knowledge and skills, professional intentions are strengthened.

Key findings. A creative value approach is one of the ways to form positive motivation, understanding the importance and value of professional knowledge, skills and competencies. At the same time, special conditions for active learning activities are created, a student sees the results of work himself, begins to be critical of his actions, paving the way for creativity and creative activity.

Keywords: preparation for the profession of a teacher, value-creative approach, image “I am a future teacher”

For citation: Egorova A.E., Andreeva M.P. A value-oriented creative approach to a future science teacher training at the present stage // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2022. Volume 14, No. 4. P. 118-126. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-118-126>.

Введение. Адаптация молодых учителей к жизни школы, активное освоение ими профессии в период обучения в вузе на сегодняшний день остаются достаточно проблемными. Они обусловлены тем, что переход высшей школы на новые принципы образования, зафиксированные в федеральных государственных образовательных стандартах в соответствии с профстандартом учителя, выявили определенные проблемы в подготовке учительских кадров. К наиболее общим можно отнести:

- низкую конкурентоспособность поступающих на все педагогические специальности;

- ежегодное уменьшение количества выпускников, сдающих единый госэкзамен по предметам естественно-научного цикла, таких как химия, биология, география;

- тенденцию к несоответствию уровня профессиональной компетентности педагогов требованиям, которые предъявляются к педагогическим кадрам в связи с переходом на новые требования ФГОС;

- дисбаланс потребности в педагогических кадрах и системы подготовки педагогов в регионах и ряд других проблем.

По существу, речь идет о том, что высшая школа получает абитуриентов, не ориентированных к педагогической деятельности, а школа, в свою очередь, слабо подготовленных молодых специалистов ввиду отсутствия мотивации освоения профессии. Эти проблемы наиболее ощутимы в регионах, где подготовка учителей-естественников происходит в рамках классического университетского образования, и поэтому возникает необходимость обсуждения основных закономерностей, принципов и тенденций

становления и совершенствования подготовки будущих учителей – бакалавров и магистров.

Возникает вопрос: как сделать наиболее эффективной вузовскую подготовку будущего учителя-естественника в условиях классического университета?

Основное содержание. Как известно, наш классический университет представляет собой одно из стратегических звеньев в социально-экономической жизни общества Республики Саха (Якутия), где сочетаются традиции и инновации, трансляция и конструирование знаний, передача культурных ценностей, «развитие человеческого и социального капиталов» общества [1, с. 102; 2, с. 452]. В связи с этим, одной из главных функций совершенствования высшего образования является развитие личности студента путем создания развивающей среды, использования эффективных технологий и методов обучения.

Исследователи считают, что в образовании «Система ценностей и теоретических знаний составляет мировоззрение личности, ...обеспечивают устойчивую смысложизненную позицию индивида, его устремленность на достижение стратегических, перспективных целей жизни, созидания им своего будущего» [3, с. 7], актуальным в наше время является «... развитие ценностного отношения студента к познанию, профессии, себе и другим, ...развитие креативно-ценностных свойств личности, без которых невозможна ее творческая деятельность» [4, с. 450].

Исходя из такого понимания развития человеческого капитала, одним из путей совершенствования подготовки будущего учителя естественника, на наш взгляд, является создание привлекательного образа «Я – будущий педагог».

Как известно, на современном этапе показателем высокого профессионализма (педагогического мастерства) становится сформированность компетенций, заявленных во ФГОСе – универсальные, общепрофессиональные, профессиональные [5, с. 5–6].

В реальном процессе достижение этих компетенций предполагает прохождение студентом определенного пути: исследование своего «Я», которое включает самооценку, моделирование и прогнозирование дальнейшего профессионального развития.

Так, например, согласно общим трудовым функциям, отраженными в профстандарте учителя, предусматривается «Педагогическая деятельность по проектированию и реализации образовательного процесса в образовательных организациях...» [6, с. 5]. Для реализации этих функций на практике студент должен владеть определенными знаниями, умениями, которые помогают «осваивать и использовать теоретические знания и практические умения и навыки в предметной области при решении профессиональных задач». В первую очередь, студент должен знать структуру, состав и дидактические единицы содержания преподаваемого предмета, уметь осуществлять отбор учебного содержания для его реализации в различных формах обучения в соответствии с требованиями ФГОС ОО, разрабатывать различные формы учебных занятий, применять методы, приемы и технологии обучения, в том числе информационные. Эти компетенции будут достигнуты, если студент имеет такие рефлексивные умения, как самооценка, моделирование, прогноз своего профессионального развития и на основе этих умений он должен в целом составить программу саморазвития, целенаправленно готовить себя к активному освоению профессии.

По существу, речь идет о реализации ценностно-креативного подхода, то

есть, «... у будущего учителя должно быть развито ценностное отношение к педагогическим знаниям...», «...сформирована рефлексивная позиция будущего учителя, достигнут достаточно высокий уровень сформированности коммуникативных умений, составляющих основу успешности во взаимодействии у будущего учителя «учитель – ученик»» [7, с. 5–6]. В целом, ценностное отношение к своей будущей профессии, являясь механизмом развития личности, способствует самопознанию, саморазвитию и профессиональной самореализации будущего специалиста, то есть креативности. Так, например, одной из обязательных работ студентов по дисциплинам профильной направленности («Теория и методика обучения химии», «Современные образовательные технологии», «Творческая лаборатория учителя биологии и химии») является разработка проекта программы развития профессиональных компетенций – программы профессионального развития. Каждый студент проект выполняет с учетом своих возможностей, профессиональных намерений и уровня мотивации и амбиций.

Технологическая схема продвижения студента при освоении профессиональных компетенций следующая: Мотивация – Теория – Моделирование – Рефлексия – Теория – Тренинг – Рефлексия – Коррекция – Деятельность – Рефлексия – образ «Я – будущий педагог».

Психологическая схема присвоения новой информации следующая: сначала у человека возникает желание ее присвоить, этот этап называется мотивацией. На практике это выглядит следующим образом: на первом занятии студентам дается задание спроектировать один урок; выделяется определенное время, программы, учебники, методические материалы. На этом же практическом занятии во второй половине идет разбор всех проектов уроков, дается самооценка и оценка. В ходе разбора представленных уроков

выявляется, что уроки традиционные, не отвечают требованиям ФГОС, в сценарии уроков отсутствуют его самые важные этапы: открытие нового знания и самостоятельной учебно-познавательной деятельности обучающихся. Таким образом, создается мотивация, что мы еще не умеем проектировать современный урок, потому что это дело очень сложное. Затем начинается теоретический курс (Теория). На лекционных занятиях более подробно раскрывается методологическая основа ФГОС – системно-деятельностный подход в обучении, его гуманистическая и философская сущность. После нескольких занятий организуется моделирование одного урока (Моделирование) с учетом современных требований, на этот раз по разработанному проекту проводится реальный урок преподавателем в одной из базовых городских школ университета; все студенты посещают урок, проводят анализ урока по определенной схеме, фиксируют основные моменты. Перед студентами ставится вопрос: чем полезным на этом уроке занялись обучающиеся, какие новые знания для себя открыли, какие полезные умения приобрели? После урока организовывается анализ урока, самооценивание сценария урока (Рефлексия). Положительным здесь является то, что студенты со стороны наблюдают (сопереживают) за ходом урока как авторы проекта. Заодно знакомятся с классным коллективом, адаптируются к условиям, требованиям образовательной деятельности школы. После лекционных занятий наступает решение нескольких ситуативных задач, далее проектирование и реализация урока уже по группам (Тренинг). Проектирование и реализация урока запланированы как 4-часовое занятие, первое занятие – реальные уроки, второе – самоанализ (Рефлексия). После занятия – коррекция сценариев уроков с учетом высказанных замечаний как со стороны однокурсников, так и преподавателем (Коррекция). Это важный

этап в формировании профессиональных компетенций, т.к. мало сказать это «не умею», «не получается», важное другое – увидеть свои ошибки, методические недочеты и вовремя их исправить.

Теперь, когда студенты имеют небольшой опыт разработки современных уроков, каждый приступает к проектированию и реализации самостоятельного урока, выбрав одну из педагогических технологий (Деятельность). Преподаватель оказывает методическую помощь студентам, дает соответствующие указания, советы. Самые уверенные дают реальный урок в школе, остальные представляют свой сценарий во время практического занятия. Студенты проводят самоанализ (Рефлексия) своих уроков, скорректированные уроки становятся достоянием всей группы, накапливается так называемый «методический багаж». На данном этапе разработанные уроки вполне отвечают современным требованиям. Успешному формированию и развитию профессиональных компетенций всегда предшествует этап оценивания собственных профессионально значимых качеств, ценностей, мотивов, отношений – осуществление контроля личностной рефлексии. В этом плане оправдано выполнение личностного SWOT-анализа, где каждый студент выявляет свои положительные качества, недостатки, возможности и объективные трудности в освоении профессии, разработке сценариев, ведении урока. Так, постепенно студент овладевает профессиональной компетентностью «готов использовать теоретические знания и практические умения в предметной области при решении профессиональных задач» – разработкой сценариев современных уроков, также приходит к пониманию и овладению универсальной компетентностью «способен выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни» в ходе организации рефлексии. Данная технологическая

схема подготовки студентов к профессиональной деятельности завершается разработкой проекта профессионального становления: «Я – будущий педагог» (или «Мое профессиональное Я», «Каким я вижу себя в профессии»).

Такой подход подготовки студентов к профессиональной деятельности – ценностно-креативный – позволяет избежать существующих недостатков в традиционной вузовской подготовке. Студенты изучают эмоциональные и социальные потребности и запросы, но особенно свои запросы, как с пользой и полнее осуществить или проигнорировать их; они учатся быть активными. Понимание важности, ценности будущей профессии, исследование своих возможностей, самодиагностика и рефлексия, создание привлекательного образа «Я – будущий педагог» – все вместе способствует формированию сильной мотивации освоения профессии. Проекты могут иметь амбициозные названия, например, «Я – будущий креативный педагог», «Я – творческий педагог», «Я – будущий новатор-педагог», что создает определенный эмоционально насыщенный фон на занятиях, происходит понимание значимости своей профессии, самооценности, становится возможным самопознание, самореализация, самовыражение, то есть развитие креативности.

При таком подходе очень важно, чтобы студент осознал обучение как, прежде всего, обучение собственной личности. Запросы студента реализуются по схеме: личностный аспект – деятельностный аспект – профессиональный аспект обучения. Личностный аспект обучения обеспечивается личными интересами самого студента, которые выражаются целевыми установками, такими как «хочу быть хорошим учителем», «знающим учителем», «чтобы уважали, ценили как учителя» [8, с. 523].

Деятельностный аспект обучения обеспечен тем, что приобщение

студентов к профессиональной деятельности происходит через активную деятельность в условиях, приближенных к действительности, путем создания специальных условий-ситуаций из профессиональной жизни, в ходе проигрывания которых происходит углубление рефлексивных процессов, когда субъект (студент) сам себя конструирует, воспитывает, развивает.

Профессиональный аспект обучения обеспечен подробным знакомством с профстандартом, характеристикой обобщенных трудовых функций, описанием творческого портрета учителей (химии и биологии) и разработкой программы профессионального развития. Студенты планируют (проектируют) профессиональное становление в первые 10 лет работы, создают конкретный «профессиональный образ», ставят реальные сроки приобретения профессиональных качеств, повышения квалификации, развития профессиональных умений и профессиональной культуры [8, с. 524].

Результаты. Для отслеживания формирования и развития профессиональных компетенций и умений была разработана диагностическая карта, по которой студенты оценивают развитие своих профессиональных умений (компетенций) в начале и в конце освоения дисциплин профильной направленности.

Сравнение полученных данных в ходе педагогического эксперимента подтверждает нашу гипотезу о том, что при данном подходе (ценностно-креативном) действительно происходит развитие профессиональных компетенций (рефлексия, оценка значимости видов учебной деятельности). Если в первом срезе в основном были баллы «4» и «5» (при max = 5), что явно не соответствовало действительности, то позже студенты подходили более строго к себе и оценивали свои возможности на «2», «3» и «4» балла, что, скорее всего, отражает реальную картину. Картина формирования и развития

профессиональных компетенций становится более ясной и четкой после педагогической практики. Студенты вносят изменения, дополнения в свой проект, планка профессиональных запросов становится выше, что свидетельствует о том, что освоение профессии началось.

Студент, имеющий ясное представление-образ «Я – будущий педагог», сам себя воспитывает и развивается в профессиональном плане, становится социально зрелым; школа, наконец, получает «готовых учителей», активно осваивающих профессию. Цели и задачи дисциплин профессионального блока в результате активного применения ценностно-креативного подхода стали более реальными, происходит идентификация с будущей профессией, повышается мотивация к самообразованию, ставятся реальные сроки профессионального роста, что говорит о формировании профессионального образа «Я – будущий педагог».

После окончания вуза в дальнейшей профессиональной деятельности программа приобретает более ясные черты, происходит дополнение, уточнение и корректировка. Принятые целевые установки оказывают существенное влияние на активное овладение эффективными методами, технологиями, методическими приемами обучения, овладение профессией в сравнительно молодые годы. Последнее имеет важное значение для самоутверждения и самооценки в профессии; так как в педагогической профессии имеет место (особенно у молодых)

«профессиональное выгорание», когда долго не приходит успех и признание.

В качестве примера можно привести данные о наших выпускниках. Так, среди наших выпускников есть молодые учителя биологии и химии, которые заявили о себе через 2–3 года работы. Например, учитель из Сунтарского района Федорова С.Б. получила Грант Главы республики на организацию тепличного хозяйства при агрошколе с использованием гидропонного метода и получила высокое звание «Новатор года»; учитель из Алданского района Чимитова Ж.Б. со 2 года работы стала проводить открытые конкурсные занятия, и была награждена знаком «Надежда Якутии». Выпускница Рехлясова Ю.Ю., проработав 7 лет, имеет высшую квалификационную категорию учителя, ее успешная учительская деятельность также отмечена знаком «Надежда Якутии». Среди наших выпускников имеются руководители образовательных организаций (директора, заместители директоров) и специалисты управления образования, которые показали высокий уровень профессиональной компетентности в достаточно молодые годы.

Таким образом, ранняя, со студенческих лет, нацеленность на активное освоение профессии на основе ценностно-креативного подхода способствует формированию и развитию профессиональных компетенций. Происходит профессиональная самореализация личности, заметный профессиональный рост, что позволяет добиться определенных успехов в жизни, признания в профессии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Сабанина Н.Р. Образование человеческого и социального капиталов // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 2. С. 102.
2. Кирьякова А.В., Мороз В.В. Развитие аксиокреативного потенциала преподавателя иностранного языка неязыкового вуза [Электронный ресурс] // Аксиология иноязычного образования в контексте подготовки педагога будущего: материалы Международного научно-практического форума (Москва, 6–7 дек. 2019 г.) URL: file:///C:/Users/User/Downloads/544ce268-244e-4e16-82b3-00264f5023e8.pdf (дата обращения 9.09.2022).

3. Ушакова Н.Н. Индивидуальный подход в процессе формирования ценностных ориентаций учащихся общеобразовательной школы [Электронный ресурс]: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01: Курган, 1998. 140 с. URL: <https://nauka-pedagogika.com/viewer/7801/d?#?page=1> (дата обращения: 04.10.2022).

4. Кирьякова А.В. Аксиологические императивы университетского образования в контексте глобализации // Современные наукоемкие технологии. 2005. № 8. С. 93–94.

5. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование [Электронный ресурс]: Приказ Министерства образования и науки РФ от 22 февраля 2018 г. № 121 (с изменениями и дополнениями), редакция с изменениями № 1456 от 26.11.2020: официальный сайт. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/440301_B_3_15062021.pdf. (дата обращения: 20.12.2021).

6. Профессиональный стандарт «Педагог» [Электронный ресурс]: Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 октября 2013 г. № 544н. URL: https://school139.edusite.ru/DswMedia/professional-nyiy-standart_pedagog.pdf (дата обращения: 30.09.2022).

7. Константинова Л.Н. Педагогические условия развития ориентации будущего учителя на взаимодействие «учитель – родители»: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Оренбург, 1999. 23 с.

8. Андреева М.П., Егорова К.Е. Особенности организации практик будущих учителей химии [Электронный ресурс] // Приоритеты в современном естественно-научном образовании: проблемы и перспективы: сборник тезисов Всероссийского научно-образовательного форума с международным участием (22–26 нояб. 2021 г., г. Якутск) / гл. ред. К.Е. Егорова. Якутск: СВФУ, 2021. 535 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47428147&pff=1> (дата обращения: 5.10.2022).

REFERENCES:

1. Sabanina N.R. Formation of human and social capital // Social and humanitarian knowledge. 2018. № 2. P. 102.

2. Kiryakova A.V., Moroz V.V. Development of the axio-creative potential of a foreign language teacher at a non-linguistic university [Electronic resource] // Axiology of foreign language education in the context of future teacher training. Materials of the International Scientific and Practical Forum (Moscow, December 6–7, 2019). URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/544ce268-244e-4e16-82b3-00264f5023e8.pdf> (accessed 9.09.2022).

3. Ushakova N.N. Individual approach in the process of formation of value orientations of secondary school students [Electronic resource]: Dis. ... cand. ped. Sciences: 13.00.01: Kurgan, 1998. 140 p. URL: <https://nauka-pedagogika.com/viewer/7801/d?#?page=1> (date of access: 04.10.2022).

4. Kiryakova A.V. Axiological imperatives of university education in the context of globalization. // Sovremennye naukoemkie tekhnologii. 2005. No. 8. P. 93–94.

5. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of February 22, 2018 No. 121 “On approval of the federal state educational standard of higher education – a bachelor’s degree in the field of study 44.03.01 Pedagogical education” (as amended and supplemented) Edition with amendments No. 1456 of 26.11.2020: official site. Moscow. [Electronic resource]. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/440301_B_3_15062021.pdf. (date of access: 20.12.2021).

6. Professional standard “Teacher” [Electronic resource] / Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of October 18, 2013 No. 544н. URL: https://school139.edusite.ru/DswMedia/professional-nyiy-standart_pedagog.pdf (date of access: 30.09.2022).

7. Konstantinova L.N. Pedagogical conditions for the development of the orientation of a future teacher on the interaction “teacher-parents”: abstr. dis. ... Cand. of Ped. Sciences: 13.00.01: Orenburg, 1999. 23 p.

8. Andreeva M.P., Egorova K.E. Features of the organization of practices of future teachers of Chemistry // Collection of abstracts of the All-Russian scientific and educational forum with international participation “Priorities in modern natural science education: problems and prospects”. November 22–26, 2021 Yakutsk [Electronic resource] / Ch. editor: K.E. Egorova, scientific editor: O.M. Krivoshapkina, M.P. Andreeva, R.P. Sofronov [et al.]. Yakutsk: NEFU Publishing House, 2021. 535 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47428147&pff=1> (date of access: 05.10.2022).

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-127-136>
УДК 371.134:004

Леонтьева А.В., Бибалова С.А., Хатит Ф.Р.

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ПЕДАГОГА КАК РЕСУРС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Леонтьева Александра Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и социальной психологии ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», Майкоп, Россия

e-mail: alex_ran_2008@mail.ru

тел.: +7 (929) 862 22 01

Бибалова Саида Аслановна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», Майкоп, Россия

e-mail: saika2000@mail.ru

тел.: +7 (988) 480 15 32

Хатит Фатима Рамазановна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и социальной психологии ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», Майкоп, Россия

e-mail: fxatit@mail.ru

тел.: +7 (964) 903 34 86

Аннотация

Цифровой сервис прочно вошел во все сферы социально-экономической деятельности, включая сферу образования. Деятельность современного педагога в цифровой образовательной среде является его неотъемлемым компонентом. От сформированности цифровой культуры педагога как транслятора идей государственной образовательной политики во многом зависит и развитость «цифрового гражданства» в целом. Актуальность рассмотрения проблемы сформированности у педагогов цифровой культуры обусловлена следующими противоречиями: между возрастающей значимостью педагога в процессе цифровизации образования и слабой разработанностью содержания его цифровой культуры и ее компонентов как детерминантов профессиональной педагогической деятельности в цифровой образовательной среде; между ростом цифровизации образовательного процесса и недостаточным уровнем сформированности у педагогов цифровой культуры. Указанные противоречия положены в основу нашего

исследования, проблема которого заключается в раскрытии особенности цифровой культуры современного педагога как ресурса его профессиональной деятельности в условиях цифровой трансформации образовательного пространства.

Цель исследования: теоретически обосновать сущность и компонентный состав цифровой культуры современного педагога как ресурса его профессиональной деятельности в цифровой образовательной среде. Достижение данной цели осуществлялось посредством применения следующих методов исследования: анализа литературы, классификации, моделирования, описания, способов наглядного представления данных в виде рисунков и таблиц.

Результаты исследования: 1) анализ научных источников позволил определить концептуальные подходы к рассмотрению проблемы цифровой культуры педагога, что позволило аккумулировать сведения и разработать карту компонентного состава цифровой культуры педагога; 2) теоретически обоснованы базовые компоненты цифровой культуры педагога: цифровая грамотность и мотивационно-ценностное отношение; 3) предложена процедура оценки уровня сформированности цифровой культуры педагога.

Ключевые выводы: 1) карта компонентного состава цифровой культуры педагога представляет собой интегративные сведения о сущности и составе цифровой культуры педагога и включает виды цифровой компетентности, соответствующие им компетенции, показатели и цифровые навыки; 2) базовыми компонентами цифровой культуры педагога являются цифровая грамотность и мотивационно-ценностное отношение, каждый из которых представлен соответствующими ему показателями и цифровыми навыками; 3) методика оценки сформированности цифровой культуры педагога включает уровневую шкалу и расчет индивидуального индекса цифровой компетентности. Содержащиеся в статье сведения могут быть положены в основу разработки программы курсов повышения квалификации и профессиональной переподготовки педагогов, направленных на формирование цифровой культуры в образовательной среде.

Ключевые слова: образовательное пространство, цифровая среда, цифровое образование педагога, цифровая культура, цифровая грамотность, цифровая компетентность педагога, карта компонентного состава цифровой культуры педагога, уровни сформированности цифровой культуры педагога

Для цитирования: Леонтьева А.В., Бибалова С.А., Хатит Ф.Р. Цифровая культура современного педагога как ресурс профессиональной деятельности в условиях цифровой трансформации образовательного пространства // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Том 14, № 4. С. 127-136. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-127-136>.

Leontyeva A.V., Bibalova S.A., Khatit F.R.

DIGITAL CULTURE OF A MODERN TEACHER AS A PROFESSIONAL ACTIVITY RESOURCE IN THE CONDITIONS OF EDUCATIONAL SPACE DIGITAL TRANSFORMATION

Leontyeva Alexandra Vladimirovna,

Candidate of Pedagogical Sciences, an associate professor of the Department of Pedagogy and Social Psychology of FSBEI HE "Adygh State University", Maikop, Russia

e-mail: alex_pan_2008@mail.ru

tel.: +7 (929) 862 22 01

Bibalova Saida Aslanovna,*Candidate of Pedagogical Sciences, an associate professor of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy of FSBEI HE "Maikop State Technological University", Maikop, Russia**e-mail: saika2000@mail.ru**tel.: +7 (988) 480 15 32****Khatit Fatima Ramazanovna,****Candidate of Pedagogical Sciences, an associate professor of the Department of Pedagogy and Social Psychology of FSBEI HE "Adygh State University", Maikop, Russia**e-mail: fxatit@mail.ru**tel.: +7 (964) 903 34 86***Abstract**

The digital service has firmly entered all areas of social and economic activity, including education. The activity of a modern teacher in the digital educational environment is its integral component. The development of "digital citizenship" as a whole largely depends on the formation of the digital culture of a teacher as a translator of the ideas of the state educational policy. The relevance of considering the problem of digital culture formation among teachers is due to the following contradictions: between the increasing importance of a teacher in the process of digitalization of education and poor development of the content of its digital culture and its components as determinants of professional pedagogical activity in a digital educational environment; between the growth of digitalization of the educational process and the insufficient level of formation of digital culture among teachers. These contradictions form the basis of our research, the problem of which is to reveal the features of the digital culture of a modern teacher as a resource for his professional activity in the context of the digital transformation of the educational space.

The purpose of the research is to theoretically substantiate the essence and component composition of the digital culture of a modern teacher as a resource for his professional activities in a digital educational environment. This goal was achieved through the use of the following research methods: literature analysis, classification, modeling, description, ways of visualizing data in the form of figures and tables.

The results of the research: 1) the analysis of scientific sources has made it possible to determine the conceptual approaches to considering the problem of the digital culture of a teacher, which made it possible to accumulate information and develop a map of the component composition of a teacher's digital culture; 2) the basic components of a teacher's digital culture have been theoretically substantiated: digital literacy and motivational-value attitude; 3) a procedure for assessing the level of formation of a teacher's digital culture has been proposed.

Key conclusions: 1) the map of the component composition of the digital culture of a teacher is an integrative information about the essence and composition of the digital culture of a teacher and includes the types of digital competence, their corresponding competencies, indicators and digital skills; 2) the basic components of a teacher's digital culture are digital literacy and a motivational-value attitude, each of which is represented by indicators and digital skills corresponding to it; 3) the methodology for assessing the formation of a teacher's digital culture includes a level scale and the calculation of an individual index of digital competence. The information contained in the article can be used as the basis for developing a program of advanced training courses and professional retraining of teachers aimed at creating a digital culture in the educational environment.

Keywords: educational space, digital environment, digital education, a teacher, digital culture, digital literacy, digital competence of a teacher, map of the component composition of a teacher's digital culture, levels of formation of a teacher's digital culture

For citation: Leontyeva A.V., Bibalova S.A., Khatit F.R. Digital culture of a modern teacher as a professional activity resource in the conditions of educational space digital transformation // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2022. Volume 14, No. 4. P. 127-136. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-127-136>.

В соответствии с действующими федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования одним из основных результатов освоения программ высшего образования по педагогическим направлениям является овладение будущими учителями информационно-коммуникационными технологиями для решения профессиональных задач. Успешное применение на практике данных технологий может быть определено как цифровая культура, представляющая собой сформированность необходимых навыков по успешному функционированию в смешанной реальности, включающих навыки безопасной и эффективной работы с контентом, коммуникация с другими пользователями в электронной образовательной среде, поиска и потребления информации, постоянного совершенствования, мотивационно-ценностного отношения к цифровому сервису, обеспечивающих эргономичное функционирование в новом цифровом образовательном пространстве [1; 4; 5; 7].

Международной компанией The Boston Consulting Group (BCG) разработана «Целевая модель компетенций 2025» как значимых ориентиров для эффективного развития общества в условиях

цифровой экономики. В состав этой модели вошли и цифровые навыки (рисунок 1) наряду с социально-поведенческими и когнитивными компетенциями [10].

Востребованность владения педагогами цифровой культурой закреплена в Федеральном проекте «Цифровая культура» [8], в Стратегическом направлении в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации [6], в которых предусмотрено достижение целевых показателей цифровой трансформации как национальной цели (рисунок 2).

Данных целевых показателей планируется достичь к 2030 году. Вполне очевидно, что достижение целевых показателей невозможно без повышения цифровой культуры педагогов образовательных учреждений. «Для современного цифрового общества и для цифровой экономики в частности требуются педагоги нового поколения, обладающие способностью адаптации к различным цифровым средам и технологиям обучения. И это свойство характеризуется не столько использованием технологий в обучении, сколько способностью прогнозировать грядущие изменения в постоянно меняющейся цифровой среде» [5, с. 136].

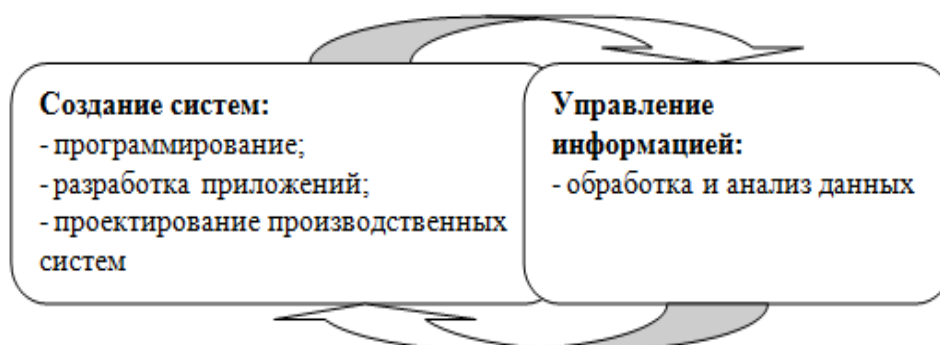

Рис. 1. Цифровые навыки в составе «Целевой модели компетенций 2025» [3, с. 7; 10]

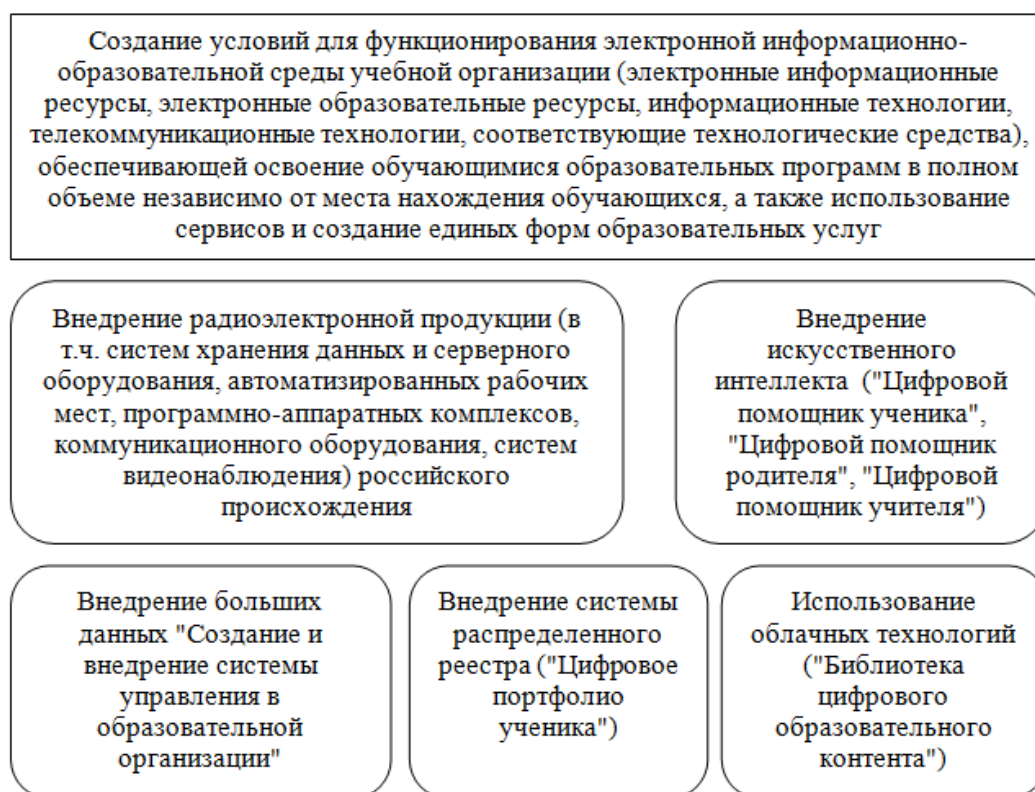

Рис. 2. Целевые показатели цифровой трансформации (составлено авторами по источникам 6, 7, 8, 9)

Ряд ученых (Гайсина С.В., Давыдова И.П., Носова Л.С., Леонова Е.А., Рузаков А.А.) цифровую культуру рассматривают сквозь призму цифровой компетентности педагога. Е. Гавриловой представлена европейская модель цифровой компетентности учителя (рисунок 3).

Западными специалистами разработана Европейская модель цифровых компетенций для педагогов (Digital Competence of Educators) (рисунок 4).

Подробный анализ исследований отечественных и зарубежных ученых по рассматриваемой нами проблеме

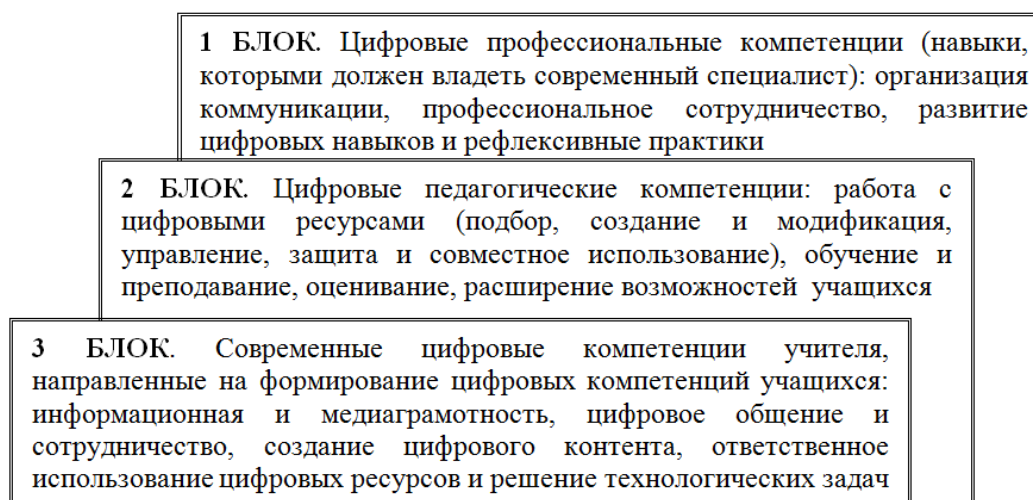

Рис. 3. Европейская модель цифровой компетентности учителя (составлено авторами по источнику 1)

Профессиональные компетенции преподавателей	Цифровые компетенции	Педагогические компетенции преподавателей		Трансграничные компетенции	Компетенции учащихся
	1. Профессиональное взаимодействие	2. Цифровые ресурсы	3. Обучение	6. Содействие развитию цифровых навыков учащихся	
	Предметные компетенции	4. Оценка	5. Расширение возможностей учащихся	Предметные компетенции	

Рис. 4. Европейская модель цифровых компетенций для педагогов (Digital Competence of Educators) [3, с. 7]

Рис. 5. Уровни сформированности цифровой компетенции педагога (составлено авторами по источнику 5, с. 146)

позволил разработать карту компонентного состава цифровой культуры педагога (таблица 1) [4; 5 и др.]. Каждая категория цифровой компетенции соотносится с четырьмя уровнями ее сформированности: начальный, базовый, высокий и экспертный (рисунки 5).

Для оценки уровня сформированности цифровой компетентности предлагаем использовать обобщенный показатель – индивидуальный индекс цифровой компетентности (ИЦК), который высчитывается по формуле:

$$ИЦК = \frac{2ЦГ + МЦО}{3},$$
 где ЦГ – цифровая грамотность, МЦО – мотивационно-ценностное отношение. Данные по цифровой грамотности берутся из расчета среднего показателя при суммировании баллов по общепользовательской ИКТ-компетентности, общепедагогической ИКТ-компетентности, предметно-педагогической ИКТ-компетентности. С целью объективизации результата можно использовать метод экспертных оценок и получить интегративный показатель индивидуального индекса цифровой

Таблица 1

Карта компонентного состава цифровой культуры педагога (составлено авторами)

Цифровая компетентность	Цифровая компетенция	Показатель	Цифровой навык
Цифровая грамотность	Общепользовательская ИКТ-компетентность	Цифровая безопасность	Соблюдает этику коммуникации в цифровой среде, поддерживает репутацию учебного заведения, использует легальный контент, умеет хранить информацию, обеспечивает надежность пароля, защиту персональных данных, резервное копирование
		Цифровое потребление	Использует платформы для онлайн-обучения, фиксированный интернет, мобильный интернет, цифровые устройства, новостной контент, облачные технологии и т.п.
		Общие цифровые компетенции	Поиск информации, применение цифровых устройств, социальных сетей, финансовые операции в цифровой среде, пользование мультимедиа, синхронизация устройств
	Общепедагогическая ИКТ-компетентность	Электронная информационно-образовательная среда (ЭИОС)	Содействует в создании цифрового портфолио обучающихся, поддерживает общение в цифровой образовательной среде, проводит образовательный мониторинг, реализует и различает формы онлайн-обучения
		Цифровые образовательные ресурсы (ЦОР)	Оценивает качество коллекций ЦОР, использует средства создания ЦОР
		Самообразование	Использует в самообразовании в соответствии с правовыми нормами массовые открытые онлайн-курсы (МООК), цифровые профессиональные сообщества, разрабатывает цифровое портфолио педагога
		Цифровые технологии	Использует VR/AR, цифровые устройства в образовании, большие данные (big data)

Продолжение таблицы 1

Цифровая грамотность	Предметно-педагогическая ИКТ-компетентность	Цифровой образовательный ресурс в предмете	Оценивает качество цифровых ресурсов, осуществляет их отбор для поиска оптимальных вариантов использования в рамках предмета; разрабатывает ЦОР в соответствии с поставленной образовательной целью
		Профессиональное развитие	Применение ЦОР в научном аспекте, в учебной деятельности по предмету
		Коммуникация	Организация коммуникаций в цифровой среде, дистанционное консультирование, работа с использованием средств совместного доступа, кооперация
		Экспертная деятельность	Осуществляет моделирование, педагогическое проектирование, педагогическое прогнозирование, дифференцированное обучение
Мотивационно-ценностное отношение	Цифровое гражданство	Цифровое мышление	Демонстрирует обладание внутренней, субъективной мотивацией, переориентация с пользователя / потребителя цифрового контента на его создателя и активное преобразование и реализацию
		Цифровая саморегуляция	Умение управлять процессами своего организма и личностью в цифровой среде: эмоциями, мыслями, поведением, поступками и переживаниями, рефлексивные практики (способность размышлять, анализировать и извлекать уроки из собственных действий, перманентное обучение на собственном профессиональном опыте в цифровой среде)
		Трансляция ценностей цифрового общества	Демонстрирует осознанность и стойкую убежденность к цифровизации образования как необходимой ценности современного социума, стремится к преобразованию общества в рамках достижений цифровой экономики

компетентности, используя оценки экспертов и самооценку:

$$ИПИЦК = \frac{2Э + 1С}{3},$$

где ИПИЦК – интегративный показатель индивидуального индекса цифровой компетентности, Э – оценка экспертов, С – самооценка.

По нашему мнению, такой подход в формировании оценочной процедуры сформированности у педагогов цифровой компетентности является более полным и достоверным, в полной мере

соответствует актуальной оценочной процедуре.

В заключение отметим, что проведенное исследование является результатом анализа источников субъектных ресурсов современного педагога в условиях цифровой трансформации образовательного пространства и поля их применения, расширяет теорию образования в направлении разработанности компонентного состава цифровой культуры педагога и оценочной процедуры ее сформированности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бибалова С.А., Леонтьева А.В. Анализ опыта перехода на дистанционное обучение в системе вузовской подготовки в период пандемии (на примере ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет» и ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет») // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. Т. 13, № 4. С. 59–68.
2. Гаврилова Е. Современный учитель и его цифровые компетенции [Электронный ресурс] // Учительская газета. URL: <https://ug.ru/sovremennyj-uchitel-i-ego-czifrovye-kompetenczii/> (дата обращения: 13.05.2022).
3. Гайсина С.В., Давыдова И.П. Методические рекомендации по цифровому образованию [Электронный документ]. URL: <https://spbappo.ru/wp-content/uploads/2021/03/Карта-компетенций-ИТОГ.pdf> (дата обращения: 14.05.2022).
4. Леонтьева А.В., Ковалева Н.В., Хатит Ф.Р. Цифровая культура как инновационный компонент профессиональной деятельности педагога // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Т. 14, № 2. С. 49–56.
5. Носова Л.С., Леонова Е.А., Рузаков А.А. Модель цифровой культуры будущих педагогов в условиях цифровизации образования // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2019. № 4. С. 134–154.
6. Стратегическое направление в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. расп. Правительства РФ от 02.12.2021 года № 3427-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/727382832> (дата обращения: 13.05.2022).
7. Современное высшее образование: теория и практика: коллективная монография / А.Ю. Нагорнова [и др.]. Ульяновск: Зебра, 2020. 602 с.
8. Федеральный проект «Цифровая культура» [Электронный ресурс]. URL: <https://culture.gov.ru/about/national-project/digital-culture/> (дата обращения 11.04.2022).
9. Distance Learning Experience in the Context of Globalization of Education / T.N. Poddubnaya, E.L. Zadneprovskaya, S.S. Voevodina [et al.] // PROPOSITOS Y REPRESENTACIONES. 2021. Vol. 9. No S2. P. 985.
10. Martin A., Madigan D. Digital Literacies for Learning. London: Facet Publishing, 2006. 242 p.

REFERENCES:

1. Bibalova S.A., Leontyeva A.V. Analysis of the experience of transition to distance learning in the system of higher education during the pandemic (the case of FSBEI HE “Maikop State

Technological University” and FSBEI HE “Adygh State University”) // Bulletin of Maikop State Technological University. 2021. V. 13, No. 4. P. 59–68.

2. Gavrilova E. A modern teacher and his digital competencies // Teacher’s newspaper: [Electronic document]. URL: <https://ug.ru/sovremennyj-uchitel-i-ego-czifrovye-kompetenczii/> (date of access: 13.05.2022).

3. Gaisina S.V., Davydova I.P. Guidelines for digital education: [Electronic document]. URL: <https://spbappo.ru/wp-content/uploads/2021/03/Map-of-competence-TOG.pdf> (date of access: 14.05.2022).

4. Leontyeva A.V., Kovaleva N.V., Khatit F.R. Digital culture as an innovative component of a teacher’s professional activity // Bulletin of MSTU. 2022. V. 14. No. 2. P. 49–56.

5. Nosova L.S., Leonova E.A., Ruzakov A.A. Model of digital culture of future teachers in the context of digitalization of education // Bulletin of the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University. 2019. No. 4. P. 134–154.

6. Strategic direction in the field of digital transformation of education related to the field of activity of the Ministry of Education of the Russian Federation: approved by the Government of the Russian Federation dated December 2, 2021 No. 3427-r: [Electronic document]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/727382832> (date of access: 13.05.2022).

7. Modern higher education: theory and practice: a collective monograph / A.Yu. Nagornova [et al.]; Rep. editor A.Yu. Nagornov. Ulyanovsk: SP Kenshenskaya Victoria Valerievna (Zebra publishing house), 2020. 602 p.

8. Federal project “Digital culture”: [Electronic document]. URL <https://culture.gov.ru/about/national-project/digital-culture/> (Accessed 11.04.2022).

9. Distance Learning Experience in the Context of Globalization of Education / T.N. Poddubnaya, E.L. Zadneprovskaya, S.S. Voevodina [et al.] // PROPOSITOS Y REPRESENTACIONES. 2021. Vol. 9. No S2. P. 985.

10. Martin A., Madigan D. Digital Literacies for Learning. London: Facet Publishing, 2006. 242 p.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-137-145>
УДК 378.001.63:004

Уджуху И.А., Мешвез Р.К.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ВУЗЕ ПО ДИСЦИПЛИНЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕБНОГО КУРСА

Уджуху Ирина Анзауровна,

*старший преподаватель кафедры физического воспитания ФГБОУ ВО
«Майкопский государственный технологический университет», Майкоп,
Россия*

e-mail: udzhukhu.ira@mail.ru

тел.: +7 (909) 470 85 90

Мешвез Руслан Казбекович,

*старший преподаватель кафедры физического воспитания ФГБОУ ВО
«Майкопский государственный технологический университет», Майкоп,
Россия*

e-mail: meshvez@mail.ru

тел.: +7 (903) 466 27 35

Аннотация

Пандемия коронавирусной инфекции, захватившая весь мир, изменила вектор образования с традиционной формы его организации на дистанционный и гибридный, актуализировав таким образом востребованность контентов электронного обучения. Вместе с тем, важность внедрения электронного контента в учебный процесс на всех уровнях образовательных организаций детерминирована законодательной практикой нашей страны, регламентирующей необходимость создания цифровой образовательной среды в учебных заведениях. Электронный учебный курс является одним из примеров внедрения в учебную практику вузов контентов электронного обучения. Основной фокус данного исследования направлен на обоснование возможностей электронного учебного курса как нового формата проектирования учебного процесса в вузе в условиях цифровой революции, что и представляет проблему нашего исследования. Цель исследования заключается в раскрытии опыта проектирования учебного процесса в вузе по элективным дисциплинам по физической культуре и спорту с использованием электронного учебного курса. Достижение этой цели осуществлялось посредством применения методов исследования: библиографического метода, обобщения, описания, наглядного представления данных.

Результаты исследования: 1) раскрыто понятие электронного учебного курса и выявлены его функции; 2) описаны элементы электронного учебного курса; 3) представлен проект электронного учебного курса по дисциплине Б1.О.19 «Элективные дисциплины по физической культуре и спорту»; 4) выявлены особенности электронных учебных курсов.

Ключевые выводы: 1) электронный учебный курс представляет медиапродукт, содержащий информационный материал в рамках учебных программ дисциплин, предназначенный

для реализации дидактических возможностей средств информационно-коммуникационных технологий и поддержки учебного процесса; электронный учебный курс выполняет управленческую, стимулирующую, оптимизирующую и коммуникативную функции; 2) основными элементами электронного учебного курса являются информационно-содержательный, контрольно-коммуникативный, коррекционно-обобщающий блоки; 3) проект электронного учебного курса по дисциплине Б1.О.19 «Элективные дисциплины по физической культуре и спорту» включает общую информацию о курсе, содержании, наличии гиперссылок на материал; 4) особенностями электронных учебных курсов являются: открытость, мультимедийность, модульность, мобильность, гибкость, возможность построения индивидуальной образовательной траектории для каждого обучающегося.

Ключевые слова: вуз, учебный процесс, проектирование учебного процесса, электронный контент, электронный учебный курс, элективные дисциплины по физической культуре и спорту, функции электронных учебных курсов, особенности электронных учебных курсов, структура электронных учебных курсов

Для цитирования: Уджуху И.А., Мешвез Р.К. Проектирование учебного процесса в вузе по дисциплине с использованием электронного учебного курса // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Том 14, № 4. С. 137-145. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-137-145>.

Udzhukhu I.A., Meshvez R.K.

DESIGNING A CLASSROOM LEARNING IN A UNIVERSITY USING THE ELECTRONIC LEARNING COURSE

Udzhukhu Irina Anzaurovna,

a senior lecturer of the Department of Physical Education of FSBEI HE "Maikop State Technological University", Maikop, Russia

e-mail: udzhukhu.ira@mail.ru

tel.: +7 (909) 470 85 90

Meshvez Ruslan Kazbekovich,

a senior lecturer of the Department of Physical Education of FSBEI HE "Maikop State Technological University", Maikop, Russia

e-mail: meshvez@mail.ru

tel.: +7 (903) 466 27 35

Abstract

The coronavirus pandemic that has taken over the whole world has changed the vector of education from the traditional form of its organization to distance and hybrid, thus actualizing the demand for e-learning content. At the same time, the importance of introducing electronic content into the educational process at all levels of educational organizations is determined by the legislative practice of our country, which regulates the need to create a digital educational environment in educational institutions. An e-learning course is one of the examples of the introduction of e-learning content into the educational practice of universities. The research is focused on the substantiating the possibilities of an e-learning course as a new format for designing the educational process at a university in the context of the digital revolution, which is the problem of our study. The purpose of the research is to reveal the experience of designing the educational process in a university in elective disciplines in Physical

culture and sports using an electronic training course. This goal was achieved through the use of such research methods as the bibliographic method, generalization, description, visual presentation of data.

The results of the research are the following 1) the concept of an e-learning course has been disclosed and its functions identified; 2) the elements of the e-learning course have been described; 3) a draft e-learning course on discipline B1.O.19 “Elective disciplines in Physical culture and sports” has been presented; 4) features of e-learning courses have been revealed.

Key conclusions: 1) an electronic training course is a media product containing information material within the framework of the curriculum of disciplines, designed to implement the didactic capabilities of information and communication technologies and support the educational process; the electronic training course performs managerial, stimulating, optimizing and communicative functions; 2) the main elements of the electronic training course are information-content, control-communicative, correctional-generalizing blocks; 3) the project of an electronic training course in the discipline B1.O.19 “Elective disciplines in Physical culture and sports” includes general information about the course, content, availability of hyperlinks to the material; 4) features of e-learning courses are: openness, multimedia, modularity, mobility, flexibility, the ability to build an individual educational trajectory for each student.

Keywords: university, educational process, educational process design, electronic content, electronic educational course, elective disciplines in Physical culture and sports, functions of electronic educational courses, features of electronic educational courses, structure of electronic educational courses

For citation: Udzhukhu I.A., Meshvez R.K. *Designing a classroom learning in a university using the electronic learning course // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2022. Volume 14, No. 4. P. 137-145. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-137-145>.*

Использование электронных средств при проектировании учебного процесса в настоящее время является важнейшим фактором развития системы образования на всех ее уровнях. Данное обстоятельство детерминировано требованиями действующих федеральных государственных образовательных стандартов, напрямую указывающих на необходимость использования цифровых технологий в современном образовательном процессе (создание учебными организациями электронной информационной образовательной среды, применение в учебном процессе электронных образовательных технологий, предоставление для обучающихся возможности получения доступа к информационным и учебным ресурсам из любой точки, проектирование учебного процесса по дисциплинам с использованием электронных контентов и др.) [2; 7]. Стратегия на расширение в учебном процессе

электронных средств задекларирована и в ряде законодательных документов, в числе которых национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [5], национальный проект «Образование» [6], федеральный проект «Цифровая образовательная среда» [8] и др. Согласно этим документам, доминирующими ближайшими перспективами отечественной системы образования должны быть: создание обеспечивающей высокое качество и доступность образования всех видов и уровней цифровой образовательной среды, продвижение в учебных заведениях цифровых сервисов и цифрового контента образовательной деятельности, формирование у субъектов образования показателей «цифровой зрелости». Все это подтверждает серьезную модернизацию института образования в эпоху Индустрии 4.0, актуализируя необходимость научных исследований по вопросам разработки теоретических

и практических аспектов внедрения и опыта использования электронного контента обучения в учебном процессе, что особым образом выступает аргументом в пользу актуальности данного исследования, проблема которого может быть сформулирована следующим образом: каковы возможности электронного учебного курса как нового формата проектирования учебного процесса в вузе в условиях цифровой революции?

Популяризация применения в учебном процессе электронного контента относится к началу XXI века и связана с освоением интернет-пространства в учебных целях. Так, стали появляться в свободном доступе фрагменты открытых интернет-курсов от университетов мирового уровня. Востребованность этих курсов у пользователей сети способствовала началу формирования в 2008 году принципиально новой методологии образования, одним из элементов которой являлись MOOK (Массовые открытые онлайн-курсы) [4, с. 87] (рисунок 1).

Как считают О.И. Ваганова, Ж.В. Смирнова, Н.С. Абрамова, «чем

больше материалов представлено в электронной форме, тем большую мобильность приобретает студент» [1, с. 277]. С другой стороны, закрепившаяся в современном образовании тенденция к увеличению доли самостоятельной работы обучающихся в учебном процессе активизировала необходимость изыскания средств организации учебной деятельности без ущерба качеству образования. Проектируя учебный процесс, педагог должен учитывать важность формирования содержащихся в действующих федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования формирования универсальных компетенций – самостоятельности, самоорганизovanности, ответственности, целеустремленности. Электронный учебный курс (онлайн-курс) является одним из средств реализации данных требований [1].

Электронный учебный курс – это образовательное электронное издание (медиапродукт), содержащее информационный материал в рамках учебных программ дисциплин, который предназначен для реализации дидактических возможностей

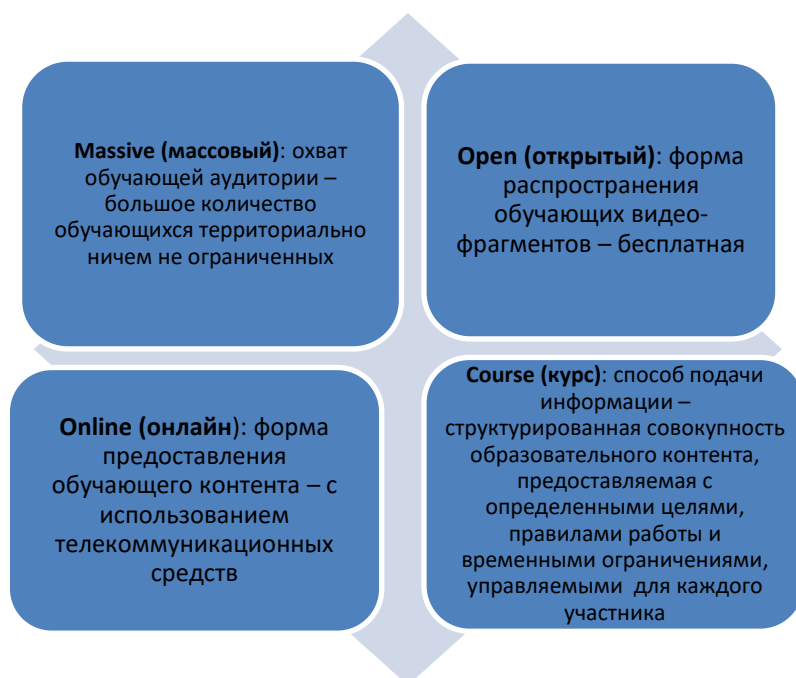

Рис. 1. Структура MOOK (составлена авторами по источнику 4, с. 87–88)

Рис. 2. Функции электронных учебных курсов по С.И. Денисенко (составлена авторами по источнику 3, с. 99–100)

средств информационно-коммуникационных технологий и поддержки учебного процесса. Структура такого курса может включать рабочую программу, календарный график изучения дисциплины, электронные конспекты лекций с гиперссылками, электронный терминологический словарь, методические рекомендации для студентов к практическим занятиям, модульные задачи для самостоятельной командной работы с рекомендациями по их внедрению, обучающие тесты, тесты для текущей и промежуточной аттестации по каждому модулю, средства взаимодействия педагога и обучающихся, гиперссылки на внешние ресурсы, инструкции для студентов по методике написания курсовой работы и др. [9, с. 69]. Четкой структуры, предъявляемой для электронного учебного курса, во многих учебных заведениях не существует, так же как и требований, обязывающих преподавателей вузов создавать такие курсы. Однако рядом учебных заведений определены требования к разработке электронного учебного курса. Например, в Ташкентском финансовом институте электронный учебный курс должен включать следующие разделы: организационно-методические материалы

курса, задачи и критерии оценивания знаний студентов, различные обучающие материалы по каждой теме рабочей учебной дисциплины [9]. В Сургутском государственном университете создан специальный Центр проектирования цифровых компетенций и онлайн-образования, который проводит экспертизу электронных курсов, при этом экспертами могут быть преподаватели, прошедшие углубленный обучающий курс по программе «Педагогический дизайн в областях науки» [10]. В целом, электронные учебные курсы традиционно включают три функциональных блока: информационно-содержательный; контрольно-коммуникативный; коррекционно-обобщающий [3, с. 100]. При проектировании электронных учебных курсов используется методологический подход Б. Блума (поэтапное овладение предметом) [1, с. 278].

С.И. Денисенко обозначены четыре функции, реализуемые современными электронными учебными курсами (рис. 2).

В рамках работы в электронной информационно-образовательной среде вуза авторами создан проект электронного учебного курса по дисциплине Б1.О.19 «Элективные дисциплины по

физической культуре и спорту», структурные компоненты которого и его содержание представлены фрагментарно ниже.

1. *Название курса:* Элективные дисциплины по физической культуре и спорту.

2. *Направление подготовки:* 43.03.02 Туризм

3. *Квалификация (степень) выпускника:* бакалавр.

4. *Профиль подготовки:* Технология и организация туроператорских и турагентских услуг.

5. *Автор курса:* Уджуху И.А., старший преподаватель кафедры физического воспитания Майкопского государственного технологического университета.

6. *Цели и задачи курса.* Курс основан на знаниях научных законов человекознания. Для освоения дисциплины необходимы знания по теории и методике физического воспитания, анатомии и физиологии человека. Курс направлен на совершенствование двигательных качеств человека, формирование здорового образа жизни, формирования физической культуры личности.

7. *Краткая характеристика курса.* Курс «Элективные дисциплины по физической культуре и спорту» реализуется кафедрой физического воспитания в рамках элективных дисциплин вариативной части ОП. В соответствии с учебным планом дисциплина изучается на 1–3 курсах в 1–6 семестрах. Курс направлен на формирование компетенции УК-7 и ее индикаторов УК-7.1, УК-7.2. Содержание дисциплины предусматривает освоение навыков общей физической подготовки, баскетбола, волейбола, мини-футбола, атлетической гимнастики, оздоровительной физической культуры. Программа курса включает виды текущего (тестирование, сдачу нормативов, подготовку доклада, сообщения) и промежуточного (зачет) контроля.

8. *Трудоемкость курса* в з.ед./час: 9,44 зачетные единицы, 340 часов, итоговый контроль: зачет.

9. *Содержание курса:*

9.1. Объем дисциплины и вид учебной работы (гиперссылка: <https://disk.yandex.ru...>).

9.2. Структура и содержание учебной и воспитательной деятельности при реализации дисциплины (см. табл. 1).

9.3. Описание показателей и критериев оценивания компетенций на различных этапах их формирования, описание шкалы оценивания (гиперссылка: <https://disk.yandex.ru...>).

9.4. Примерный перечень оценочных средств, их краткая характеристика и шкала оценивания (гиперссылка: <https://disk.yandex.ru...>).

Автор курса _____ И.А. Уджуху
подпись

Таким образом, особенностями электронных учебных курсов выступают:

– открытость – общедоступность курсов в любое удобное для студента время посредством сети интернет;

– мультимедийность, представляющая собой использование в обучающем контенте широкого спектра информационных ресурсов (презентаций, видеоматериалов, аудио-файлов и т.п.);

– модульность – структурированная на блоки программа (алгоритм перехода от одного блока к другому, вероятность временных ограничений на выполнение заданий и др.);

– мобильность, подразумевающая возможность импорта и экспорта образовательных услуг, включения социальных сетей и телекоммуникационных технологий для обмена информацией между участниками курса;

– гибкость – предоставление обучающемуся выбора наиболее удобного для него времени и места для обучения, а для педагога – времени проверки выполненных заданий;

Таблица 1

Элективные дисциплины по физической культуре и спорту	Вид учебного занятия и его наименование	Гиперссылка на материал	Форма текущего/промежуточного контроля
01 – Общая физическая подготовка			
Раздел 1. Базовый	Практическое занятие 1. ОФП, СФП, ППФП, ОФК, ЛФК, АФК, спортивные и подвижные игры	https://disk.yandex.ru...	Комплекс 1, 2, 3, 4
	Практическое занятие 2. ОФП, СФП, ППФП, ОФК, ЛФК, АФК, спортивные и подвижные игры	https://disk.yandex.ru...	
	Практическое занятие 3. ОФП, СФП, ППФП, ОФК, ЛФК, АФК, спортивные и подвижные игры	https://disk.yandex.ru...	
Раздел 2. Практический.	Практическое занятие 4. ОФП, СФП, ППФП, ОФК, ЛФК, АФК, спортивные и подвижные игры	https://disk.yandex.ru...	Комплекс 1, 2, 3, 4
	Практическое занятие 5. ОФП, СФП, ППФП, ОФК, ЛФК, АФК, спортивные и подвижные игры	https://disk.yandex.ru...	
Раздел 3. Контрольный.	Практическое занятие 6. ОФП, СФП, ППФП, ОФК, ЛФК, АФК, спортивные и подвижные игры	https://disk.yandex.ru...	Тестирование педагогическое. Зачет (проводится в форме выполнения студентом тестовых нормативов)
02 – Баскетбол			
Раздел 1. Базовый	Практическое занятие 1. ОФП, СФП, ППФП, ОФК, ЛФК, АФК, спортивные и подвижные игры	https://disk.yandex.ru...	Комплекс 1, 2, 3, 4
	Практическое занятие 2. ОФП, СФП, ППФП, ОФК, ЛФК, АФК, спортивные и подвижные игры	https://disk.yandex.ru...	Комплекс 1, 2, 3, 4
	Практическое занятие 3. ОФП, СФП, ППФП, ОФК, ЛФК, АФК, спортивные и подвижные игры	https://disk.yandex.ru...	Комплекс 1, 2, 3, 4

Продолжение таблицы 1

Раздел 2. Практический	Практическое занятие 4. ОФП, СФП, ППФП, ОФК, ЛФК, АФК, спортивные и подвижные игры	https://disk.yandex.ru...	Комплекс 1, 2, 3, 4
	Практическое занятие 5. ОФП, СФП, ППФП, ОФК, ЛФК, АФК, спортивные и подвижные игры	https://disk.yandex.ru...	
Раздел 3. Контрольный			Тестирование педагогическое. Зачет (проводится в форме выполнения студентом тестовых нормативов)
...			

– построение индивидуальной образовательной траектории для каждого обучающегося [1; 4; 7].

Таким образом, электронные учебные курсы инкорпорируют большой пласт активностей с образовательными целями. Они позволяют эргономично проектировать учебную деятельность в вузе в соответствии с современными трендами в образовании. Данное исследование расширяет теоретические представления об организации учебного процесса в вузе в условиях реализации федерального

проекта «Цифровая образовательная среда», что в целом расширяет методологию и технологию профессионального образования. Практическая значимость исследования заключается в возможности практического применения научно-педагогическими работниками полученных данных в своей профессиональной деятельности при проектировании учебного процесса. В перспективе авторами планируется изучить эффективность внедрения в учебный процесс электронных учебных курсов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ваганова О.И., Смирнова Ж.В., Абрамова Н.С. Проектирование учебного процесса по дисциплине с использованием онлайн-курсов [Электронный ресурс] // БГЖ. 2019. № 1 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektirovanie-uchebnogo-protsessa-po-discipline-s-ispolzovaniem-onlayn-kursov> (дата обращения: 12.05.2022).
2. Векторы социально-экономического развития России: современные вызовы и возможности конвергенции теоретико-методологических и прикладных исследований / Э.Ф. Амирова [и др.]. Самара: Поволжская научная корпорация, 2021. 220 с.
3. Денисенко С.И. Электронные учебные курсы в образовательном процессе вуза // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2017. № 5 (782). С. 96–102.
4. Разработка и применение массовых открытых онлайн-курсов по бережливому производству в условиях пандемии / Довгаль В.А., Карамушко Г.В., Маськова Н.Г., Чефранов С.Г. // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. Т. 13, № 4. С. 84–92.

5. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 г. № 1632-р: URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения 12.05.2022).

6. Национальный проект «Образование»: [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik.edu.ru/national-project> (дата обращения 11.05.2022).

7. Развитие современного вуза: новые методы и технологии: коллективная монография / А.Ю. Нагорнова [и др.]. Ульяновск: Зебра, 2021. 542 с.

8. Федеральный проект «Цифровая образовательная среда» [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/cos/> (дата обращения 11.05.2022).

9. Akhunova Ye.A. Certain aspects of e-learning course development for distance learning // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. No. 6–1(45). P. 69–71.

10. Orekhova E.Yu. Structure of Methodological Support for the Design of E-Learning Courses for Core Disciplines at University // Reports Scientific Society. 2021. No. 3 (27). P. 49–52.

REFERENCES:

1. Vaganova O.I., Smirnova Zh.V., Abramova N.S. Designing the classroom learning process using online courses [Electronic document] // BGJ. 2019. No. 1 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektirovanie-uchebnogo-protsessa-po-distipline-s-ispolzovaniem-onlayn-kursov> (date of access: 12.05.2022).

2. Vectors of socio-economic development of Russia: modern challenges and opportunities for convergence of theoretical, methodological and applied research / E.F. Amirova [et al.]. Samara: Povolzhskaya Scientific Corporation LLC, 2021. 220 p.

3. Denisenko S.I. Electronic educational programs in the educational process of a university // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences. 2017. No. 5(782). P. 96–102.

4. Development and application of mass open online courses on lean manufacturing in the pandemic period / V. A. Dovgal, Karamushko G.V., N. G. Maskova N.G., Chefranov S.G. // Bulletin of Maikop State Technological University. 2021. V. 13. No. 4. P. 84–92.

5. National program “Digital Economy of the Russian Federation”: approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 No. 1632-r: [Electronic document]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (accessed 12.05.2022).

6. National project “Education”: [Electronic document]. URL <https://vestnik.edu.ru/national-project> (accessed 11.05.2022).

7. Development of a modern university: new methods and technologies: a collective monograph / A.Yu. Nagornova [et al.]; ed. by A.Yu. Nagornov. Ulyanovsk: “Zebra” publishing house, 2021. 542 p.

8. The Federal project “Digital educational environment”: [Electronic document]. URL <https://edu.gov.ru/national-project/projects/cos/> (date of access 11.05.2022).

9. Akhunova Ye.A. Certain aspects of e-learning course development for distance learning // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. No 6–1(45). P. 69–71.

10. Orekhova E.Yu. Structure of Methodological Support for the Design of E-Learning Courses for Core Disciplines at University // Reports Scientific Society. 2021. No 3(27). P. 49–52.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-146-158>

УДК 378:81'42

Щербашина И.В., Уракова Ф.К., Жажева Д.Д., Пханаева С.Н.
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ
ЯЗЫКОВЫХ ДИСЦИПЛИН

Щербашина Инна Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», Майкоп, Россия

e-mail: inna_vladimir@mail.ru

тел.: +7 (918) 426 70 13

Уракова Фатима Капановна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», Майкоп, Россия

e-mail: urakova.fatima@mail.ru

Жажева Дариет Долетчериевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», Майкоп, Россия

e-mail: zhazheva@mail.ru

Пханаева Саида Нурбиевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», Майкоп, Россия

e-mail: phanaeva@yandex.ru

Аннотация

Актуальность данного исследования заключается в том, что в современных условиях модернизации образовательной системы встает вопрос преодоления стереотипов в организации учебного процесса по дисциплинам гуманитарного цикла, к которым относятся и языковые дисциплины. В связи с этим, возникает необходимость определения новых подходов и приемов, направленных на приобщение обучающихся к языку и литературе как к особому виду искусства, духовной культуры и материального кода народа, формирующих языковую картину мира нации.

Авторы статьи придерживаются той точки зрения, что решение данной проблемы возможно при опоре на положения лингвокультурологии, основным объектом которой является взаимосвязь языка и культуры и интерпретация этого взаимодействия.

Проблема исследования заключается в определении основ использования лингвокультурологического анализа текста в практике преподавания языковых дисциплин.

Целью исследования является описание теоретических и методических оснований использования лингвокультурологического анализа, направленного на анализ текста как феномена культуры народа и восприятие культурно-этнической информации, заключенной в тексте, в языковом знаке, в слове.

Методы исследования включают: изучение и анализ теоретических и методических источников, экспериментальная проверка и обобщение полученных в ходе эксперимента результатов.

В качестве *результата научного исследования* представлена возможность использования лингвокультурологического анализа художественного текста в практике преподавания языковых дисциплин.

Экспериментально было выявлено, что использование лингвокультурологического анализа текста в практике преподавания языковых дисциплин позволяет видеть не только содержательную и эстетическую картину целого текста, но глубоко и всесторонне постигать этническую действительность текста при помощи языка, расширять мировоззрение и миропонимание обучающихся, порождать интерес к культурному достоянию других народов.

Ключевые слова: филология, язык и культура, лингвокультурология, лингвокультурологический анализ текста, принципы, модель, группы упражнений, направления работы

Для цитирования: Щербашина И.В., Уракова Ф.К., Жажева Д.Д., Пханаева С.Н. Теоретико-методические основания использования лингвокультурологического анализа художественного текста в практике преподавания языковых дисциплин // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Том 14, № 4. С. 146-158. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-146-158>.

Shcherbashina I.V., Urakova F.K., Zhazheva D.D., Pkhanaeva S.N.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BACKGROUNDS FOR THE USE OF LINGUOCULTUROLOGICAL ANALYSIS OF AN ARTISTIC TEXT IN TEACHING LANGUAGE DISCIPLINES

Shcherbashina Inna Vladimirovna,

Candidate of Pedagogy, an associate professor of the Department of the Russian Language and Teaching Methods of FSBEI HE "Adygh State University", Maikop, Russia

e-mail: inna_vladimir@mail.ru,

tel.: +7 (918) 426 70 13

Urakova Fatima Kaplanovna,

Doctor of Pedagogy, a professor of the Department of the Russian Language and Teaching Methods of FSBEI HE "Adygh State University", Maikop, Russia,

e-mail: urakova.fatima@mail.ru

Zhazheva Dariet Doletcherievna,

Candidate of Pedagogy, an associate professor of the Department of the Russian Language and Teaching Methods of FSBEI HE "Adygh State University", Maikop, Russia

e-mail: zhazheva@mail.ru

Pkhanayeva Saida Nurbievna,

Candidate of Pedagogy, an associate professor of the Department of the Russian Language and Teaching Methods of FSBEI HE "Adygh State University", Maikop, Russia

e-mail: phanaeva@yandex.ru

Abstract

The relevance of the research lies in the fact that in modern conditions of the educational system, the question arises of overcoming stereotypes in the organization of the educational process in the disciplines of the humanities cycle, which include language disciplines. In this regard, there is a need to identify new approaches and techniques aimed at familiarizing students with language and literature as a special kind of art, spiritual culture and material code of the people that form the linguistic picture of the world of the nation.

The authors of the article adhere to the point of view that the solution to this problem is possible due to the provisions of Linguoculturology, the main object of which is the relationship between language and culture and the interpretation of this interaction.

The problem of the research is to determine the basis for the use of linguoculturological text analysis in the practice of teaching language disciplines.

The aim of the research is to describe theoretical and methodological foundations for the use of linguoculturological analysis of the text, aimed at analyzing the text as a phenomenon of the culture of people and the perception of cultural and ethnic information contained in the text, in the language sign, in the word.

The research methods include study and analysis of theoretical and methodological sources, experimental verification and generalization of the results obtained during the experiment.

As a result of the scientific research, the possibility of using linguoculturological analysis of a literary text in the practice of teaching language disciplines has been presented.

It has been experimentally revealed that the use of linguoculturological text analysis in the practice of teaching language disciplines allows you to see not only a meaningful and aesthetic picture of the whole text, but also to deeply and comprehensively comprehend the ethnic reality of the text with the help of language, expand the worldview and understanding of the world of students, generate interest in the cultural heritage of others peoples.

Keywords: philology, language and culture, linguoculturology, linguoculturological text analysis, principles, model, groups of exercises, areas of work

For citation: Shcherbashina I.V., Urakova F.K., Zhazheva D.D., Pkhanaeva S.N. *Theoretical and methodological backgrounds for the use of linguoculturological analysis of an artistic text in teaching language disciplines // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2022. Volume 14, No. 4. P. 146-158. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-146-158>.*

Задачи гуманизации современного образования определяют повышенный интерес к дисциплинам междисциплинарного характера, обеспечивающим

целостное постижение мира. Одной из таких наук является филология. Чем активнее развиваются гуманитарные направления науки, тем важнее становятся

положения филологии, которая является методологической основой для всех наук гуманитарного цикла благодаря разработанным методам исследования. С другой стороны, филология определяется не только как наука, но и как часть духовной культуры нации, как одно из средств ее сохранения и обогащения.

Задачи предметной области «филология» в учебных заведениях реализуются на занятиях по языку и литературе. Основной задачей этой предметной области является формирование представлений о многообразии и красоте русской речи, которая познается на образцах художественных произведений.

Достаточно долгое время системное языковое и литературное образование оставалось стереотипным. Однако на современном этапе развития образовательной системы оно рассматривается как основа для формирования читателя и приобщение его к языку и литературе как к особому виду искусства. Занятия по языку и литературе призваны ввести обучающихся в мир языковой системы и художественной литературы и помочь им понять и осмыслить образность словесного искусства, развить интерес к словесному творчеству, к духовной культуре нации через язык и слово.

Именно поэтому в современных условиях встает необходимость создания и утверждения новой модели работы с текстами художественных произведений в практике преподавания языковых дисциплин.

Ведущей деятельностью у обучающихся является анализ художественного произведения, который основывается на литературоведческих закономерностях построения текста художественного произведения [6; 11; 12; 15], на психологических особенностях восприятия художественного текста, а также на методических положениях чтения художественного текста. По определению Есина А.Б., анализ трактуется как

«научный метод, расчленяющий сложноорганизованное целое на части, выделяющий в нем некоторые стороны, элементы, а также связи между ними, и познающий каждую часть относительно самостоятельно. Не зная из чего состоит то или иное сложно организованное целое, нельзя, как правило, понять его действия, внутренние закономерности, а часто и смысл» [9, с. 24].

На основании анализа отечественной и зарубежной научной литературы можно сделать вывод, что в лингвистике отсутствует единая точка зрения на определение метода и целей анализа художественного текста. В отечественной и иностранной методической литературе последних лет представлено достаточное количество разнообразных подходов к анализу литературного произведения [2; 3; 18; 20; 22], принципов, положенных в основу анализа произведения [5; 7; 17]. Однако необходимо отметить, что в последнее время произошла смена парадигм в исследовании текста – с системно-структурной на антропологическую, что повлекло за собой смещение акцентов в работе с текстом. Это смена определяет изменение методов, целей исследования и отношения к объекту и предмету. Антропологическая парадигма предполагает подход к художественному тексту в неразрывной связи с человеком и культурой народа. При этом, культура рассматривается не только как смежная с лингвистикой наука, но и как особенное явление, без глубокого и всестороннего анализа которого нельзя в полной мере постичь тайны языка и художественного текста. Исходя из этого, антропологическая парадигма в исследовании художественного текста предполагает его изучение с позиций не только лингвистики, но и лингвокультурологии.

Лингвокультурология определяется как дисциплина синтезирующего типа, занимающая промежуточное положение между науками, проблемами которых

является язык и культура. Воробьев В.В. [4, с. 32] основным объектом лингвокультурологии определяет взаимосвязь языка и культуры и интерпретация этого взаимодействия, а предметом исследования лингвокультурологии – духовную и материальную культуру, вербализованные артефакты, формирующие языковую картину мира. К проблемам изучения лингвокультурологии также относят и разноаспектные проблемы, связанные с пониманием языковой картины мира, языкового сознания, особенностей культурного и познавательного пространства языка нации. По мнению отечественных и зарубежных исследователей, область интересов лингвокультурологии включает в себя [1; 4; 10; 14; 19; 21]:

- способы и средства представления в языке объектов культуры народа;
- особенности выражения в языке народа его менталитета;
- закономерности отображения в семантике языковых единиц ценностных и смысловых категорий культуры народа.

Под влиянием лингвокультурологии в практике работы с текстами художественных произведений утвердился лингвокультурологический подход [8; 16] и лингвокультурологический анализ текста.

Лингвокультурологический анализ текста среди методов, используемых на занятиях по языку и литературе, занимает особое место. Это объясняется тем, что любой текст кроме внутреннего содержания и особенностей построения полностью представляет «мир» той культуры и того народа, на языке которого он создан. А следовательно, одним из аспектов лингвокультурологического анализа является определение текста как феномена культуры народа и восприятие культурной информации, заключенной в тексте, в языковом знаке, в слове. Ведь именно слово выступает как элемент языка во всех его функциях: как средство общения, как единица культурной

информации народа, как хранитель единения нации, как залог тесной взаимосвязи и взаимопонимания между поколениями. В слове закреплён национальный склад ума и духа, национальная картина мира и система духовно-нравственных ценностей.

Таким образом, лингвокультурологический анализ текста способствует формированию у обучающихся умения размышлять и анализировать языковые и речевые единицы, которые содержат культурную информацию о нации, на языке которой написан текст. Изучение текста на основе лингвокультурологического анализа способствует глубокому проникновению в культуру и национальные особенности своего народа и народа изучаемого языка, раскрытию значений и смыслов, заключённых в языковых единицах, представленных в тексте, определению ценностных установок культуры данного народа и формированию представления о картине мира, существующей в культуре данного народа.

Целью лингвокультурологического анализа художественного текста является работа по определению и характеристике языковых единиц, имеющих отношение к этнокультурному пространству, к духовной и материальной реальности народа, и являющихся специфическим признаком этого народа, имеющих народно-языковой колорит и создающих культурный фон текста, а следовательно, соотносят его с конкретным народом, обеспечивают отображение национальной картины мира и играют роль культурных и эстетических знаков культуры народа.

Задачи лингвокультурологического анализа текста:

- выявить тематическое и идейное содержание текста на основе его этнокультурной составляющей;
- дать характеристику культурному фону текста и определить соотношение текста с культурой народа;

- установить сюжетную линию текста и его этнодействительность через образы персонажей, традиции и культуру народа;

- определить принадлежность текста к стилю и жанру через призму языковой, этнокультурной и национальной художественной традиции;

- доказать лингвокультурную принадлежность текста и выявить средства и способы отображения этнокультуры на основе анализа языковой организации текста и описания его языкового материала;

- определить единицы языка, которые доказывают культурный, лингвокультурный и народно-бытийный контекст, классифицировать и описать языковые единицы с учетом их этимологических, культурно-семантических характеристик;

- обосновать значение языковых единиц в плане формирования культурно-этнической картины мира данного народа;

- охарактеризовать умение автора представить лингвокультурную идентичность народа в художественном произведении на основе использования языковых единиц;

- определить эмоциональный колорит текста, исходя из соотнесения его эстетики с этнокультурной и речевой этической традицией данного народа.

Объектом лингвокультурологического анализа текста являются языковые и культурные особенности организации текста как разноуровневого и разноаспектного целого, который является отражением этнобытия, этнодействительности конкретного народа.

Предметом лингвокультурологического анализа текста являются языковые единицы, имеющие в языке и культуре народа символичное, эталонное, образное и метафорическое значение и закрепленные в мифах, легендах, обрядах, фольклорных и религиозных традициях, фразеологизмах, метафорах, пословицах

и поговорках, а также в художественных произведениях.

Применение лингвокультурологического анализа художественных текстов в процессе изучения языковых дисциплин определено различными предпосылками:

- определение языка и культуры как формы познания, отражающей мировосприятие человека;

- диалог языка и культуры;

- субъектом языка и культуры является индивид или социум, личность или общество;

- нормативность является общей чертой языка и культуры;

- существенным свойством языка и культуры является историзм.

Указанное выше предполагает в работе по использованию лингвокультурологического анализа художественного текста учета следующих двух факторов. С одной стороны, учет языка художественного произведения, выполняющего наряду с коммуникативной и этноидентичную функцию. С другой стороны, учет представленного в тексте «плана содержания» и сопровождающие его языковые факты культурологического значения.

Указанные факты определяют принципы использования лингвокультурологического анализа художественного текста [18, с. 23–28].

Языковые единицы художественного текста должны быть проанализированы в их соотношении с аналогичными фактам современного русского литературного языка. Такой анализ должен затрагивать языковые единицы всех уровней языка с их значением и вариантами проявления.

Языковые единицы художественного текста должны быть проанализированы с точки зрения их отношения к русской художественной системе. Такой анализ направлен на определение языковых особенностей данного художественного текста.

Языковой материал художественного текста должен быть проанализирован с двух точек зрения: с точки зрения представленных норм русского литературного языка и с точки зрения сопоставления его эстетического соответствия с нормами русской художественной системы.

При анализе исторических художественных текстов необходимо определять архаизмы времени и архаизмы, специально используемые для решения выразительных задач.

При анализе художественного текста подвергаются анализу экстралингвистические факты, так как без их знания смысл произведения будет усвоен не до конца.

При анализе стихотворных текстов необходимо учитывать тот факт, что они выступают как образная микросхема, ритмо-рифмически организованная.

При анализе писателей-билингвов необходима характеристика и квалификация представленных в тексте факторов второго языка и определение причин их появления.

При анализе художественных текстов русских писателей нерусскими обучающимися необходим учет различий, которые существуют между словесно-образной картиной мира народов.

Исходя из вышеизложенного, можно определить алгоритм проведения лингвокультурологического анализа художественного текста.

1. Определить тему произведения и мотивы, выяснить особенности сюжета и композиции произведения, установить персонажи, их образы, определить их связь с культурной, художественной и литературной традициями народа, определить культурный отрезок времени, описанный в тексте.

2. Обосновать стиль, жанр художественного текста, ситуацию, на которую ориентирован текст; определить функции текста, адресат, этнокультурный и национальный характер форм речи.

3. Проанализировать в этнокультурном плане стилевые черты художественного текста, понаблюдать за языковой организацией текста, описать языковые признаки текста на основе этнокультурной, лингвокультурной, народоведческой информации:

- характеристика фонических средств (произношение, ударение, мелодика и др.) и выявление характерных признаков национально-культурной просодики (ритм, метр и др.), представленных в тексте, и позволяющих проследить его связь с этнокультурной реальностью;

- анализ лексических единиц, относящихся к определенному лингвокультурному слою (диалектная лексика, культурные семы), с точки зрения отображения национально-языковой картины мира; наблюдение за маркированными этноединицами со стилистической окраской и определение их этнокультурной принадлежности и выразительности; характеристика и установление семантики фразеологических единиц и их принадлежности к этнической группе;

- определение лингвокультурной специфики грамматической организации художественного текста (определение словообразовательной системы, морфологических единиц, национально маркированных грамматических конструкций, выяснение национально-языковых особенностей синтаксических структур).

4. Характеристика тропеистики (раскрытие и установление культурной семантики и специфики употребления традиционных художественно-выразительных средств, анализ эпитетов, метафор, сравнений как лингвокультурных единиц и определение специфики их употребления с учетом природы образования, описание национально-языкового эмоционального колорита текста, выявление общего культурно-эмоционального фона художественного текста).

5. Раскрытие культурных связей в тексте, установление их стилевых и стилистических возможностей.

Реализацию алгоритма проведения лингвокультурологического анализа художественного текста возможно осуществить на основе модели, построенной на использовании двух групп упражнений.

I группа упражнений направлена на работу по использованию лингвокультурологического анализа текста на основе лексики текста. Данная группа состоит из 6 направлений:

Первое направление – работа с современной лексикой языка. Цель: формировать представления о том, что современная лексика отражает жизнь, мысли, чувства народа. Задачи: 1) формировать представления о том, что однозначные и многозначные слова отражают миропонимание народа; 2) способствовать развитию познавательного интереса у обучающихся, формированию культурной референции.

Второе направление – работа с устаревшей лексикой. Цель: формировать представление о том, что устаревшая лексика связана с культурными причинами и отражает разные взгляды на мир. Задача: способствовать осознанному пониманию обучающимися механизма возникновения архаизмов и историзмов, определении различий между ними.

Третье направление – работа с неологизмами. Цель: формировать представления о том, что процессы заимствования и появления нового значения связаны с особенностями миропонимания. Задача: воспитывать бережное и внимательное отношение к языку.

Четвертое направление – работа с онимами. Цель: вводить обучающихся в мир национальной культуры и истории, обогащая речь онимами. Задача: формировать навыки применения этимологического анализа и лингвокультурологического комментирования.

Пятое направление – работа с синонимами, антонимами и омонимами. Цель: формировать представления о том, что омонимия, синонимия и антонимия обусловлены особенностями национального миропонимания. Задача: развивать умение соотносить явления языка с особенностями культуры.

Шестое направление – работа с профессиональной, диалектной и жаргонной лексикой. Цель: формировать знания о культурных отличиях общеупотребительной лексики и лексики, ограниченной в употреблении. Задача: развивать способность соотносить явления языка с особенностями культуры.

II группа упражнений направлена на работу по использованию лингвокультурологического анализа на основе работы с текстом. Данная группа состоит из 3 направлений работы.

Первое направление – задания на основе обучения пониманию текста. Данное направление включает в себя три вида заданий, направленных на обучение пониманию текста: семантизирующе-фактуальные, когнитивно-концептуальные и распредмечивающие подтекстовые задания. Каждый вид задания предполагает выявление определенного типа информации из текста – фактической, концептуальной, распредмечивающей.

Семантизирующе-фактуальные задания. Цель: формировать семантизирующий тип понимания и умение вычленять из текста фактуальную информацию. Задачи: 1) формировать умение вычленить из текста особые слова или словосочетания и правильно определить их значение; 2) формировать умение отвечать на вопросы по тексту, ориентироваться в фактуальном (информационном) пространстве текста, формулировать тему текста на уровне поверхностных смыслов.

Когнитивно-концептуальные задания. Цель: формировать у обучающихся умение вычленять из текста концептуальную информацию. Задача:

1) формировать у обучающихся познавательные процессы, основанные на усвоении концептуальной информации текста; 2) формировать умение находить взаимосвязь плана содержания текста и плана выражения текста.

Распредмечивающие подтекстовые задания. Цель: формировать у обучающихся умение воспринимать текст как эстетический элемент. Задача: 1) формировать у обучающихся способность определять многогранный смысл текста; 2) формировать умение «вести диалог» с автором текста как с интересным и опытным собеседником.

Второе направление – задания на основе обучения интерпретации текста. Это направление предусматривает три вида заданий: лингвистические, речеведческие и культурологические / культуроведческие задания.

Лингвистические задания основываются на анализе языкового материала текста, при этом текст не определяется как авторское произведение, в поле внимания находятся только изучаемые языковые категории. При проведении лингвокультурологического анализа текста внимание перемещается с языковой категории на текст, который становится исходной точкой для анализа данной категории: необходимо не только найти в тексте требуемые языковые единицы, но и определить их категории и функцию.

Речеведческие задания направлены на осмысление текста как языковой единицы, на анализ его речеведческих и содержательных характеристик: формулировка темы, основных мыслей текста, определение типа и стиля речи, выявление композиционных и языковых особенностей текста, осмысление роли этих особенностей для передачи содержания текста.

Культурологические / культуроведческие задания способствуют определению взаимосвязи между текстом и культурой, формированию представления

о художественном тексте как о единице культуры народа.

Третье направление – задания на основе обучения оценке текста. Это направление предусматривает четыре вида заданий: задания на основе обучения эмоциональной характеристике текста, задания на основе обучения языковой и речеведческой характеристике текста, задания на основе обучения культурологической характеристике текста, задания на основе обучения характеристике авторской позиции.

Задания на основе обучения эмоциональной характеристике текста основаны на том, что знакомство с художественным произведением предполагает наличие сильного эмоционального впечатления, а следовательно, необходима его фиксация в сознании читателя и умение выражать свои чувства. Эмоциональная характеристика текста основана на анализе содержания текста, его языковой формы, на обосновании впечатления от текста.

Задания на основе обучения языковой и речеведческой характеристике текста используют языковой и речеведческий аспекты текста. В основе характеризующих заданий лежит опора на лингвистические и речеведческие знания. Языковые характеристики текста классифицируются в соответствии с разделами языка: фонетическая, морфемная, лексическая, морфологическая, синтаксическая, орфографическая и пунктуационная характеристики.

Задания на основе обучения культурологической характеристике текста формируют восприятие художественного текста как единицы языка и культуры. Здесь находит свое применение культурологический аспект характеристики текста, который помогает анализировать текст через призму культуры.

Задания на основе обучения характеристике авторской позиции направлены на развитие умения выделять способы и

формы выражения авторской позиции в тексте и выражать свое отношение к ней.

Для определения эффективности использования лингвокультурологического анализа художественного текста в практике преподавания языковых дисциплин была проведена экспериментальная проверка. Эксперимент проводился на базе факультета педагогики и психологии Адыгейского государственного университета. Участниками эксперимента были студенты 1–3 курсов в количестве 100 человек.

Целью проведения эксперимента являлась проверка эффективности использования лингвокультурологического анализа художественного текста в практике преподавания языковых дисциплин.

Задачи эксперимента:

- определить уровень сформированности лингвокультурологической компетенции у обучающихся на основе анализа лексики текста;

- определить уровень сформированности лингвокультурологической компетенции у обучающихся на основе работы с текстом.

Экспериментальная проверка проводилась на основе выполнения двух работ: первая работа состояла из 6 упражнений для проверки использования лингвокультурологического анализа текста на основе лексики текста; вторая работа состояла из 1 задания для проверки использования лингвокультурологического анализа текста на основе обучения интерпретации текста.

Для определения первичной диагностики был проведен констатирующий эксперимент.

Анализ результатов выполнения проверочной работы по первому параметру показал: 47% обучающихся показали низкий уровень языкового развития, 31% – средний уровень и 22% – высокий уровень.

Анализ полученных результатов выполнения проверочной работы по

второму параметру: 45% обучающихся показали низкий уровень языкового развития, 36% – средний уровень и 19% – высокий уровень.

Таким образом, первичная диагностика показала, что доминирующим уровнем языкового развития является низкий (47%; 45%). Наибольшие трудности вызвали задания, выполняемые в соответствии с культурологическим аспектом языка. В итоге можем констатировать, что осознание связи языка и культуры и осознание языковых единиц с точки зрения феномена культуры у обучающихся вызывает определенные трудности, что снижает общий уровень языкового образования.

Для проверки эффективности использования лингвокультурологического анализа текста в практике преподавания языковых дисциплин был проведен контрольный эксперимент.

Итоги контрольного среза по первому параметру показали повышение общего качества языкового образования. С учетом культурологического аспекта языка выявлено снижение низкого уровня языкового развития с 47% до 19%, повышение среднего уровня языкового развития с 31% до 34% и увеличение высокого уровня языкового развития с 22% до 47%.

Результаты контрольного среза по второму параметру также показали повышение общего уровня языкового образования. Так, с учетом культурологического аспекта языка выявлено снижение низкого уровня языкового развития с 45% до 19%, повышение среднего уровня языкового развития с 36% до 39% и увеличение высокого уровня языкового развития с 19% до 42%.

На основе результатов контрольного среза можно достоверно констатировать, что к концу экспериментального обучения: 1) по итогам контрольного эксперимента была доказана положительная динамика роста качества языкового

образования у обучающихся; 2) на основе использования лингвокультурологического анализа текста обучающиеся получили теоретические знания и практические речевые навыки.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что лингвокультурологический анализ текста, как и всякий другой вид анализа, несколько не разрушает текстового единства и синтеза филологического, планового и эмоционального восприятия художественного текста. Напротив, он позволяет видеть не только картину эстетического целого текста, каким его создал автор, но и позволяет глубоко и всесторонне постичь этническую действительность текста при помощи языка. В процессе использования лингвокультурологического анализа текста в практике преподавания

языковых дисциплин значительно расширяется мировоззрение и миропонимание обучающихся, повышается их креативный потенциал, порождается интерес к культурному достоянию других народов. А следовательно, лингвокультурологический анализ текста является путем к достижению взаимопонимания и взаимоуважения между представителями разных культур. С другой стороны, использование лингвокультурологического анализа художественного текста открывает большие возможности для развития познавательно-интеллектуальной деятельности обучающихся, которая может быть успешно реализована в практике преподавания других дисциплин, а также станет основой для реализации научных сравнительных языковедческих исследований.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алимжанова Г.М. Сопоставительная лингвокультурология: взаимодействие языка, культуры и человека. Алматы, 2010. 300 с.
2. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учебное пособие. 5-е изд., стер. М.: Флинта, 2016. 520 с.
3. Витохина О.А., Волкова О.В., Лысова И.И. Лингвокультурологический анализ исторического наследия Великобритании: монография. Белгород: Белгородский ун-т кооперации, экономики и права, 2018. 169 с.
4. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методика). М.: РУДН, 2006. 331 с.
5. Воршкевич Д.В., Казанникова Д.П. Пособие по лингвокультурологическому анализу текста: учебное пособие. М.: МПГУ, 2016. 39 с.
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
7. Гизатулина А.Ф. Лингвокультурологические аспекты в лингвистическом анализе // Молодой ученый. 2018. № 16 (202). С. 329–331.
8. Дейкина А.Д., Левушкина О.Н. Роль лингвокультурологического подхода в методике преподавания как родного, как иностранного и как неродного // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2012. № 4. С. 23–28.
9. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учебное пособие. 8-е изд. М.: Флинта: Наука, 2007.
10. Зиновьева Е.Н. Лингвокультурология: от теории к практике: учебник. СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2016. 182 с.
11. Ипполитова Н.А. Текст в системе обучения русскому языку в школе: учебное пособие для студентов. М.: Флинта, Наука, 1998. 176 с.
12. Левицкий Ю.А. Лингвистика текста. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 208 с.
13. Левушкина О.Н. Лингвокультурологические характеристики текста в школьном обучении русскому языку: теория и практика: дис. ... д-ра. пед. наук. М., 2014. 543 с.

14. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие. 4-е изд. М.: Академия, 2008. 208 с.
15. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. М.: ЛКИ, 2007. 304 с.
16. Новикова Т.Ф. Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования: монография. Белгород: БелГУ, 2007. 299 с.
17. Пак И.Я. Лингвокультурология как следствие процесса интеграции наук. Принципы лингвокультурологического анализа // Актуальные проблемы гуманитарных наук: труды XII Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 3–6 апр. 2013 г.). Томск: ТГУ, 2012. С. 3.
18. Шанский Н.М. Лингвистический анализ художественного текста. Л.: Просвещение, 1990. 415 с.
19. Шаклеин В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации: монография. М.: Флинта, 2012. 301 с.
20. Doderer I. Fremde Texte lesen. München: Schenker Verlag, 1991. 237 p.
21. Palmer G.B. Toward a theory of cultural linguistics. Austin: University of Texas Press, 1996. 348 p.
- Ehler S. Literarische Texte lesen lernen. München: Schenker Verlag, 1992. 129 p.

REFERENCES:

1. Alimzhanova G.M. Comparative linguoculturology: interaction of language, culture and a man. Almaty, 2010. 300 p.
2. Bolotnova N.S. Philological text analysis: a textbook. 5th ed., Sr. Moscow: Flinta, 2016. 520 p.
3. Vitohina O.A., Volkova O.V., Lysova I.I. Linguistic and cultural analysis of the historical heritage of Great Britain: a monograph. Belgorod: Publishing House of the Belgorod University of Economics and Law, 2018. 169 p.
4. Vorobyov V.V. Linguoculturology (theory and methodology) M.: RUDN, 2006. 331 p.
5. Voroshkevich D.V., Kazannikova D.P. Manual on linguistic and cultural text analysis: a textbook. M.: MPGU, 2016. 39 p.
6. Galperin I.R. Text as an object of a linguistic research. M.: KomKniga, 2007. 144 p.
7. Gizatulina A.F. Linguistic and cultural aspects in linguistic analysis. Young scientist. 2018. No. 16 (202). P. 329–331.
8. Deikina A.D., Levushkina O.N. The role of the linguoculturological approach in teaching methods as native one, a foreign one and a non-native one // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia, series Questions of education: languages and specialty. 2012. No. 4. P. 23–28.
9. Esin A.B. Principles and methods of analysis of a literary work: a textbook. 8th ed. M.: Flinta: Nauka, 2007.
10. Zinovieva E.N. Linguoculturology: from theory and practice. A textbook. St. Petersburg: St. Petersburg State University; Nestor-History, 2016. 182 p.
11. Ippolitova N.A. Text in the system of teaching the Russian language at school: allowance for students of ped. Universities. M.: Flinta, Nauka, 1998. 176 p.
12. Levitsky Yu.A. Text linguistics. Moscow; Berlin: Direct-Media, 2014. 208 p.
13. Levushkina O.N. Linguistic and cultural characteristics of a text in school teaching the Russian language: theory and practice [text]: dis. ... Doc. Of Pedagogy. M., 2014. 543 p.
14. Maslova V.A. Linguistics: a textbook. 4th ed. M.: "Academy", 2008. 208 p.
15. Novikov L.A. Artistic text and its analysis M.: Publishing house LKI, 2007. 304 p.
16. Novikova T.F. Culturological approach to teaching the Russian language in the aspect of regionalization of education: a monograph. Belgorod: Publishing house BelSU, 2007. 299 p.

17. Pak I.Ya. Linguoculturology as a consequence of the process of integration of sciences. Principles of linguoculturological analysis // Actual problems of the humanities. Scientific session MEPhI, Tomsk State University T. 16. 2012. P. 3.
18. Shansky N.M. Linguistic analysis of a literary text L.: Education, 1990. 415 p.
19. Shaklein, V. M. Linguoculturology: traditions and innovations [Electronic resource]: a monograph. M.: Flinta, 2012. 301 p.
20. Doderer I. Fremde texte lesen. München: Schenker Verlag, 1991. 237 p.
21. Palmer G.B. Toward a theory of culturallinguistics. Austin: University of Texas Press, 1996. 348 p.
22. Ehler S. Literarische Texte lesen lernen. München: Schenker Verlag, 1992. 129 p.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

SOCIOLOGICAL SCIENCES

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-159-164>

УДК 351.741

Китайкина Ю.А.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЯ РУКОВОДСТВА И ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Китайкина Юлия Александровна,

слушатель Академии управления МВД России ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Москва, Россия

e-mail: yuliya-kitayikina2012@yandex.ru

тел.: +7 (987) 567 75 28

Аннотация

В данной статье рассматривается аспект влияния выбранного стиля руководства на эффективность деятельности подчиненных с учетом специфики прохождения службы в органах внутренних дел. Актуальность исследуемого вопроса основана на специфике управленческого стиля, применяемого в системе административно-властного аппарата. Эффективность управления в органах ОВД основывается на одновременном соблюдении двух факторов: результативность деятельности сотрудников внутренних дел и сохранение иерархичности и подотчетности в управленческой системе. Цель данной статьи заключается в выявлении влияния стиля управления на эффективность работы трудового коллектива на примере сотрудников внутренних дел. В качестве методов исследования использованы такие методы, как классификация, сравнительный анализ, анализ научной литературы, опрос, описание. Было выявлено, что в основе эффективного управления стиля руководства находится комбинация управленческих стилей, которые должны сменяться в зависимости от стоящих перед сотрудниками задач в краткосрочном и долгосрочном периодах. Ключевые выводы заключаются в том, что в долгосрочном периоде наиболее целесообразно применение демократического стиля управления, в то время как в кратковременные периоды целесообразно использовать авторитарный подход для достижения наилучшей результативности.

Ключевые слова: государственное управление, стили управления, эффективное управление, управление в органах внутренних дел, эффективность сотрудников, демократический стиль управления, авторитарный стиль управления, формализация отношений в коллективе

Для цитирования: Китайкина Ю.А. Взаимосвязь стиля руководства и эффективности работы сотрудников органов внутренних дел // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Том 14, № 4. С. 159-164. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-159-164>.

Kitaykina Yu.A.

RELATIONSHIP OF LEADERSHIP STYLE AND WORK EFFICIENCY OF THE INTERNAL AFFAIRS OFFICERS

Kitaykina Yulia Alexandrovna,

a police officer candidate of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia of FSPEI HE "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Moscow, Russia

e-mail: yuliya-kitayikina2012@yandex.ru

tel.: +7 (987) 567 75 28

Abstract

The article discusses the aspect of the influence of the chosen leadership style on the effectiveness of the activities of subordinates, taking into account the specifics of serving in the internal affairs bodies. The relevance of the research is based on the specifics of the managerial style used in the system of the administrative and power apparatus. The effectiveness of management in the internal affairs bodies is based on the simultaneous observance of two factors: the effectiveness of the activities of internal affairs officers and the preservation of hierarchy and accountability in the management system. The purpose of the article is to identify the influence of management style on the efficiency of the workforce of internal affairs officers. As research methods, such methods as classification, comparative analysis, analysis of scientific literature, survey, description were used. It has been found that the basis of effective leadership style management is a combination of management styles, which should change depending on the tasks facing employees in the short and long term. The key conclusions are that in the long run it is most advisable to use a democratic management style, while in the short term it is advisable to use an authoritarian approach to achieve the best results.

Keywords: public administration, management styles, effective management, management in the internal affairs bodies, employee efficiency, democratic management style, authoritarian management style, formalization of relationships in the team

For citation: Kitaykina Yu.A. Relationship of leadership style and work efficiency of the internal affairs officers // Vestnik Majkopskogo gosudarstvenno-go tehnologičeskogo universiteta. 2022. Volume 14, No. 4. P. 159-164. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-159-164>.

На сегодняшний день изменение социально-экономических аспектов жизни российского общества требует изменения в системе функционирования государственно-властных структур, повышения эффективности их деятельности. Особое внимание в системе государственного

управления отводится кадровой работе и повышению качества кадрового состава. Однако зачастую государственное управление характеризуется высоким уровнем бюрократизации и, как следствие, сложностью внедрения новых элементов управления. Большинство современных

государственных руководителей не обладает достаточными познаниями в области эффективного управления коллективом, не применяет актуальных управленческих инструментов на практике. Например, в системе государственной службы в принципе отсутствуют центры кадровой политики, а деятельность кадровых служб и руководителей сосредоточена на формальном соблюдении регламентов работы. Совокупность этих факторов не дает возможности создать эффективную управленческую среду, а значит, становится причиной неудовлетворительного социально-психологического климата в коллективе, ведет к возникновению конфликтов и повышению нагрузки на каждого сотрудника. Вместе с тем, основой эффективного управления являются не только действия самого руководителя, но и выстраиваемые в коллективе социальные и организационные условия [5, с. 13].

В основу исследования положена концепция стиля руководства. Под стилем руководства понимается «частое повторение тех или иных приемов, которыми пользуется руководитель для эффективного решения задач» [3, с. 141].

С точки зрения влияния на подчиненных все стили руководства делятся на три основных типа:

- директивный (авторитарный) стиль, для которого характерна жесткая поведенческая модель руководителя, концентрация властных полномочий, пресечение инициативы со стороны сотрудников, принятие решений о наказании или поощрении сотрудников единолично;

- коллегиальный (демократический) стиль присущ руководителям, которые активно привлекают коллектив к решению имеющихся проблем, в том числе и управленческого характера. Творческий характер работы и инициатива со стороны сотрудников поощряется. Основой достижения результативности в деятельности при применении демократического стиля управления является грамотная

организация контроля за исполнением поручений. Демократический является наиболее распространенным стилем управления в системе государственного управления;

- либеральный (попустительский) стиль руководителя характеризуется незаинтересованностью социальной стороной коллектива, терпимостью к незначительным дисциплинарным нарушениям, склонностью к коллегиальным решениям и нежеланием брать на себя ответственность [4, с. 76].

Стиль руководства в правоохранительных органах имеет свои специфические характеристики. Цель руководителя государственных структур любой сферы деятельности едина – обеспечение совместной деятельности коллектива для достижения высоких результатов [1, с. 74]. Однако при построении эффективной системы руководства выбор оптимального стиля руководства находится в зависимости от следующих факторов:

- личность руководителя и его видение (понимание) эффективных управленческих инструментов;

- состав самого коллектива, личностные и профессиональные характеристики сотрудников. Сюда же целесообразно отнести привычный для коллектива стиль работы, то есть такой подход руководителя, который традиционно сложился в коллективе и воспринимается им как верный и комфортный. Данный фактор важен в случае смены руководства, использующего разные стили управления подчиненными;

- формализация взаимоотношений внутри группы. Основная модель взаимоотношения – «руководитель – подчиненный»;

- четкое распределение ролей, статусов в группе;

- прочная взаимосвязь формальных и неформальных групп, формирующая особый социально-психологический климат в коллективе [2, с. 109].

В ходе проведенного анализа были изучены данные, полученные в ходе ежегодного исследования социально-психологического климата в территориальных органах МВД России на районном уровне. В качестве объекта исследования выступали территориальные органы МВД России Оренбургской области (районный уровень). Данные по выборке следующие:

– 2019 год – 48 служебных коллективов, 2120 сотрудников и 243 руководителя;

– 2020 год – 28 служебных коллективов, 988 сотрудников и 115 руководителей;

– 2021 год – 33 служебных коллектива, 1574 сотрудника и 137 руководителей [3, с. 142].

На основе полученных показателей, в том числе и в динамике, был сделан вывод о сохраняющемся соотношении стилей руководства – около 70% руководителей придерживаются демократического стиля руководства, почти 30% – авторитарного стиля руководства, либеральный подход встречается крайне редко или не встречается вовсе (рисунок 1).

При этом уровень удовлетворенности коллектива действиями руководства, а следовательно, сплоченность коллектива, благоприятная социально-психологическая обстановка, способствующая эффективному исполнению своих должностных обязанностей, наблюдается именно при демократическом стиле управления. Наименее эффективным следует признать либеральный стиль руководства. Диапазон удовлетворенности службой сотрудников территориальных органов МВД региона при разных стилях руководства имеет следующие показатели:

– демократический стиль – от 50 до 75%;

– авторитарный стиль – от 25 до 39%;

– либеральный стиль – от 0 до 11%.

Соответственно, в органах внутренних дел наиболее эффективен коллегиальный руководящий подход, направленный на вовлечение всех сотрудников в процесс принятия решений, предоставление им определенной свободы и возможности взять на себя ответственность при исполнении должностных обязанностей.

Стоит отметить и тот факт, что несмотря на весомые показатели целесообразности применения авторитарного

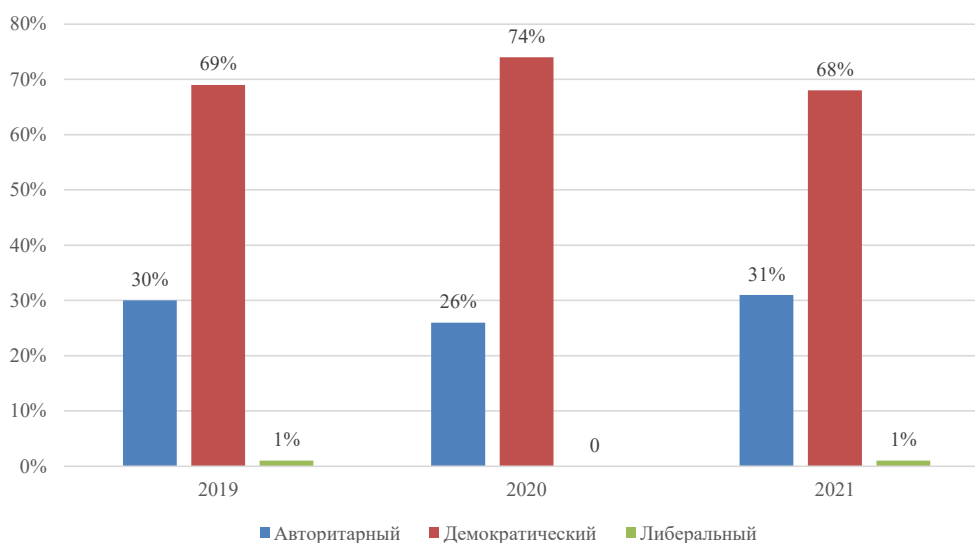

Рис. 1. Анализ данных о подходах к руководству в территориальных органах МВД России по Оренбургской области, % опрошенных [3, с. 142]

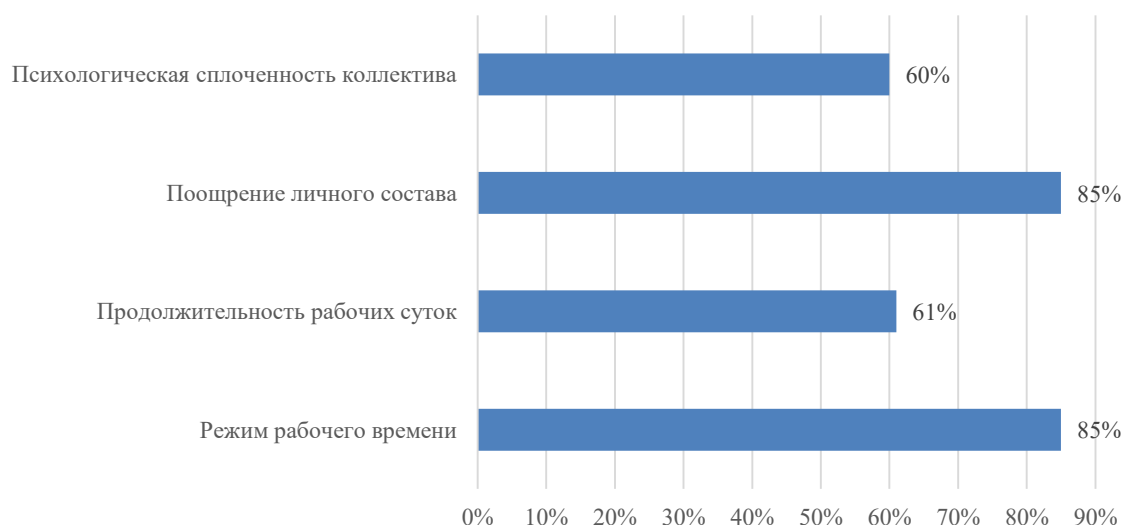

Рис. 2. Основные причины неудовлетворенности сотрудников работой при авторитарном стиле управления, % опрошенных [3, с. 144]

стиля руководства (достигает 39%), который считается традиционным для правоохранительных органов, говорить о его положительном влиянии в долгосрочном периоде не будет верным. Во-первых, постоянство применения авторитарного стиля управления связано с формированием неблагоприятного морального-психологического климата в коллективе и снижением удовлетворенности от служебной деятельности, что в итоге отрицательным образом сказывается на результатах оперативно-служебной деятельности. Во-вторых, при авторитарном стиле управления недовольство сотрудников связано не только с общим психологическим состоянием кадров, но и с теми элементами работы, которые

жестко регламентированы (режим и продолжительность рабочего времени), что отражено на рисунке 2.

Таким образом, в основе повышения эффективности работы сотрудников территориальных органов МВД России лежит применение такой комбинации управленческих стилей, которая будет соответствовать ситуации и формировать благоприятный социально-психологический климат в коллективе. Исходя из эмпирических данных, в долгосрочном периоде наиболее целесообразно применение демократического стиля управления, в то время как в кратковременные периоды целесообразно использовать авторитарный подход для достижения наилучшей результативности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Каюмова Г.Х. Влияние стиля профессиональной деятельности руководителя органов внутренних дел Российской Федерации на эффективность служебной деятельности // StudNet. 2020. № 3 (3). С. 74–79.
2. Бурцев А.О., Тавилова Н.Н. Влияние стиля руководства на психологический климат организации (на примере служебных коллективов МВД России) // Прикладная юридическая психология. 2020. № 2. С. 107–116.
3. Зуева О.В., Зорин А.В. Стиль управления в органах внутренних дел как один из факторов формирования социально-психологического климата служебного коллектива // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. Т. 13, № 4. С. 138–145.

4. Везетиу Е.В. Влияние стиля руководства на эффективность управления современной образовательной организацией // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70–1. С. 75–78.

5. Wathne C.T. New public management and the police profession at play // Criminal Justice Ethics. 2020. T. 39, № 1. С. 1–22.

REFERENCES:

1. Kayumova G.Kh. Influence of the style of professional activity of the head of the internal affairs bodies of the Russian Federation on the effectiveness of service activities // StudNet. 2020. No. 3 (3). P. 74–79.

2. Burtsev A.O., Tavtilova N.N. Influence of leadership style on the psychological climate of an organization (the case of service teams of the Ministry of Internal Affairs of Russia) // Applied Legal Psychology. 2020. No. 2. P. 107–116.

3. Zueva O.V., Zorin A.V. Style of management in the internal affairs bodies as one of the factors in the formation of the social and psychological climate of the service team // Bulletin of Maikop State Technological University. 2021. No. 4. P. 138–145.

4. Vezetiu E.V. Influence of leadership style on the effectiveness of management of a modern educational organization // Problems of modern pedagogical education. 2021. No. 70–1. P. 75–78.

5. Wathne C. T. New public management and the police profession at play // Criminal Justice Ethics. 2020. T. 39. No. 1. P. 1–22.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-165-173>
УДК 004.03:004.5

Маськова Н.Г., Хажгериева А.А.

ТЕОРИЯ ПОКОЛЕНИЙ: ОСОБЕННОСТИ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ АКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Маськова Наталья Геннадьевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и региональной экономики ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», Майкоп, Россия

e-mail: mazur_na@mail.ru

тел.: +7 (906) 438 18 59

Хажгериева Анастасия Александровна,

старший преподаватель кафедры литературы и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», руководитель рекламного агентства «Brend», Майкоп, Россия

e-mail: axazhgerieva@mail.ru

тел.: +7 (928) 662-05-16

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные проблемы медиапотребления, обусловленные развитием цифровых технологий, медиарынка и интернет-коммуникаций. С помощью статистических и логических методов исследования в статье определены особенности медиапотребления и выявлены факторы влияния на восприятие информации разными возрастными аудиториями. Теория поколений объясняет неоднородный процесс восприятия информации среди аудиторий разных возрастных групп, способствует налаживанию эффективной коммуникации. Делается вывод о том, что представители медиабизнеса могли бы создавать более востребованные информационные продукты, удовлетворяющие запросам аудитории цифровых медиаресурсов на основе изучения ценностных ориентиров поколений.

Ключевые слова: теория поколений, медиапотребление, медиакоммуникации, информационное пространство, медиабизнес, медиaprостранство, аудитория, информация

Для цитирования: Маськова Н.Г., Хажгериева А.А. Теория поколений: особенности медиапотребления в условиях активного развития цифровых технологий // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Том 14, № 4. С. 165-173. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-165-173>.

Maskova N.G., Khazhgerieva A.A.

THE THEORY OF GENERATIONS: FEATURES OF MEDIA CONSUMPTION IN THE CONDITIONS OF ACTIVE DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Maskova Natalya Gennadievna,

Candidate of Economics, an associate professor of the Department of Management and Regional Economics of FSBEI HE "Maikop State Technological University", Maikop, Russia

e-mail: mazur_na@mail.ru

tel.: +7 (906) 438 18 59

Khazhgerieva Anastasia Alexandrovna,

a senior lecturer of the Department of Literature and Mass Communications of FSBEI HE "Adygh State University", head of the "Brand" Advertising Agency, Maikop, Russia

e-mail: axazhgerieva@mail.ru

tel.: +7 (928) 662 05 16

Abstract

The article discusses the current problems of media consumption caused by the development of digital technologies, the media market and Internet communications. Using statistical and logical research methods, the article defines the features of media consumption and identifies factors influencing the perception of information by different age audiences. The theory of generations explains the heterogeneous process of information perception among audiences of different age groups, contributes to the establishment of effective communication. It has been concluded that representatives of the media business could create more in-demand information products that meet the needs of the audience of digital media resources based on the study of the value orientations of generations.

Keywords: theory of generations, media consumption, media communications, information space, media business, media space, audience, information

For citation: Maskova N.G., Khazhgerieva A.A. Theory of generations: features of media consumption in the conditions of active development of digital technologies // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2022. Volume 14, No. 4. P. 165-173. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-165-173>.

В современном мире цифровые медиатехнологии становятся ключевой коммуникационной платформой. Они формируют аудиторию о происходящих событиях и явлениях в стране и в мире, формируют взгляды на важные социально-экономические и политические проблемы, а также являются инструментом выражения общественных настроений и

мнений. Так цифровые медиаплатформы приобретают для социума более важное значение, чем традиционные источники получения информации – СМИ. Медиаплатформы создают пространство (медиапространство), в котором реализуется множество процессов развития личности: саморазвитие, самореализация, социализация, адаптация к

действующей социально-экономической и политической системам. В условиях появления социальных медиа распространение получает групповая коммуникация и медиапотребление.

Развитие цифровых технологий, интернет-коммуникаций, повышение общего уровня жизни населения создают благоприятные условия для популяризации и развития медиаиндустрии. Эта сфера деятельности становится очень прибыльной, а конкуренция в ней непрестанно растет. Главной проблемой медиабизнеса становится налаживание эффективной коммуникации и понимание ценностных ориентиров аудитории для успешной конкурентной борьбы.

Медиапотребление – это неотъемлемая часть жизни современного человека, которая занимает важное место в структуре его потребностей. В таких условиях представители медиабизнеса вынуждены искать новые способы привлечения и удержания внимания аудитории, изучать индивидуальную и групповую культуру медиапотребления. Для понимания предпочтений аудитории и налаживания эффективной коммуникации с ней необходимо понимать особенности медиапотребления в условиях активного развития цифровых технологий. Взаимосвязь восприятия информации и ценностных ориентиров аудитории разных возрастов описывается в теории поколений: схожие модели поведения и аналогичное восприятие происходящей действительности и событий вокруг свойственно людям внутри каждого поколения.

Еще в 1981 году Кристиан Урбан отнесла характеристики разных поколений к факторам, влияющим на особенности медиапотребления. Она рассмотрела процесс восприятия медиа информации в контексте сменяющих друг друга поколений в XX и XXI веках в некоторых европейских странах.

В 1991 году американские ученые-демографы Нейл Хоув и Вильям Штраус

описали повторяющиеся циклы развития поколений в книге «Generations». Авторы представили поколения людей, которые рождаются каждые 20 лет следующим образом: Беби-бумеры, поколение X, поколение Y, поколение Z. Каждое из поколений переживает 4 стадии трансформации: подъем – пробуждение – спад – кризис. Эта гипотеза получила широкое распространение во всем мире и получила название «теория поколений» [5].

Подход получил большую популярность и активно используется аналитиками медиапотребления и исследователями потребительских предпочтений аудиторий в разных странах мира. Понимание поведенческих мотивов и характеристик, присущих аудитории нескольких поколений, позволяет собрать воедино целостную картину в вопросе предпочтений потребления информации, определить границы влияния медиакоммуникации на разные возрастные группы, их ценности, привычки, поведение и образ жизни. Медиапотребление можно рассматривать как инструмент формирования «культурного кода» или информацию, позволяющую идентифицировать культуру личности, укреплять социальный статус, получать признание в социуме.

Американский психоаналитик Клотер Рапай представил культурный код как «бессознательный смысл той или иной вещи или явления, будь то машина, еда, отношения, даже страна в контексте культуры, в которой мы воспитаны». К. Рапай объясняет формирование культурного кода на основе импринтинга – запечатленные в детстве образы и сформированные ценности влияют на восприятие информации, событий и явлений во взрослой жизни.

Поколение Z (generation ZOOMERS) – термин появился благодаря теории поколений, его применяют во всем мире для обозначения поколения людей, активно использующих цифровые технологии VR- и 3D-реальности, планшеты,

Таблица 1

Величайшее поколение (1901–1923 гг.)	Представители данного поколения стали свидетелями таких исторических событий, как Первая и Вторая Мировые войны, будучи подростками они встретили Октябрьскую революцию 1917 года, они жили на стыке веков и глобальных изменений в стране и в мире. Так, в период смены привычных социальных парадигм формировалось новое «величайшее поколение». Среди ценностей преобладали вера в себя и свои возможности, поиск себя и своего предназначения в этом мире
Молчаливое поколение (1923–1943 гг.)	«Молчаливое поколение» прошло сложный путь, оно переживало репрессии Сталина, Вторую Мировую войну, восстановление разрушенной страны. Так, основными ценностями стали соблюдение правил и законов, уважение к статусу и должности, преданность, терпение, честь и достоинство
Поколение беби-бумеров (1943–1963 гг.)	Поколение «беби-бумеров» стало свидетелем великих побед Советского Союза, покорение человеком космоса – это способствовало формированию психологии победителя. Так, основными ценностями поколения стали оптимизм и вера в победу (на которые не смогли повлиять мрачные события 90-х годов), заинтересованность в личностном росте и развитии, командный дух и культ молодости
Поколение X (1964–1984 гг.)	Поколение «X» наблюдало продолжение холодной войны и войны в Афганистане, появление СПИДа, распространение наркотиков, перестройку и другие проявления процессов глобализации в стране. Основными ценностями поколения становятся готовность к переменам, техническая грамотность, возможность свободы выбора, желание учиться на протяжении всей жизни, равноправие между полами, вера в себя
Поколение Y, или миллениалы, или электронные люди (1985–2000 гг.)	Это поколение остается сегодня работоспособным, пережило период распада СССР, военные конфликты и террористические акты, а также бурное развитие цифровых технологий. Для этого поколения мобильные устройства, гаджеты, интернет стали привычным явлением повседневной реальности. В систему ценностей этого поколения вошли такие понятия, как гражданский долг, ответственность, мораль, профессиональная этика. А на первый план выходят стремление к комфортным условиям труда, мобильность, быстрое вознаграждение. Поколение не привязано к материальным ценностям, стабильность для них не так важна, как для старшего поколения
Поколение Z (1997–2011 гг.)	Представители этого поколения знакомы с гаджетами со старших групп детского сада, им легко дается освоение новых цифровых устройств, они способны быстро подстраиваться под новые условия, они позиционируют себя как индивидуальную, самодостаточную личность. Ценности: богатый внутренний мир, уникальность каждой личности. Становится модно быть умным, появляется уважение к личному пространству других людей, высокий уровень мастерства в выбранной профессии и стремление к лидерству
Поколение альфа (с 2011 г.)	Представители этого поколения еще подростки, они знакомы с гаджетами и цифровыми устройствами с рождения. Объем получаемой информации многократно превышает способности ее усваивать. Ценности поколения находятся в стадии формирования, а происходит это в кризисный период в развитии не только страны, но и всего мира

смартфоны и другие устройства и не представляющих возможным вести полноценную жизнь без интернета. Это поколение, выросшее с мультимедийным гаджетом в руках.

В России и странах СНГ теорию адаптировали Евгений Шамис и Евгений Никонов вместе со своей командой в проекте RuGenerations в 2003 году, описав теорию поколений как инструмент, который можно применять для улучшения процессов взаимопонимания в управлении, образовании и маркетинге. Одним из главных вопросов, который решает теория, – развитие навыка коммуникации с другими поколениями, улучшение восприятия и понимания между людьми разных возрастов. Согласно адаптированной теории население России и стран СНГ можно представить в виде поколений, рожденных в определенный период (в ходе исследования удалось определить, что диапазон появления поколений в России отличается от предложенного американскими учеными) (табл. 1).

Ключевой идеей в теории поколений становится определение «поколенческих» ценностей для каждого человека, которые формируются в детском возрасте до 10–12 лет. Ценности каждого поколения формируются под усредненными параметрами воздействия (воспитание, события вокруг, окружающий внешний мир, способы коммуникации) и реакциями на них представителей поколения, они «образуют ценностные ориентации личности, которые реализуют поведение личности» [7]. Сформированные в этих условиях ценности накладывают отпечаток на человека в течение всей жизни [6]. Ценности – это правила или руководящие принципы поведения людей, которые появляются до формирования мировоззрения. «Поколенческие» ценности после формирования перемещаются на подсознательный уровень и уже неосознанно влияют на поведение

человека. Ценности начинают формироваться под влиянием места проживания, воспитания в семье, технологий и способов коммуникаций. Например, поколение Z с младенчества осваивает новые цифровые технологии, интернет и умение работать с различными мультимедийными устройствами, что становится для них естественной средой жизни.

Важным индикатором потребительского поведения в цифровой реальности является использование интернета для совершения онлайн-покупок товаров и услуг. Согласно данным НИУ ВШЭ, доля онлайн-покупателей в целом по всем поколениям неуклонно возрастает: среди респондентов старше 14 лет эта доля увеличилась в 2003–2016 гг. с 12,6 до 42,1% пользователей интернета. Даже в старшем поколении к этой практике в 2016 г. прибегало 18% пользователей интернета (0,7% всех респондентов). В поколении беби-бумеров покупки в интернет-магазинах совершают уже порядка 30%. В поколении X скачок до 43%, а у миллениалов эта доля достигает 49% (45% всех респондентов) [8].

Каждое поколение отличается взглядами на жизнь, ценностями, особенностями восприятия и мышления, которые приобретаются с детского возраста, оказываясь под влиянием разных медиакommunikационных условий. Изменение ценностей неизбежно сказывается на стандартах потребления, причем это касается как потребления материальных благ, так и потребления информации. Возможности цифровой экономики позволяют транслировать определенные потребительские стандарты практически с нулевыми транзакционными издержками. Тип потребления, демонстрируемый инфлюенсерами в социальных сетях, становится полноценным маркетинговым инструментом.

Теория поколений сегодня часто используется на практике, так как является

действенной для построения коммуникации с людьми разных поколений. Кроме того, многие исследователи считают, что современную аудиторию невозможно объединить в одно целое, важно представить ее состав из поколений людей с расхожей философией восприятия информации.

Изучение потребительских установок поколения Y и Z показывает, что у этих двух поколений больше сходства, чем различий: изучают отзывы о товаре прежде, чем совершить покупку и сами пишут отзывы на товары, довольно часто совершают покупки в российских и иностранных онлайн-магазинах. Однако Y, возможно, в силу своего возраста более консервативны, предпочитая заранее планировать покупки, отдавая предпочтение брендам, которые много лет на рынке [9].

По данным Price water house Coopers, в 2018 г. 67% потребителей в мире совершали покупки в интернет-магазинах не менее одного раза в месяц. При этом товарами, которые покупали исключительно онлайн, стали книги, СМИ и видеоигры (13% данных товаров приобретается в интернете), а также 9% покупателей приобретают технику и электронику только в интернет-магазинах. Что касается прироста онлайн-продаж, то здесь наибольшие темпы демонстрирует покупка книг и различных видов развлечений – +3,8%, а также одежда и аксессуары – +3,0% [10]. «В целом, за 2018 год рост ежедневных онлайн-покупок составил 8%. В России пока не очень развита покупка продовольственных товаров онлайн – около 40% российских потребителей всех возрастных групп предпочитают приобретать продукты питания в магазинах «у дома». Потребители объясняют, что удерживает их от совершения онлайн-покупок продуктов желание увидеть и потрогать товар (67%), а также убедиться в его качестве (57%). Вместе с тем, в 2019 году 54% потребителей выразили готовность

совершать онлайн-покупки продовольственных товаров, если продавцы будут обладать надежной репутацией. Среди других ценностей онлайн-шопинга 70% российских покупателей называют привлекательные цены, быструю доставку и разнообразие ассортимента.

При этом, для представителей поколения Z важны привлекательные цены, удобный возврат товара и интересный контент покупки или магазина в соцсетях. Миллениалы в качестве значимых факторов называют удобную навигацию по сайту или мобильному приложению, уникальный ассортимент и сотрудников, готовых помочь. Беби-бумеры заинтересованы в скорости доставки, а также наличии товаров известных им брендов. Согласно исследованию Price water house Coopers, чаще всего в интернете совершают покупки зрелые миллениалы (возраст 32–36 лет): примерно 38% представителей данной возрастной группы совершают онлайн-покупки не реже одного раза в неделю. И более 80 % миллениалов в возрасте от 23 лет до 31 года совершают онлайн-покупки не реже одного раза в месяц [11].

Современная медиасреда образуется из множества информационных и развлекательных ресурсов. Массовый потребитель информации делает выбор в пользу конкретных медиаресурсов на основе собственных предпочтений, интересов и привычек, при этом игнорируя или вовсе не замечая другие. Производители медиапродуктов используют данную поведенческую особенность аудитории для более эффективного достижения финансовых и политических целей. Такие понятия, как «информационная война», «пропаганда», «фейковые новости» все чаще появляются в жизни социума и с каждым днем становятся все более актуальными из-за растущего медиапотребления. Все это стало основой для упрощения в управлении процессами медиавоздействия и

медиаманипулирования. Таким образом, совершенствование и развитие информационных технологий открывает для политических, экономических и социальных структур новые инструменты и рычаги воздействия на общество.

С каждым годом медиасреда оказывает все большее влияние на нашу жизнь, именно поэтому роль медиаобразования очень велика. Возраст аудитории, которая становится полноправным участником медиакommunikации, снижается ввиду доступности медийных носителей. Дети с раннего возраста активно пользуются мобильными телефонами, планшетами и компьютером, самостоятельно получают информацию и участвуют в коммуникативном процессе. Чтобы научить аудиторию ориентироваться в бесконечном потоке информации, важно внедрять медиаобразовательные программы на разных уровнях обучения в школах, колледжах, вузах и других профессиональных учебных заведениях. Это позволит развить способности аудитории с детского возраста к восприятию, идентификации, оценке и анализу медиаинформации. Вопрос о включении медиаобразования в программы школьных курсов уже активно обсуждается в разных странах. Долгое время лидерами в сфере медиаобразования в современном мире были такие страны, как Австралия, Англия и Канада. В России пока распространена «компьютерная» трактовка медиаобразования. Во время пандемии российские школы и вузы переходили на дистанционное обучение, это стало еще большим стимулом для создания и внедрения медиаобразовательных программ в учебных заведениях. Таким образом, главной задачей современной образовательной системы становится подготовка молодого поколения к освоению различных способов работы с информацией, умению давать ей оценку, анализировать события в социальной,

политической и экономической сферах жизни.

Информационное общество находится в постоянном развитии, меняет облик мировой культуры. Главным принципом, который характеризует современное общество, становится стремительное развитие информационно-коммуникативных технологий. В этих условиях масс-медиа формируют облик глобальной культуры и становятся способом конструирования новой социальной реальности.

Исследование поведения современных потребителей показало, что цифровая трансформация затрагивает представителей всех поколений, оказывая влияние на формирование и изменение их ценностей, совершаемые покупки и получаемую информацию. У поколения новых медиапотребителей определяется общая характерная черта – все они формируются в эпоху цифровых технологий и интернет-коммуникаций. Поколение людей, родившихся после 1994 года, вырастает и воспитывается в среде, где привычными составляющими повседневной жизни наряду с традиционными медиа становятся социальные сети, высокоскоростной интернет, мгновенный обмен информацией, беспроводные сети, планшеты, компьютеры. Традиционные способы познания мира, используемые представителями старших поколений, сменяются на оперативное и легкодоступное получение информации из гаджетов и мобильных приложений смартфонов. Эти факторы оказывают прямое воздействие на алгоритмы поведения новых поколений, особенности восприятия информации и культуру медиапотребления.

Ускорение темпов общественного развития накладывает отпечаток на медиапотребление и вносит коррективы в относительно статичный культурный код. Особенно это касается молодых людей, находящихся в поиске своей идентичности и ценностей. Медиапотребление является важным компонентом для

миропонимания школьников и студентов, а изучение особенностей формирования поколенческих ценностей способствует эффективной коммуникации между аудиториями разных возрастов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Медиапотребление «цифровой молодежи» в России: монография / под ред. Д.В. Дунаса. М.: МГУ, 2021. 406 с.
2. Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений: Необыкновенный Икс. 2-е изд. стер. М.: Синергия, 2017. 138 с.
3. Мифы о «поколении Z» / Н.В. Богачева, Е.В. Сивак. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 64 с.
4. Рапай К. Культурный код. Как мы живем, что покупаем и почему / пер с англ. М: Альпина Бизнес Букс, 2008. 67 с.
5. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company Inc., 1991.
6. The Generations Manifesto [Electronic resource]. <https://hbr.org/2009/07/today-in-capitalism-20-1>. Дата обращения 10.11.2022.
7. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методические проблемы социальной психологии. М., 1975.
8. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33.
9. Земскова Е.С. Шеринг как отражение ценностных ориентиров потребителя в цифровой экономике // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2019. № 3. С. 17–27.
10. Настало время сделать потребителя центром компании. Глобальное исследование потребительского поведения за 2019 год [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.ru/ru/retail-consumer/publications/gcis-2019-ru.pdf> (дата обращения 06.11.2022).
11. Земскова Е.С. Анализ поведения потребителей в цифровой экономике с позиции теории поколений [Электронный ресурс] // Вестник Евразийской науки, 2019 № 5. Режим доступа: <https://esj.today/PDF/32ECVN519.pdf> (дата обращения 27.10.2022).

REFERENCES:

1. Media consumption by “digital youth” in Russia: a monograph / ed. by D.V. Dunas. M.: Moscow University Press, 2021. 406 p.
2. Shamis E., Nikonov E. Theory of Generations: Extraordinary X. M.: Synergy, 2017. 138 p.
3. Myths about “Generation Z” / N.V. Bogacheva, E.V. Sivak; National Research University “Higher School of Economics”, Institute of Education (на русском этого нет). M.: NRU HSE, 2019. 64 p.
4. Rapay K. Cultural code. How we live, what we buy and why. Transl. from English. M: Alpina Business Books, 2008. 67 p.
5. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company Inc., 1991.
6. The Generations Manifesto [Electronic resource] // <https://hbr.org/2009/07/today-in-capitalism-20-1>. Дата обращения 10.11.2022
7. Yadov V.A. On the dispositional regulation of the social behavior of an individual // Methodological problems of social Psychology. M., 1975.

8. Radaev V.V. Millennials Against the Background of Previous Generations: An Empirical Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018. No. 3. P. 15–33.

9. Zemskova E.S. Sharing as a reflection of a consumer's value orientations in the digital economy. *Scientific journal of SRI ITMO. Series: Economics and environmental management*. 2019. No. 3. P. 17–27.

10. It's time to make a customer the center of a company. Global study of consumer behavior for 2019 // [Electronic resource]. Official website URL <https://www.pwc.ru/ru/retail-consumer/publications/gcis-2019-ru.pdf> (accessed 06.11.2022).

11. Zemskova E.S. Analysis of consumer behavior in the digital economy from the position of the theory of generations [Electronic resource] // *Bulletin of Eurasian Science*, 2019 No. 5, <https://esj.today/PDF/32ECVN519.pdf> Article URL: <https://esj.today/PDF/32ECVN519.pdf> (accessed 27.10.2022).

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-174-180>
УДК 614.1:378-057.875

Ретивина В. В.

ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

*Ретивина Вероника Викторовна,
старший преподаватель кафедры мировой экономики и информатики
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова», Нижний Новгород, Россия
e-mail: retivina@mail.ru
тел.: +7 (910) 792 96 77*

Аннотация

В последние годы в России наблюдается негативная тенденция к ухудшению состояния здоровья подрастающего поколения, что связано не только с воздействием внешних факторов, но и с отсутствием широкой пропаганды ценностей здорового образа жизни в нашем обществе, а также с несформированностью навыков поддержания и укрепления собственного здоровья у молодого поколения. В статье приводятся данные авторского социологического исследования, проведенного среди студентов нижегородских вузов в декабре 2021 г. и посвященного изучению гендерных особенностей отношения современной студенческой молодежи к проблеме сохранения своего здоровья и к здоровому образу жизни. Рассматриваются различия в оценках значимости факторов, влияющих на здоровье, а также в поведенческих практиках здоровьесбережения у юношей и девушек. На обширном эмпирическом материале проиллюстрирована противоречивость между общими представлениями молодого поколения о важности поддержания и укрепления здоровья и реальным поведением. Показано, что и в теоретических оценках, и в практической деятельности девушки более склонны к «пассивным» формам и методам заботы о здоровье, в то время как для юношей более предпочтительными являются меры «активного» характера.

Ключевые слова: молодежь, студенты, гендерные особенности, здоровье, здоровый образ жизни, сохранение здоровья, здоровьесбережение

Для цитирования: Ретивина В.В. Отношение современных студентов к проблеме сохранения здоровья: гендерный аспект // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Том 14, № 4. С. 174-180. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-174-180>.

Retivina V.V.

THE ATTITUDE OF MODERN STUDENTS TO THE PROBLEM OF HEALTH PRESERVATION: A GENDER ASPECT

Retivina Veronika Victorovna,

a senior lecturer of the Department of World Economy and Informatics of FSBEI HE «Linguistic University of Nizhny Novgorod», Nizhny Novgorod, Russia

e-mail: retivina@mail.ru,

tel.: +7 (910) 792 96 77

Abstract

In recent years in Russia there has been a negative trend towards a deterioration in the health of the younger generation, which is associated not only with the influence of external factors, but also with the lack of widespread promotion of the values of a healthy lifestyle in our society, as well as with the undeveloped skills of maintaining and strengthening their own health among young people. The article presents the data of the author's sociological study conducted among students of Nizhny Novgorod universities in December 2021 and devoted to the study of the gender characteristics of the attitude of modern student youth to the problem of health preservation and healthy lifestyle. Differences in assessments of the significance of factors influencing health, as well as in the behavioral practices of health preservation among boys and girls have been considered. The extensive empirical material illustrates the inconsistency between the general ideas of the younger generation about the importance of maintaining health and real behavior. It has been shown that both in theoretical assessments and in practice, girls are more inclined to "passive" forms and methods of health care, while for boys "active" methods are more preferable.

Keywords: youth, students, gender characteristics, health, healthy lifestyle, maintaining health, health saving

For citation: Retivina V.V. The attitude of modern students to the problem of health preservation: a gender aspect // Vestnik Majkopskogo gosudarstvenno-gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2022. Volume 14, No. 4. P. 174-180. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-174-180>.

Студенческая молодежь всегда находится в фокусе внимания научного сообщества как основная ресурсная группа, резерв нации. Одним из ключевых вопросов, вызывающих интерес исследователей, является проблема здоровья молодого поколения. С ним напрямую связано социально-экономическое благополучие страны через несколько десятилетий и развитие нации в целом. К сожалению, в последнее время в России наблюдается негативная тенденция к ухудшению как физического, так и психического состояния здоровья подрастающего поколения. Данные социологических исследований показывают, что уровень общей заболеваемости среди студенческой молодежи неуклонно растет, количество лиц, страдающих различными хроническими патологиями, по разным

источникам, достигает 55% всего студенческого контингента [5; 7].

В первую очередь ослабление здоровья молодого поколения связано с особенностями образа жизни в современных условиях, воздействием различных внешних неблагоприятных факторов. Однако не менее важной причиной этого процесса является распространение негативных поведенческих привычек, вызывающих отрицательные сдвиги в состоянии здоровья: неправильное питание, отсутствие грамотно организованного режима дня, недостаточная двигательная активность, курение, злоупотребление алкоголем, прием седативных и психотропных препаратов и т.д. [3; 9]. Исследователи обращают внимание на то, что российская молодежь имеет довольно примитивные представления о здоровом образе жизни, зачастую понимая под ним только отказ

от вредных привычек и занятие спортом, в то время как это понятие является глубоким, комплексным, охватывающим все сферы жизни [2; 4].

Систематический мониторинг отношения современных студентов к здоровью как к ценности, выяснение уровня информированности молодого поколения о способах и методах поддержания и укрепления ресурсов своего организма позволяют определить подходы к воспитанию у студенческой молодежи культуры здоровьесберегающего поведения, разработать новые механизмы формирования у нее ценностных установок на ведение здорового образа жизни. Отечественные социологи сходятся во мнении, что ценность здоровья занимает одно из ведущих мест в иерархии жизненных ценностей молодого поколения. Однако в настоящий момент наблюдается явное противоречие между тем, что декларирует молодежь, и тем, как она на практике относится к своему здоровью. Имеет место несоответствие между признанием ценности и важности хорошего здоровья, с одной стороны, и усилиями, направляемыми на сохранение и укрепление своего здоровья, с другой [1; 6].

Популяризация здорового образа жизни в молодежной среде, формирование навыков заботы о своем здоровье у молодого поколения являются одной из важных задач социальной политики. Необходимо разработка и внедрение целого комплекса мер, направленных не только на обозначение ценностных ориентиров для молодежи в сфере поддержания и укрепления собственного здоровья, но и на формирование у подрастающего поколения организационно-деятельностных навыков здоровьесберегания [8]. Эта работа будет более эффективной, если учитывать гендерные особенности представлений и практической деятельности молодых россиян в вопросах соблюдения норм и правил здорового образа жизни. Юноши и девушки по-разному

оценивают состояние своего здоровья и придерживаются разных способов его сохранения и приумножения. Целью данной работы является изучение гендерных различий в отношении к здоровью у студенческой молодежи.

Выяснение отношения современной студенческой молодежи к проблемам сохранения здоровья лежит в основе авторского социологического исследования, проведенного в декабре 2021 года среди студентов вузов г. Нижнего Новгорода в количестве 956 человек, юношей (42,8%) и девушек (57,2%) в возрасте от 18 до 24 лет. Инструментарий включал в себя широкий круг вопросов, связанных с определением представлений учащейся молодежи о здоровом образе жизни и выявлением особенностей установок студентов на практическую деятельность в этой области. Опрос проводился методом анкетирования с последующим анализом данных в программе SPSS.

Данные исследования показывают, что юноши более оптимистичны в оценке состояния своего здоровья по сравнению с девушками: 40,0% юношей и 36,7% девушек оценивают состояние своего здоровья как «хорошее»; 48,6% юношей и 49,8% девушек – как «удовлетворительное»; 2,9% юношей и 7,8% девушек – как «плохое»; 8,5% юношей и 5,7% девушек затруднились с ответом.

Респонденты должны были оценить по 5-балльной шкале (от «абсолютно не важно» до «очень важно») значимость факторов, способных, по их мнению, оказывать поддерживающее воздействие на состояние здоровья. Полученные ответы показали более высокую важность для девушек, чем для юношей, факторов «пассивного» характера. Так, 93,1% девушек и только 29,8% юношей назвали «соблюдение личной гигиены» необходимым условием для поддержания своего здоровья. Для девушек, по сравнению с юношами, большую значимость имеют «положительные эмоции» (91%

против 85,7%), «лечение у хороших врачей» (83,5% девушек и 68,2% юношей), «благоприятные экологические условия» (78,1% и 70,4% соответственно), «соблюдение правил безопасного поведения» (77,9% и 70,1%).

Юноши, по сравнению с девушками, намного выше оценили в качестве важных условий сохранения здоровья «регулярные занятия спортом» (79,8% против 57,6% у девушек), «выполнение правил здорового образа жизни» (78,4% против 70,6%), «правильное питание» (77,8% и 69,6 % соответственно), «регулярное прохождение медицинских осмотров» (77,5% и 71,4%). Таким образом, юноши демонстрируют большую значимость для них факторов «активного» характера.

Результаты исследования показали, что в практической деятельности юноши также более склонны к «активным» методам сохранения и укрепления здоровья и поддержки физической формы, а девушки – к «пассивным». Это обнаружилось, в частности, в ответах на вопрос о применяемых респондентами способах

заботы о своем здоровье. Так, подавляющее большинство представительниц «слабого пола» (93,1%) и только 74,7% юношей заявили о том, что своевременно обращаются к врачам при проявлении первых признаков заболеваний (см. табл. 1). 81,2% девушек прилагают усилия к тому, чтобы владеть актуальной информацией о болезнях, способах защиты от них, методах укрепления иммунитета. Среди юношей такую позицию разделяет лишь 76,6%. Пребывание на свежем воздухе указали в числе предпринимаемых мер 66,1% девушек и 52,7% молодых людей, полноценный сон и отдых – 64,8% и 51,2% соответственно. Прием витаминов и биодобавок в качестве метода поддержания и укрепления здоровья также более популярен у девушек (52,1%), чем у юношей (24,7%). В свою очередь, юноши значительно чаще практикуют активные способы отдыха (76,7% против 56,4% у девушек), посещение спортивных секций, бассейнов, физкультурно-оздоровительных комплексов (75,8% против 60,3%), правильное питание (71,9% против

Таблица 1

Практикуемые респондентами способы заботы о своем здоровье, %

Варианты	юноши	девушки
Правильное питание	71,9	62,6
Посещение бассейна, тренажерных залов, спортивных секций	75,8	60,3
Активные способы отдыха	76,7	56,4
Выполнение утренней зарядки	84,3	84,7
Закаливание	14,1	22,9
Пребывание на свежем воздухе	52,7	66,1
Полноценный сон и отдых	51,2	64,8
Своевременное обращение к врачам при появлении признаков заболеваний	74,7	93,1
Вакцинация	27,1	25,7
Соблюдение режима дня	80,6	89,2
Избегание физического переутомления	68,9	81,4
Избегание нервно-психического переутомления	79,8	86,5
Прием витаминов и биодобавок	52,1	24,7
Знакомство с информацией о болезнях и о способах сохранения здоровья	78,6	81,2

62,6%) и закаливание (22,9% и 14,1% соответственно). Девушки по сравнению с юношами более требовательны к соблюдению режима дня (89,2% против 80,6% у юношей); в большей степени стараются избегать нервно-психического (86,5% и 79,8% соответственно) и физического переутомления (81,4% против 68,4%).

На вопрос: «Занимаетесь ли вы регулярно физической культурой и спортом?» утвердительно ответило 68,6% юношей и 53,9% девушек. Причем юноши выразили большую удовлетворенность этим процессом и его результатами по сравнению с девушками: 44,3% юношей и 31,4% девушек, отвечая на вопрос анкеты: «Удовлетворены ли вы своими занятиями физической культурой и спортом?», отметили, что удовлетворены «полностью»; 28,6% юношей и 35,3% девушек – «частично»; 11,4% юношей и 22,6% девушек – «не удовлетворены»; 15,7% юношей и 10,7% девушек затруднились с ответом на данный вопрос. Интересно отметить, что в детстве респонденты уделяли занятиям физической культурой значительно больше внимания и времени. Причем юноши по сравнению с девушками опять же проявляли большую активность в посещении спортивных кружков и секций (81,4% – юноши и 74,7% – девушки).

В повседневной жизни девушкам также свойственна меньшая степень физической активности, чем у юношей. Так, ежедневно проходят пешком более пяти километров 53,3% юношей и только 34,7% девушек; от трех до пяти километров – 35,9% юношей и 44,9% девушек; от одного до трех километров в день – 7,1% юношей и 16,3% девушек. Остальные респонденты честно признались, что ежедневно проходят пешком менее километра (3,7% юношей и 4,1% девушек).

Нежелание подниматься пешком по лестнице, если в доме имеется лифт, высказали 22% девушек и 21,4% юношей. Иногда поднимаются пешком, не пользуясь лифтом, 32% девушек и 23,1%

юношей; часто поднимаются по лестнице 30,1% девушек и 34% юношей; не пользуются лифтом и всегда поднимаются пешком 15,9% девушек и 21,5% юношей.

Таким образом, мы видим, что юноши проявляют в повседневной жизни большую двигательную активность по сравнению с девушками.

Выяснение отношения молодежи к вредным привычкам было одной из важных задач исследования. 68,6% девушек и 61,4% юношей согласились с тем, что в целях заботы о своем здоровье нужно избегать употребления спиртных напитков. 85,3% девушек и 84,3% юношей отметили необходимость отказа от курения. Однако при этом на вопрос: «Курите ли вы?», утвердительно ответили 24,3% юношей и 18,3% девушек. Употребление алкоголя подтвердили 69,9% юношей и 63,3% девушек. Утвердительные ответы на вопрос «Пробовали ли вы наркотики?» дали 10,0% юношей и 3,1% девушек. Это иллюстрирует более высокую склонность юношей к выбору рискованных форм поведения.

Гендерные различия также ярко проявились в выявлении причин, мешающих респондентам вести деятельность по поддержке и укреплению собственного здоровья. Так, 27,1% юношей и только 9,8% девушек выразили явную гедонистическую позицию, указав, что не желают ни в чем себя ограничивать. Девушкам (26,1%) чаще, чем юношам (15,7%) не хватает силы воли для соблюдения норм и правил здорового образа жизни. На отсутствие необходимых условий для занятий спортом и реализации других мер, направленных на поддержание здоровья, указали 11,9% юношей и 18,9% девушек, т.е. первые проявили меньшую требовательность к внешним условиям по сравнению с представительницами «слабого пола».

Проведенное автором исследование обнаружило некоторую противоречивость во взглядах респондентов. С одной

стороны, молодые люди осознают необходимость и важность заботы о собственном здоровье, а с другой стороны, значительная часть юношей и девушек либо демонстрирует нежелание что-либо предпринимать для этого, либо выбирает наименее энергозатратные методы. Это связано, по мнению автора, не только с пассивным, потребительским отношением молодежи к ресурсам своего организма, но и с отсутствием широкой пропаганды ценностей здорового образа жизни в нашем обществе, а также с несформированностью навыков поддержания и укрепления собственного здоровья у молодого поколения.

В контексте гендерного анализа полученные автором данные показывают, что для девушек более предпочтительными по сравнению с юношами являются

«пассивные» формы и методы заботы о здоровье. Для юношей более важны меры «активного» характера, что и проявляется в их повседневной деятельности. Однако юноши в то же время более склонны к вредным пристрастиям и к выбору рискованных форм поведения.

Понимание отношения молодежи к собственному здоровью и к культуре здорового образа жизни, а также его гендерных особенностей дает широкие возможности и перспективы для разработки мероприятий по пропаганде ценностей здоровья среди молодого поколения и создания эффективных программ в сфере молодежной социальной политики. Сохранение и укрепление здоровья молодежи должно стать одним из ключевых вопросов в системе приоритетов нашего общества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барабаш В.Г., Литош Н.Л. Отношение студентов к своему здоровью и здоровому образу жизни // Современные вопросы биомедицины. 2022. Т. 6, № 3 (20).
2. Бобровский И.Н., Варфоломеева Т.В. Ценностное отношение к здоровью студентов медицинского вуза // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 12–2 (102). С. 113–117.
3. Гареева И.А., Соболевская Т.В. Роль социальных барьеров в формировании стратегий поведения в отношении здоровья у студентов // Материалы секционных заседаний LVI Студенческой научно-практической конференции ТОГУ: в 2-х т. Т. 2. Хабаровск: ТОГУ, 2016. С. 127–130.
4. Гареева И.А., Конобейская А.В. Здоровый образ жизни студенческой молодежи как социальная ценность и реальная практика (по материалам социологического исследования) // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4 (93). С. 178–190.
5. Демкина Е.П. Формирование здорового образа жизни студентов: как не упустить главного? // Высшее образование в России. 2016. № 5 (201). С. 50–55.
6. Егорова М.В., Щукина Н.П. Отношение студентов медицинских вузов к здоровому образу жизни // Молодежный инновационный вестник. 2018. Т. 7, № 2. С. 52–54.
7. Журавлева И.В. Здоровье молодежи: возможно ли его улучшить? // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 15 / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 419–436.
8. Кутепов М.М., Кутепова Л.И., Агеев С.Л. Здоровый образ жизни в молодежном сознании: социологический аспект // Primo Aspectu. 2022. № 2 (50). С. 17–22.
9. Федорищева Е.К. Комплексная оценка здоровьесберегающего поведения студентов медицинских специальностей и направления его оптимизации // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 3 (88). С. 97–116.

REFERENCES:

1. Barabash V.G., Litosh N.L. Students' attitude to their health and healthy lifestyle // Modern issues of biomedicine. 2022. V. 6, No. 3 (20).

2. Bobrovsky I.N., Varfolomeeva T.V. Value attitude to the health of students of a medical university // *International Research Journal*. 2020. No. 12–2 (102). P. 113–117.
3. Gareeva I.A., Sobolevskaya T.V. The role of social barriers in the formation of health behavior strategies among students // *Materials of sectional meetings of the 56th student scientific and practical conference of the TOSU: in 2 vols. V. 2*. Khabarovsk: Publishing House of TOSU, 2016, P. 127–130.
4. Gareeva I.A., Konobeyskaya A.V. Healthy lifestyle of student youth as a social value and real practice (based on sociological research) // *Authorities and management in the East of Russia*. 2020. No. 4 (93). P. 178–190.
5. Demkina E.P. Formation of a healthy lifestyle of students: how not to miss the main thing? // *Higher education in Russia*. 2016. No. 5 (201). P. 50–55.
6. Egorova M.V., Shchukina N.P. The attitude of students of medical universities to a healthy lifestyle // *Youth Innovation Bulletin*. 2018. V. 7. No. 2. P. 52–54.
7. Zhuravleva I.V. Youth health: is it possible to improve it? // *Russia in reforms: a yearbook: issue 15* / Ed. by M.K. Gorshkov. M.: New Chronograph, 2017. P. 419–436.
8. Kutepov M.M., Kutepova L.I., Ageev S.L. A healthy lifestyle in youth consciousness: a sociological aspect // *Primo Aspectu*. 2022. No. 2 (50). P. 17–22.
9. Fedorishcheva E.K. Comprehensive assessment of health-saving behavior of students of medical specialties and directions for its optimization // *Authorities and management in the East of Russia*. 2019. No. 3 (88). P. 97–116.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-181-190>
УДК 745/749:316.3

Сиюхова А.М., Базалина Е.Н., Кубова А.А.

ХЕНДМЕЙД КАК РЕСУРС СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Сиюхова Аминет Магаметовна,

доктор культурологии, доцент, профессор кафедры философии, социологии и педагогики ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», Майкоп, Россия

e-mail: aminsi@mail.ru

тел.: +7 (906) 438 72 49

Базалина Елена Николаевна,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», Майкоп, Россия

e-mail: bazalina@gmail.com

тел.: +7 (905) 477 72 62

Кубова Анжела Аскеровна,

старший научный сотрудник управления научной деятельностью ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», Майкоп, Россия

e-mail: kubova_aa@mail.ru

тел.: +7 (909) 470 06 40

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о хендмейде – форме индивидуального ручного труда по созданию оригинальных прикладных либо художественных изделий как ресурсе социокультурной жизни современного общества. Актуальность темы определяется необходимостью личности иметь способы проявлять свою уникальность в условиях тотальной массовизации производства и социальных взаимодействий. На основе результатов социологического опроса выясняются деятельностные, мотивационные, психологические, экономические и коммуникационные аспекты хендмейда. Основными выводами исследования являются положения: наиболее ярко проявляются возможности рукодельного труда в утилитарно-прикладной и художественно-эстетической сферах деятельности; хендмейд является значимым элементом для большого числа людей в организации позитивного коммуникационного пространства; в условиях массового общества рукоделие является способом конструирования и репрезентации личностной идентичности. Наиболее значимой функцией хендмейда является функция смены вида деятельности с целью предотвращения эмоционального выгорания в условиях концентрированных потоков информации и стремительного темпа производственно-экономической жизни.

Ключевые слова: хендмейд, массовое общество, унификация, идентичность, досуг, социокультурный ресурс

Для цитирования: Сиюхова А.М., Базалина Е.Н., Кубова А.А. Хендмейд как ресурс социокультурного развития современного общества // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Том 14, № 4. С. 181-190. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-181-190>.

Siyukhova A.M., Bazalina E.N., Kubova A.A.

HANDMADE AS A RESOURCE OF SOCIAL AND CULTURAL DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY

Siyukhova Aminet Magametovna,

Doctor of Cultural Studies, an associate professor, a professor of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy of FSBEI HE "Maikop State Technological University", Maikop, Russia

e-mail: aminsi@mail.ru

tel.: +7 (906) 438 72 49

Bazalina Elena Nikolaevna,

Candidate of Philology, an associate professor, an assistant professor of the Department of Foreign Languages of FSBEI HE "Maikop State Technological University", Maikop, Russia

e-mail: bazalina@gmail.com

tel.: +7 (905) 477 72 62

Kubova Angela Askerovna,

A senior researcher of the Scientific Activities Department of FSBEI HE "Maikop State Technological University", Maikop, Russia

e-mail: kubova_aa@mail.ru

tel.: +7 (909) 470 06 40

Abstract

The article deals with the issue of handmade – a form of individual manual labor to create original applied or artistic products – as a resource of the social and cultural life of modern society. The relevance of the research is determined by the need for a person to have ways to show their uniqueness in the conditions of total mass production and social interactions. Based on the results of a sociological survey, the activity, motivational, psychological, economic and communication aspects of handmade have been clarified. The main conclusions of the research are the following: the possibilities of handicraft work in the utilitarian-applied and artistic-aesthetic fields of activity are most clearly manifested; handmade is a significant element for a large number of people in the organization of a positive communication space; in a mass society, needlework is a way of constructing and representing personal identity. The most significant function of handmade is the function of changing the type of activity in order to prevent emotional burnout in the conditions of concentrated information flows and the rapid pace of production and economic life.

Keywords: handmade, mass society, unification, identity, leisure, sociocultural resource

For citation: Siyukhova A.M., Bazalina E.N., Kubova A.A. Handmade as a resource of social and cultural development of modern society // Vestnik Majkopskogo

gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2022. Volume 14, No. 4. P. 181-190. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-181-190>.

XXI век в большинстве стран мира ознаменовался наступлением эпохи массовизации в экономике, производстве и культуре. Единообразие способов реализации профессиональных, бытовых, коммуникационных устремлений превращает поток жизни многих людей, особенно в городах, в рутину с повторениями одних и тех же действий, манипуляций однотипными предметами, крайней формализованностью отношений. Массовое общество, тем не менее, состоит из индивидов, наделенных особыми характеристиками психики (темпераментом, характером), внешности, способностей, которые в системе массового производства и потребления не могут эффективно и адекватно выражаться. У личности, помимо существования в сфере занятости (офис, учеба, цех и пр.), остается время, когда она может разными средствами проявить свою идентичность. Одним из способов это сделать может служить «хендмейд» – занятие различными видами рукоделия.

Социокультурные аспекты хендмейда в научной литературе не получили широкого освещения. Однако существует несколько работ, раскрывающих сущность этого явления и его функциональность по отношению к личности и обществу. Часть из них посвящена роли практик рукоделия в творческом развитии детей в процессе образовательной деятельности в школе. Например, автор О.Б. Пирожкова озвучивает мысль о том, что обучение хендмейду на уроках технологии в средней школе максимально способствует развитию у учеников творческих способностей и творческого потенциала, который может впоследствии раскрываться в иных сферах деятельности [1]. Другая часть исследований касается экономического аспекта рукоделия, т.е. превращения данного вида деятельности

в прибыльное производство. Исследователь Н.В. Красноставская рассматривает проблему продвижения товаров хэндмейд-индустрии на платформах интернета [2; 3]. При этом основным предметом продвижения автор мыслит прежде всего производство и продажу материалов и инструментов для рукоделия, а не сами результаты рукоделия.

Хендмейд, являясь специфической формой индивидуальной творческой деятельности, рассматривается современными исследователями также в культурологическом дискурсе. Исследователь И.А. Антонова считает, что рукоделие в эпоху постмодерна является способом поиска гармонии внутреннего мира человека с внешним окружающим миром, наполненным сплошь предметами серийного производства. Типовые интерьеры и унифицированный дресс-код не способны создавать уют, который человеку ментально необходим. Повседневное использование предметов ручного производства в жилище либо в костюме дают возможность человеку конструировать и репрезентировать свою идентичность и уникальность. Автор тонко замечает, что занимаясь ручной работой, человек получает возможность упрочить в неустойчивом мире свое бытие в материальных вещах, ощутить незыблемость почвы под ногами [4].

Е.А. Мирненко и И.Л. Яковлева в своей статье упоминают о том, что рукоделие может быть формой индивидуальной занятости в системе малого бизнеса, однако, прежде всего, это способ организации досуга – времени, связанного с отдыхом, а не с возможностью заработать или сэкономить [5]. Материал статьи построен на основе проведенного в Краснодаре в 2017 г. социологического исследования, в котором выяснялись следующие вопросы: отношение

Таблица 1

Состав выборки (в %)

Возраст	От 17 до 25 лет	От 26 до 50 лет		От 51 года и старше
	39,2	37,2		23,5
Пол	Мужчины		Женщины	
	21,6		78,4	

к повышению популярности создания каких-либо вещей своими руками (для себя или на продажу); зависимость возможности заниматься рукоделием от наличия свободного времени; способность хэндмейда отвлекать от текущих проблем и повседневной работы; возможность преодолевать стандартизированность в одежде, интерьере и пр.; уровень внешнего интереса к поделкам хэндмейд-автора; излюбленные материалы для хэндмейда; эмоции, возникающие при занятиях рукоделием; каналы распространения информации о технологиях и самих изделиях и пр. Некоторые из представленных вопросов мы также использовали для социологического опроса, проведенного в г. Майкопе в 2022 г. Временной отрезок в 5 лет, в который вклинилась пандемия COVID-19, а также достаточная близость населенных пунктов проведения опросов могут позволить сделать сравнения и выявить динамику изменения отношения населения к практикам хэндмейда.

Во всех научных публикациях, посвященных рукоделию, прямо или косвенно утверждается, что хэндмейд является важным ресурсом общественного и личностного бытия в современную эпоху. В нашем исследовании мы поставили цель выяснить, насколько данный ресурс сегодня востребован в обществе. Для этого мы провели социологический опрос в форме анкетирования. Опросный лист содержал 13 вопросов, 3 из которых касались личных данных респондентов для возможности шкалирования результатов. В опросе приняло участие 102 человека, которые были разделены на группы по

возрасту и полу (см. таблицу 1). Также информаторы были дифференцированы по признаку семейного воспитания в раннем детстве, т.к. именно в семье по большей части передается опыт рукоделия: в простой нуклеарной семье воспитывались 51%, в расширенной семье вместе с бабушкой/дедушкой – 29,4%, в неполной семье – 13,6%, воспитывались у бабушки с дедушкой – 6%.

В вопросах анкеты затрагивались деятельностные, мотивационные, психологические, экономические и коммуникационные аспекты.

Из ответов на первый вопрос выяснилось, что рукоделием в разной степени интенсивности занимаются около 55% респондентов. Остальные 45% никогда не занимались подобной деятельностью (рис. 1). Заметим, что в 2017 г. в Краснодаре не занимающихся хэндмейдом было всего 23% [5, с. 5]. В отдельном вопросе нашего исследования было выяснено, что в родительской семье 23% респондентов также не занимались никакими видами рукоделия (вопрос № 5). Можно предположить, что такой показатель является некоей нормой для некризисных периодов социальной жизни современных обществ.

Диаграмма показывает достаточно широкий спектр форм рукодельных практик, среди которых на приоритетных местах стоят шитье и вязание одежды, бисероплетение и скрапбукинг. Изготовление одежды можно условно отнести к утилитарно-прикладным видам хэндмейда, а бисероплетение и скрапбукинг в большей мере характеризуются как художественно-эстетические практики.

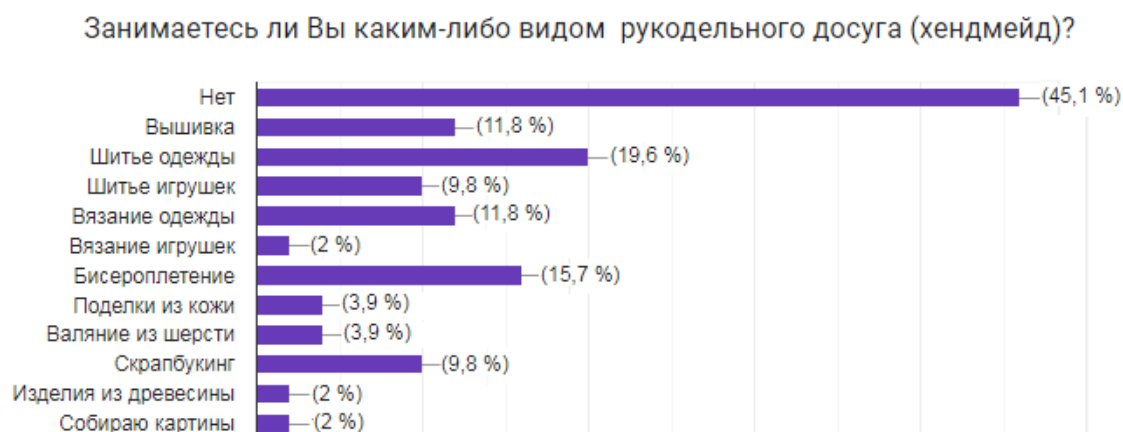

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос № 1
(при возможности выбора нескольких вариантов ответов)

Второй вопрос выяснял периодичность занятий хендмейдом (рис. 2). Большая часть респондентов, входящих в число любителей рукоделия, занимаются им достаточно часто – 5–10 раз в год (23,5%), часто – каждый месяц (15,7%), и очень

часто – каждую неделю (7,8%). Это может свидетельствовать о чрезвычайной важности для них творческой деятельности, что может рассматриваться подтверждением высокой развитости их духовного начала и мотивированностью на труд.

Как часто Вы занимаетесь досуговым рукоделием?

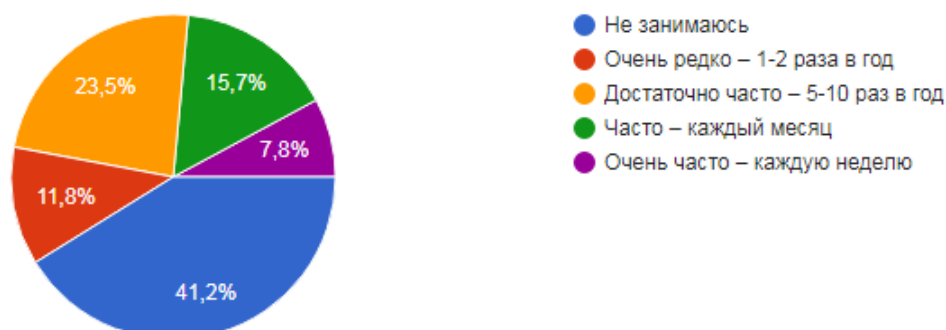

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос № 2

Следующий (третий вопрос) о цели занятий хендмейдом подтвердил данные, полученные косвенным путем из первого вопроса: главными стимулами для рукоделия являются эстетические (37,3%) и утилитарно-практические (35,3%) мотивации, а рекреативные потребности занять свободное время и отвлечься от основной работы (15,7 и 19,6%), хоть и весьма актуальны, однако уступают по значимости первым (рис. 3).

Деятельностный характер хендмейда и его направленность на удовлетворение эстетических и утилитарных потребностей обуславливает проявление специфических психологических состояний во время занятий им. Авторы исследования по праву могут быть отнесены к экспертам в данной области, т.к. сами имеют длительный опыт рукодельной практики, вследствие чего в анкете были перечислены все возможные эмоции,

С какой целью Вы занимаетесь рукоделием?

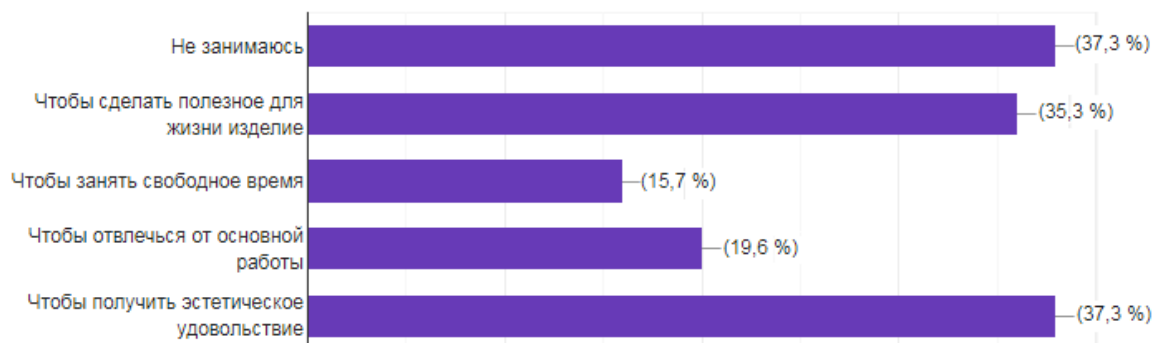

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос № 3
(при возможности выбора нескольких вариантов ответов)

сопровождая процесс изготовления вещи ручным способом (4 вопрос анкеты). Так, чувство радости испытывают 27,5% респондентов, покоя – 37,3%, умиротворения – 35,3%, нервозности – 2%, азарта – 13,7%. Как видим, большая часть испытываемых эмоций во время рукоделия – это позитивные состояния, которые способствуют повышению устойчивости психики ко всевозможным стрессам и нагрузкам, пополнению жизненной энергии индивида.

Следующий вопрос выяснял, что может мешать занятию рукоделием (рис. 4). Как видно на диаграмме, главной помехой является экзистенциальный фактор недостатка свободного времени (64%).

В меньшей степени мешающими занятиям хендмейдом являются экономические факторы: дороговизна материалов и инструментов – 25,5%, дефицит необходимых материалов – 11,8%, нет подходящего места для работы – 3,9%. Показательно то, что в перечне ответов на данный вопрос был указан вариант «не занимаюсь», номинал которого значительно отличается от результатов первого вопроса анкеты: в первом вопросе ответили «нет» 45,1% респондентов, в пятом – 31,4%. На наш взгляд, это иллюстрирует тот факт, что анкетированные, входящие в разницу данных величин, (13,7%) могут при благоприятном стечении обстоятельств войти в число хендмейдеров.

Что может препятствовать занятию рукоделием для Вас?

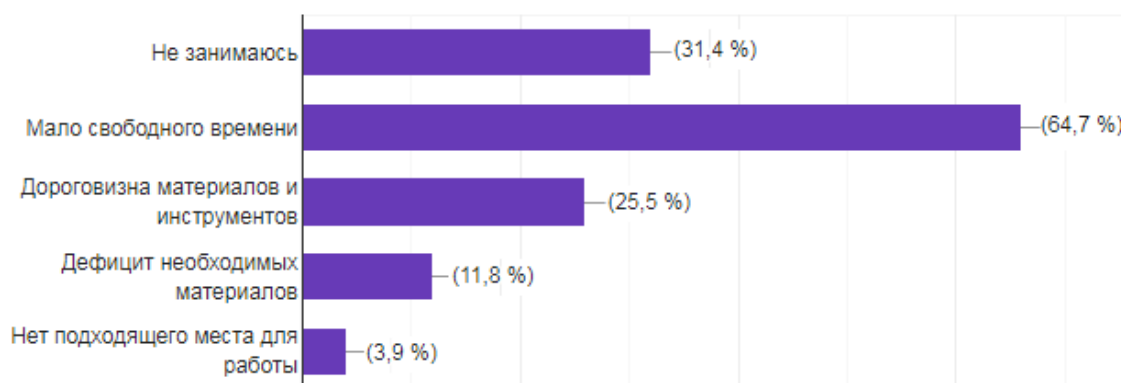

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос № 6
(при возможности выбора нескольких вариантов ответов)

В задачи исследования входило выяснение некоторых коммуникационных аспектов хендмейда. Был задан вопрос о том, как относятся друзья и близкие респондентов к их увлечению (вопрос № 7). Были получены следующие результаты: одобрительно – 47,1%, равнодушно – 13,7%, неодобрительно – 2%. Остальные респонденты указали, что они не занимаются рукоделием (37,3%). Как видим, более половины опрошенных, включенных в практики хендмейда, получают положительный отклик на свою деятельность, что может позитивно влиять на формируемое коммуникационное пространство индивида и его окружение. Только 2% респондентов (женщины в возрасте 26–50 лет) получают отрицательную обратную связь по поводу своей досуговой рукодельной практики. По другим вопросам эти респондентки указывают, что они не занимаются хендмейдом, что такие занятия вызывают ощущение нервозности, вследствие чего можно предположить, что им просто не разрешают авторитетные члены семьи тратить время на рукоделие. Не углубляясь в психологию семейных отношений, можно утверждать, что в подобной ситуации

возникает нереализованность творческого потенциала личности, что для нее является фактором стрессогенности семейной жизни.

Следующие два вопроса (восьмой и девятый) были направлены на выяснение значимости хендмейда в процессах коммуникации непосредственно для самих изготовителей предметов рукоделия (рис. 5).

Ответы на заданные вопросы показывают, что хендмейд может быть значимым фактором общения (37,3% отметили, что они с удовольствием показывают близким результаты своего труда, для 11,8% очень важно, чтобы вещь им понравилась), а может и не входить в сферу коммуникации, если, например, среди знакомых нет настоящих ценителей рукоделия. Так, для 13,7% респондентов не важно, понравится или нет другим их изделие. Эти данные также косвенно подтверждают полифункциональность хендмейда, имеющего как утилитарно-прикладные, так и художественно-эстетические характеристики. Нам было важно узнать, как сами респонденты осмысливают функциональный потенциал рукоделия, на что был направлен 10 вопрос (таблица 2).

Доставляет ли Вам удовольствие демонстрация результатов Вашего труда другим?

Важно ли для Вас, чтобы сделанная Вами вещь понравилась Вашим друзьям и близким?

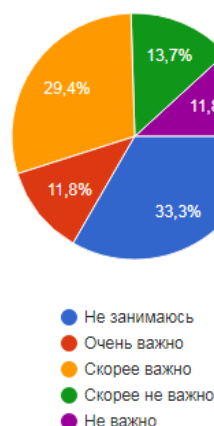

Рис. 5. Распределение ответов на вопросы №№ 8, 9

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, какую функцию сегодня в условиях массовой культуры выполняет рукоделие?» (в %)
(при возможности выбора нескольких вариантов ответов)

Вариант ответа	Значение
Позволяет отличаться от массы	25,5
Позволяет иметь приватное пространство для реализации индивидуальных интересов	37,3
Позволяет получить энергетическую подпитку от творческой деятельности	43,1
Дает возможность отвлечься от повседневной суеты	52,9
Никаких функций оно не выполняет – это бесполезная трата времени	9,8

Из данных таблицы 2 мы видим, что наиболее значимой функцией хендмейда для опрашиваемых является получение возможности отвлечься от повседневной суеты (52,9%). Это подтверждает факт давления массовизации и формализации в сфере профессиональной и повседневной жизни большинства социума, из-под которого необходимо периодически выходить для профилактики эмоционального выгорания. На это работает и организация хейдмейдером собственного, принадлежащего только ему, обустройстваемого им по своему желанию пространства. Наличие такого пространства обеспечивает личности ощущение защищенности, стабильности и самозначимости. Это подтверждают и 25,5% участников опроса, говоря о желании отличаться от массы. Мы выяснили данные, полученные от 9,8% респондентов, которые считают, что хендмейд никаких функций не выполняет, что это бесполезная трата времени. Среди них были как мужчины, так и женщины, большая часть – молодые люди до 25 лет, только 1 человек из средней возрастной группы. Объединяет их всех то, что в раннем детстве они не проживали в расширенной семье вместе со старшим поколением бабушек и дедушек. Чаще, это простая нуклеарная семья либо неполная семья, один респондент воспитывался у бабушки

и дедушки без родителей. В данном случае можно утверждать, что ресурс хендмейда более устойчиво передается в расширенных семьях, где дети видят одновременно разные социальные роли взрослых: родители интенсивно работают, а бабушка создает уют. При этом необходимо заметить, что среди респондентов, увлекающихся рукоделием, есть примеры всех без исключения типов воспитывающих семей, что свидетельствует о том, что помимо семьи существуют другие каналы трансляции хендмейдства, среди которых можно назвать школу и интернет.

Проведенное краткое исследование позволяет сделать некоторые выводы. В современном обществе практики хендмейда востребованы и выполняют многообразные социокультурные функции. Наиболее ярко проявляются возможности рукодельного труда в утилитарно-прикладной и художественно-эстетической сферах деятельности. Хендмейд является значимым элементом для большого числа людей в организации позитивного коммуникационного пространства. В условиях массового общества рукоделие является способом конструирования и репрезентации личностной идентичности. Наиболее значимой функцией хендмейда является функция смены вида деятельности с целью предотвращения эмоционального

выгорания в условиях концентрированных потоков информации и стремительного темпа производственно-экономической жизни. В кризисные периоды социального развития количество занимающихся рукодельным творчеством может несколько уменьшаться в связи с необходимостью затрачивать энергию на формализованные виды деятельности. Однако всегда существует резерв людей, которые готовы начать заниматься рукоделием при наступлении благоприятной ситуации. С точки зрения экономической целесообразности, хендмейд создает некоторую альтернативу серийному производству, о чем рассуждал Э. Тоффлер в своем труде «Третья волна», предвидя кризис массового

производства в результате тотального снижения качества продукции [6]. По этому поводу исследователь М.К. Малышева пишет, что массовый офисный труд все еще доминирует, а управление организациями в большинстве своем традиционно линейное. Однако о тенденции демассификации различных сфер говорят последние данные исследований, в результате чего можно говорить о постепенных, эволюционных изменениях, способных привести к новому типу социально-экономической организации [7, с. 99]. Таким образом, можно утверждать, что хендмейд является наиважнейшим ресурсом для дальнейшего развития личности, общества, экономики и культуры.

ЛИТЕРАТУРА:

Пирожкова О.Б. Хендмейд как способ самореализации и развития творческих способностей учащихся // Инновации в образовании. 2011. № 4 (7). С. 10–15.

Красноставская Н.В. Формирование системы инструментов интернет-коммуникаций брендов продукции хендмейд-индустрии // Науковедение. 2015. Т. 7, № 4 (29). С. 25.

Красноставская Н.В. Уровень вовлеченности и рациональный и эмоциональный стимулы как факторы анализа иерархии коммуникационных эффектов для продвижения хендмейд-товаров // Вестник евразийской науки. 2019. Т. 11, № 2. С. 33.

Антонова И.А. Хендмейд как поиск гармонии в эпоху постмодернизма // Вестник Гуманитарного университета. 2018. № 3 (22). С. 142–146.

Мирненко Е.А., Яковлева И.П. Хендмейд как форма творческой и профессиональной самореализации личности // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 129. С. 1344–1354.

Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 800 с.

Малышева М.К. Признаки «демассификации» Э. Тоффлера в современной экономике // Экономика и бизнес: тенденции и инновации: материалы международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 92–100.

REFERENCES:

1. Pirozhkova O.B. Handmade as a way of self-realization and development of creative abilities of students // Innovations in education. 2011. No. 4 (7). P. 10–15.

2. Krasnostavskaya N.V. Formation of a system of tools for Internet communications of brands of handmade industry products // Naukovedenie. 2015. Vol. 7, No. 4 (29). P. 25.

3. Krasnostavskaya N.V. The level of involvement and rational and emotional incentives as factors in the analysis of the hierarchy of communication effects for the promotion of handmade goods // Bulletin of Eurasian Science. 2019. V. 11, No. 2. P. 33.

4. Antonova I.A. Handmade as a search for harmony in the era of postmodernism // Bulletin of the Humanitarian University. 2018. No. 3 (22). P. 142–146.

5. Mirnenko E.A., Yakovleva I.P. Handmade as a form of creative and professional self-realization of the individual // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2017. No. 129. P. 1344–1354.

6. Toffler E. The Third Wave. M.: AST, 2010. 800 p.

7. Malysheva M.K. Signs of E. Toffler's "demassification" in the modern economy // Economics and business: trends and innovations: materials of the international scientific and practical conference. M., 2021. P. 92–100.

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-191-197>
УДК 796/799:316.346.32-053.6

Тупиков Е.К.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СПОРТ КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

*Тупиков Егор Константинович,
аспирант Института социологии и регионоведения Южного федерально-
го университета, Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: egor_tupikov1996@mail.ru*

Аннотация

В статье дается теоретическое обоснование важности рассмотрения профессионального спорта как одного из факторов социализации молодежи. Влияние спорта на социализацию молодежи является объектом многих научных исследований, но практически отсутствуют комплексные исследования, посвященные влиянию именно профессионального спорта. Профессиональный спорт является сферой общественной жизни, которая обладает большими объемами финансирования и имеет высокую популярность среди населения. Профессиональный спорт в разной степени оказывает влияние на молодежь посредством проведения спортивных событий, их освещения в СМИ, обсуждений в интернете и т.д. На основе заимствованной модели структуры социализации личности, автор описывает основные направления влияния профессионального спорта на молодежь. Методами исследования является теоретический анализ научной литературы по изучаемой проблеме, а также вторичный анализ ранее проведенных социологических исследований и статистических данных. Выводы, которые делает автор, состоят в том, что влияние профессионального спорта на социализацию молодежи заключается в распространении ценностных ориентаций, удовлетворении потребности в аффилиации и воздействии на карьерные предпочтения. Профессиональный спорт определяется автором значимым фактором социализации, который может оказывать как положительный, так и негативный эффект на молодежь, при этом отмечается необходимость дальнейшего исследования данной проблематики.

Ключевые слова: спорт, профессиональный спорт, социализация, молодежь, социализация молодежи, фактор социализации, структура социализации

Для цитирования: Тупиков Е.К. Профессиональный спорт как фактор социализации молодежи // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Том 14, № 4. С. 191-197. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-191-197>.

Tupikov E.K.

PROFESSIONAL SPORT AS A FACTOR OF YOUTH SOCIALIZATION

Tupikov Egor Konstantinovich,

a postgraduate student of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,

e-mail: egor_tupikov1996@mail.ru

Abstract

The article provides a theoretical substantiation of the importance of considering professional sports as one of the factors of youth socialization. The influence of sports on the socialization of young people is the object of many scientific studies, but there are practically no comprehensive studies devoted to the influence of professional sports. Professional sport is a sphere of public life that has large amounts of funding and is highly popular among the population. Professional sport influences young people to varying degrees through sporting events, media coverage, online discussions, and etc. Based on the borrowed model of the structure of the socialization of an individual, the author describes the main directions of the influence of professional sports on young people. The research methods are a theoretical analysis of the scientific literature on the problem under study, as well as a secondary analysis of previously conducted sociological studies and statistical data. The conclusions made by the author are that the impact of professional sports on the socialization of young people consist in the spread of value orientations, meeting the need for affiliation and influencing career preferences. And also professional sports are revealed as a significant factor of socialization, which can have both positive and negative effects on young people, while the author notes the need for further research on this issue.

Keywords: sport, professional sports, socialization, youth, youth socialization, socialization factor, socialization structure

For citation: *Tupikov E.K. Professional sport as a factor of youth socialization // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2022. Volume 14, No. 4. P. 191-197 . <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-191-197>.*

Спорт является важным социокультурным феноменом, который оказывает влияние на большое количество людей, а также является одним из ключевых направлений социальной политики государства. Спорт – это не только деятельность, направленная на улучшение физических навыков, но также один из основных факторов социализации человека наряду с такими факторами, как школа, телевидение, интернет, церковь и т.п.

По данным опроса ВЦИОМ, проведенному в марте 2021 года, именно среди молодежи самая высокая доля занимающихся спортом. 71% из возрастной категории 18–24 года периодически или регулярно занимается спортивной деятельностью [10]. Молодежь, ввиду малого жизненного опыта, является социальной группой, у представителей которой в полной мере не сформированы ценностные

ориентиры, а также не определены жизненные интересы и перспективы. Именно молодежь является возрастной категорией, которая не только активно приобщается к накопленному социальному опыту, но также активно его преобразовывает, создавая тем самым новую социальную реальность [5, с. 31]. Таким образом, ввиду большой вовлеченности социально-демографической группы молодежи в сферу спорта, проблема влияния спорта на молодежь становится объектом социологических исследований.

Во множестве научных трудов исследуются проблемы влияния массового спорта на социализацию молодежи или изучается процесс социализации молодых спортсменов в рамках профессиональной спортивной деятельности. В большинстве этих исследований молодежь изучается как субъект, который

напрямую участвует и социализируется в процессе спортивной деятельности. Но не стоит забывать, помимо самих спортсменов, в спортивную деятельность вовлечены и другие акторы: спортивные лиги и организации, бизнес-структуры, государственные органы и зрители.

Именно в профессиональном спорте, как составной части института спорта, наиболее широко представлены все акторы спортивной деятельности, и комплексное изучение влияния профессионального спорта на молодежь может дать наиболее полную картину процесса социализации молодежи.

В разных научных работах, посвященных профессиональному спорту, даются различные определения, но в целом профессиональный спорт рассматривается как деятельность предпринимателей и спортсменов-профессионалов, направленная на производство спортивного зрелища, приобретающего форму товара. Важными особенностями являются высокий уровень спортсменов, жесткая конкуренция и получение коммерческой выгоды [4, с. 77].

Профессиональный спорт охватывает большую аудиторию, среди которой находятся представители разных социальных слоев населения. Помимо субъектов, непосредственно включенных в профессиональную спортивную деятельность, существуют также группы активных фанатов, простых болельщиков и случайных зрителей, вовлеченных в продукт, который создается профессиональным спортом. Спортивные соревнования сопровождаются широким освещением в СМИ, большое внимание уделяется околоспортивным событиям, которые сопутствуют данным мероприятиям (интервью, аналитика, конфликты и т.п.)

Некоторые исследователи в своих работах уже затрагивали проблему влияния профессионального спорта на социализацию молодежи.

Например, С.С. Петунин считает, что главная задача профессионального спорта состоит в популяризации спорта и распространении его практик среди населения. При этом отмечается, что не особо важен уровень демонстрируемых соревнований, важна их зрелищность [9, с. 212].

Л.И. Лубышева затрагивает проблему социальной ответственности профессиональных спортсменов, поскольку спортсмены, достигая значимых результатов, становятся кумирами молодежи. Молодежь пытается подражать профессиональным спортсменам, копирует их образ жизни и модели поведения. Трансляция спортсменами девиантного поведения, погоня за гонорарами, в ущерб выступлению за сборную страны или родной клуб подает плохой пример и оказывает негативное влияние на процесс социализации молодежи [8, с. 14].

В.Б. Барабанова и И.К. Корстин анализируют влияние профессиональных спортивных лиг на болельщиков. Социально-воспитательная деятельность осуществляется профессиональными лигами для создания собственного позитивного имиджа среди профессионального сообщества, бизнес-партнеров и болельщиков. Выделяются формы социальной работы с болельщиками, которые выражаются в организации различных благотворительных проектов и акций, социально-культурных программ и т.п. Посредством данных форм осуществляется популяризация спорта среди большего числа населения. Включение воспитательной компоненты в маркетинговую деятельность лиг повышает значимость социальных проектов и тем самым привлекает новых зрителей и спонсоров [1].

Большой интерес представляет подход Т.Ю. Дельцовой, которая выделяет 2 типа молодежной субкультуры по признаку установки на спортивную деятельность: 1) активная установка – это непосредственно спортсмены, которые

включены в спортивный процесс; 2) пассивная установка – это представители околоспортивной субкультуры, фанаты спорта. Дельцова отмечает, что в условиях коммерциализации жизни общества представители субкультуры с активной установкой на спорт оказывают значимое влияние на остальную молодежь, поскольку модель успеха спортсмена становится примером для подражания [3, с. 17].

В зарубежной литературе также встречаются исследования, посвященные влиянию профессионального спорта на социализацию молодежи. В большинстве случаев в этих исследованиях изучается влияние профессиональных спортсменов на потребительское поведение молодежи. Отмечается, что популярность спортивного бренда или спортсмена прямо пропорционально коррелирует с уровнем потребления рекламируемых ими товаров [12, с. 43], изучаются основные агенты социализации молодежи в рамках профессионального спорта. В данных исследованиях утверждается, что СМИ оказывают решающую роль в распространении спортивного продукта и формирования положительного отношения к нему [13, с. 38].

Таким образом, можем констатировать, что профессиональный спорт является частью спорта, в которой наиболее широко представлены различные акторы спортивной деятельности и которая привлекает внимание большой массы людей, в разной степени интересующихся спортивными событиями. Профессиональный спорт как широко распространенный продукт, так или иначе, оказывает влияние на зрителей и, как отмечалось ранее, наибольшему влиянию подвержена социально-возрастная группа молодежи.

Для комплексного рассмотрения влияния профессионального спорта на социализацию молодежи необходимо описать, каким образом профессиональный спорт влияет на структуру социализации личности. Данная задача может быть

выполнена, если мы обозначим компоненты, составляющие структуру социализации, и опишем, какому воздействию подвергается каждый из них. Наиболее подходящей для этой задачи структурой социализации нам кажется структура, предложенная А.С. Шарудиловой, которая выделяет 3 основных компонента, влияющих на личностное развитие: деятельностно-коммуникационный, мотивационно-ценностный и аналитико-оценочный (рефлексивный) [11, с. 104].

Роль деятельностно-коммуникационного компонента заключается в формировании социального взаимодействия с другими людьми в процессе какой-либо совместной деятельности. Посещение спортивных мероприятий становится формой проведения досуга для молодежи. Спортивные события также можно наблюдать через телевидение и интернет. У молодых людей существует возможность наблюдать за околоспортивными событиями, сопутствующими спортивному мероприятию, обсудить соревнования, и на этой основе завести новые знакомства.

Профессиональный спорт формирует среду, в которой происходит интеграция личности в социум. Примером может являться членство в фанатском сообществе. Члены фанатского движения участвуют в перформансах на стадионах или организуют выездные туры для поддержки своей команды. Имея отношение к фан-группе, молодой человек удовлетворяет свою потребность в неформальном общении и принадлежности к группе с общими интересами. Полученный таким образом социальный опыт в дальнейшем проецируется и в других сферах деятельности [2, с. 98].

Также интегративная роль профессионального спорта в более широком плане проявляется в процессе профессиональных международных соревнований. Поддержка сборной своей страны объединяет представителей разных социальных

групп. Демонстрация национальной символики на соревнованиях и церемониях награждения усиливают чувство гордости за страну и консолидирует общество, переживающее выступления своих спортсменов. Успехи команд и спортсменов усиливают патриотические чувства и, как следствие, усиливают чувство гражданской идентичности.

Негативным результатом консолидации людей в рамках сферы профессионального спорта может являться разделение на «своих» и «чужих». Повышенная агрессия по отношению к соперникам выливается в конфликтные ситуации, которые сопровождаются девиантным поведением, доходящим порой до нарушения закона. Наиболее яркий пример, который характеризует данное явление, – массовые столкновения болельщиков сборной России и Англии на футбольном турнире ЕВРО-2016.

Ценностно-мотивационный компонент социализации заключается в формировании у молодежи системы ценностей, которая будет способствовать дальнейшему вхождению человека в общество. Успехи профессиональных команд и спортсменов мотивируют молодежь на занятие спортивной деятельностью. Массовое занятие спортивной деятельностью формирует культуру здорового образа жизни, главной целью которой является сохранение физического и ментального здоровья человека. Распространение культуры здорового образа жизни среди молодежи становится одним из факторов социального и материального благополучия как отдельного человека, так и государства в целом [6, с. 75].

Как ранее отмечалось, профессиональные спортсмены являются образцами для подражания и могут транслировать свои ценности и модели поведения в массы. За спортсменами следят не только в процессе соревнований, но и в их повседневной жизни. Люди читают новости, смотрят интервью, следят

за социальными сетями спортсменов. Демонстрация спортсменами таких качеств, как стремление к своей цели, постоянная работа над собой, уважение к сопернику подают положительный пример для молодежи.

Но существует и обратная сторона данного явления. В профессиональном спорте достаточно часто пропагандируется достижение победы любой ценой, порой, это требует нарушения принципов справедливой игры. Эти нарушения проявляются в обмане судей, распространении практики употребления допинга, договорных играх между командами [7, с. 13]. Профессиональные спортсмены не всегда оказываются эталонами для подражания. Зачастую фактор достижения материального благополучия начинает играть главную роль для спортсмена. Ради достижения финансовой выгоды спортсмены способны рекламировать вредную продукцию, демонстрировать эпатажное поведение или саботировать контрактные обязательства с целью заключения более выгодного контракта. Данные практики оказывают негативное воздействие на ценностные ориентации молодежи.

Аналитико-оценочный компонент социализации отвечает за осознание личности своего места в обществе, а также осознания жизненных целей, потребностей и способностей. Рефлексия личности помогает определить свои возможности и выбрать дальнейшие жизненные ориентиры. Профессиональный спорт является ориентиром для карьерных предпочтений молодежи. Глубокий интерес к спортивной деятельности и рассмотрение профессионального спорта в качестве социального лифта может определять выбор карьерного пути молодого человека. Карьера профессионального спортсмена является рискованным шагом, поскольку, как показывает практика, успеха достигает лишь небольшой процент людей. Поэтому для подростков существует

реальная угроза после потраченных сил и времени не достичь успехов и оказаться в ситуации, когда весь прошлый опыт не востребован, а для смены вида деятельности отсутствуют профессиональные компетенции.

Не стоит забывать, что сфера профессионального спорта не ограничивается только спортивной деятельностью. В профессиональный спорт вовлечено государство и множество бизнес-структур. Таким образом, для молодежи карьерные предпочтения в сфере профессионального спорта могут заключаться не только в желании стать профессиональным спортсменом. Помимо этого, существует большой спектр специальностей в смежных со спортом областях: государственное управление в сфере спорта, спортивные СМИ, спортивный менеджмент и т.д. Профессиональный спорт предоставляет широкие возможности для самоопределения и выбора дальнейших жизненных стратегий молодежи.

В научном дискурсе тема влияния профессионального спорта на социализацию молодежи не является широко изученной. При этом, отрицать значимость

профессионального спорта как фактора социализации молодежи невозможно. Профессиональный спорт включает в себя большое количество акторов, которые по-разному могут воздействовать на молодежь. Такие важные компоненты социализации личности, как ценностные ориентиры, социальное взаимодействие, процессы рефлексии подвергаются влиянию профессионального спорта. Положительные аспекты данного влияния заключаются в распространении нравственных ценностей, интеграции личности в общество, формирование карьерных ориентиров. Негативные аспекты заключаются в популяризации нарушения моральных норм, трансляции образцов девиантного поведения, создании конфликтогенной среды. Влияние профессионального спорта на молодежь является актуальной социальной проблемой. Профессиональный спорт может быть эффективным инструментом формирования условий позитивной социализации молодежи, в связи с этим представляется необходимым проведение дальнейших научных исследований по данной проблематике.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барабанова В.Б., Корстин И.К. Концептуальная модель социально-воспитательной деятельности Единой лиги ВТБ [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2018. Т. 6. № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/49PDMN618.pdf> (дата обращения: 02.10.2022).
2. Губанов Э.В. К вопросу о социальной сущности спорта // Автономия личности. 2020. № 1 (21). С. 95–101.
3. Дельцова Т.Ю. Институт спорта в системе формирования ценностных ориентаций молодежи: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Пенза, 2007. 22 с.
4. Ермакова Е.Г., Паршакова В.М., Романова К.А. Цели, задачи и функции профессионального спорта // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 3. С. 77–79.
5. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 12–48.
6. Кожемяко А.С. Влияние спорта на социализацию молодежи // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. 2020. № 5. С. 73–78.
7. Лубышева Л.И. Современный спорт: проблемы и решения // Человек. Спорт. Медицина. 2014. № 1. С. 12–14.

8. Лубышева Л.И. Социальная роль спорта в развитии общества и социализации молодежи // Теория и практика физической культуры. 2001. № 4. С. 11–15.
9. Петунин С.С. Современный спорт как фактор социализации: проблемы и противоречия // Социальная политика и социология. 2010. № 2. С. 208–215.
10. Спортивная Россия. Опрос ВЦИОМ от 21 марта 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sportivnaja-rossija> (дата обращения: 28.09.2022).
11. Шарудилова А.С. Содержание модели социализации подростков в личностно ориентированной системе образования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия, 3: Педагогика и психология. 2008. № 5. С. 104–107.
12. Dix S., Phau I., Pougnet S. “Bend it like Beckham”: The influence of sports celebrities on young adult consumers // Young Consumers. 2010. Vol. 11, № 1. P. 36–46.
13. Funk D.C., Lock D. Sport consumer attitudes: Formation, function, and effects on information processing // Leveraging Brands in Sport Business. 2013. P. 37–50.

REFERENCES:

1. Barabanova V.B., Korstin I.K. Conceptual model of social and educational activities of the VTB United League [Electronic resource] // World of Science. Pedagogy and Psychology. 2018. Vol. 6. №. 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/49PDMN618.pdf> (date of access: 02.10.2022).
2. Gubanov E.V. To the question of the social essence of sport // Autonomy of a personality. 2020. № 1 (21). P. 95–101.
3. Deltsova T.Yu. The Institute of Sports in the System of Formation of Value Orientations of Youth: Abstract of the diss. ... Candidate of Sociology. Penza, 2007. 22 p.
4. Ermakova E.G., Parshakova V.M., Romanova K.A. Goals, objectives and functions of professional sports // International Journal of the Humanities and Natural Sciences. 2018. № 3. P. 77–79.
5. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Modern Sociology of Youth: Changing Reality and New Theoretical Approaches // Reforming Russia. 2017. No. 15. P. 12–48.
6. Kozhemyako A.S. Influence of sports on the socialization of youth // Izvestiya of TlSU. Physical Culture. Sport. 2020. № 5. P. 73–78.
7. Lubyшева L.I. Modern sport: problems and solutions // A Man. Sport. The medicine. 2014. № 1. P. 12–14.
8. Lubyшева L.I. The social role of sport in the development of society and the socialization of youth // Theory and practice of Physical culture. 2001. № 4. P. 11–15.
9. Petunin S.S. Modern sport as a factor of socialization: problems and contradictions // Social policy and Sociology. 2010. № 2. P. 208–215.
10. Sports Russia. VCIOM survey of March 21, 2021 [Electronic resource] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sportivnaja-rossija> (Accessed on September 28, 2022).
11. Sharudilova A.S. The content of the model of socialization of adolescents in a personality-oriented system of education // Bulletin of the Adygh State University. Series 3: Pedagogy and Psychology. 2008. № 5. P. 104–107.
12. Dix S., Phau I., Pougnet S. “Bend it like Beckham”: The influence of sports celebrities on young adult consumers // Young Consumers. 2010. Vol. 11, № 1. P. 36–46.
13. Funk D.C., Lock D. Sport consumer attitudes: Formation, function, and effects on information processing // Leveraging Brands in Sport Business. 2013. P. 37–50.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет» информирует об издании журнала «Вестник Майкопского государственного технологического университета».

Издание рассчитано на руководящих и научно-педагогических работников вузов, а также аспирантов и докторантов, исследующих проблемы образования и науки.

Научные статьи публикуются на русском языке и имеют обязательные аннотации на английском языке.

В журнале «Вестник Майкопского государственного технологического университета» освещаются следующие научные направления:

5.6. Исторические науки

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки).

5.8. Педагогика

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)

5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).

5.4. Социология

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.4.6. Социология культуры (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки).

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Журнал принимает для публикации статьи по следующим научным направлениям: исторические науки и археология, педагогические и социологические науки.

2. Статьи должны быть посвящены актуальным проблемам науки, содержать четкую постановку цели и задач исследования, строгую научную аргументацию, обобщения и выводы, представляющие интерес своей новизной, научной и практической значимостью.

3. Все материалы, поступающие в редакцию журнала, проходят предварительный отбор на предмет их соответствия тематике журнала и формальным критериям, предъявляемым к статьям.

4. Объем статьи должен составлять 8 страниц машинописного текста (на соискание ученой степени кандидата наук) и 10-12 страниц (на соискание ученой степени доктора наук), включая таблицы, рисунки и список литературы.

5. Формат листа – А4 (210х297); шрифт – 14 (TimesNewRoman), интервал – 1,5; красная строка – 1,25. Поля: слева – 30 мм, справа – 15 мм, сверху – 20 мм, снизу – 20 мм. Текст набирается по ширине без автопереносов. Представленные в тексте таблицы и схемы должны иметь сквозную нумерацию. Названия таблиц печатаются обычным шрифтом по центру над таблицей, название рисунка печатается курсивом по центру, под рисунком.

6. Текст статьи должен быть тщательно отредактирован. Перед началом статьи указываются: в левом верхнем углу УДК; сведения об авторе (ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы, почтовый адрес, адрес электронной почты, телефон каждого соавтора).

7. Название статьи – заглавными буквами, без переносов, жирным шрифтом, по центру.

8. Аннотация на русском языке – курсивом (150–250 слов, включает: актуальность темы исследования, постановку проблемы, цели исследования, методы исследования, результаты и ключевые выводы).

9. Ключевые слова – курсивом (8–10 слов и словосочетаний; отражают специфику темы, объект и результаты исследования).

10. В тексте ссылки на цитируемую литературу приводятся в квадратных скобках в конце предложения перед точкой, с указанием порядкового номера ссылки и страницы, например [1, с. 15], [2, с. 46]. [3, с. 68] и т.д. Библиография должна быть оформлена согласно ГОСТу 7.0.5-2008.

11. Статьи направляются в редакцию по электронной почте на адрес .

12. Рукописи статей могут также направляться в редакцию в виде почтовых бандеролей с приложением диска с текстом статьи (адрес: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191).

Например:

УДК 37.016:811

Котов Р.А.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Котов Роман Алексеевич,

доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и педагогики ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», Майкоп, Россия

e-mail: mincon@mail.ru

тел.: +7 (918) 427 88 10

Текст аннотации на русском языке (150–200 слов), должен содержать актуальность темы исследования, постановку проблемы, цели исследования, методы исследования, результаты и ключевые выводы.

Ключевые слова: (8–10 слов и словосочетаний), должны отражать специфику темы, объект и результаты исследования.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Таблица 1 (**название таблицы**)

Рис. 1. (*название рисунка*)

Литература:

1. Филипович И.И. Предметно-языковое интегрированное обучение. Новый шаг в развитии компетенций // Научный вестник Южного института менеджмента. 2015. № 4. С. 74–78.

Рукописи и электронные варианты статей авторам не возвращаются.

Дополнительную информацию можно получить по электронному адресу:

e-mail: uprnd@mkgtu.ru; по тел.: 8 (8772) 52 30 03;

Кубова Анжела Аскеровна

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК МАЙКОПСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки

2. Первичная экспертиза проводится ответственным секретарем редакции журнала «Вестник Майкопского государственного технологического университета». При первичной экспертизе оценивается соответствие научной статьи правилам оформления и требованиям, установленным редакцией журнала.

3. Главный редактор (заместитель) определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование. Авторские статьи не по профилю не возвращаются автору, автор уведомляется о несоответствии статьи профилю журнала.

4. Перед направлением на рецензирование материал проверяется на наличие заимствованной информации в системе «Антиплагиат». Обнаружение высокого уровня заимствования влечет отклонение материала.

5. В журнале используется двусторонне слепое рецензирование (рецензент не знает, кто автор статьи, автор статьи не знает, кто рецензент).

6. К рецензированию привлекаются как члены редакционной коллегии журнала, так и сторонние рецензенты, имеющие ученую степень кандидата или доктора наук, публикации по тематике рецензируемых материалов в течение последних трех лет, обладающие достаточным опытом научной работы по заявленному в статье научному направлению. Представленная авторская статья передается на рецензирование членам редколлегии журнала, курирующим соответствующую отрасль науки. При отсутствии члена редколлегии или поступлении статьи от члена редакционной коллегии главный редактор направляет статью для рецензирования внешним рецензентам.

7. Редакция оставляет за собой право (по согласованию с автором) на литературную правку, а также на отказ в публикации (на основании рецензии членов редакционной коллегии журнала или внешних рецензентов), если статья не соответствует профилю журнала или имеет недостаточное качество изложения материала. В случае отклонения статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

8. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий с указанием автора в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

9. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей, копия рецензии предоставляется автору рукописи без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

10. Рецензия должна содержать оценку актуальности проблематики, рассматриваемой в представленной статье, оригинальности, научной новизны исследования. Рецензент должен оценить научно-методический уровень исследования, дать оценку результатам исследования, оценить достоверность представленных в статье научных результатов, оценить практическую значимость и важность результатов исследования для науки и практики. В заключении рецензент делает вывод о целесообразности публикации статьи.

11. Рецензент рассматривает авторскую статью в течение 15 календарных дней, после чего направляет в редакцию соответствующим образом оформленную рецензию.

12. Рецензия должна быть подписана рецензентом (содержать его контактные данные) и заверена печатью организации.

13. Рецензент может рекомендовать статью к опубликованию; рекомендовать к опубликованию после доработки с учетом замечаний; не рекомендовать статью к опубликованию. Если рецензент рекомендует статью к опубликованию после доработки с учетом замечаний или не рекомендует статью к опубликованию – в рецензии должны быть указаны причины такого решения.

14. Рецензент вправе указать на необходимость внесения дополнений и уточнений в рукопись, которая затем направляется (через редакцию журнала) автору на доработку. В этом случае датой поступления рукописи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Переработанная автором статья направляется на рецензирование повторно.

15. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией журнала. Публикации осуществляются в порядке очередности поступления статей в редакцию. Редколлегия может принимать решение о внеочередной публикации статьи.

16. Непринятые к публикации статьи авторам не высылаются.

17. Заверенные подписями и печатями оригиналы рецензий в течение 5 лет хранятся в редакции журнала «Вестник Майкопского государственного технологического университета».

***The Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Maikop State Technological University» informs about the publication of the journal
«Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta».***

The journal is designed for leading and scientific-pedagogical staff of universities, as well as post-graduate students and doctoral students studying the problems of education and science.

Scientific articles are published in Russian and have compulsory annotations in English.

The journal “Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta” covers the following research areas:

5.6. History

- 5.6.1. National History (Historical sciences),
- 5.6.2. World History (Historical sciences),
- 5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography (Historical sciences).

5.8. Pedagogy

- 5.8.1. General Pedagogy, History of Pedagogy and Education (Pedagogical sciences),
- 5.8.2. Theory and methods of training and education (by areas and levels of education) (Pedagogical sciences),
- 5.8.7. Methodology and technology of professional education (Pedagogical sciences).

5.4. Sociolog

- 5.4.4. Social structure, social institutions and processes (Sociological sciences),
- 5.4.6. Sociology of Culture (Sociological sciences),
- 5.4.7. Sociology of Management (Sociological sciences).

RULES OF DIRECTING AND PUBLISHING SCIENTIFIC ARTICLES IN

1. The journal accepts for publication articles on the following scientific areas: historical sciences and archeology, pedagogical and sociological sciences.

2. The articles should be devoted to the actual problems of science, contain a clear statement of the purpose and objectives of the research, rigorous scientific argumentation, generalizations and conclusions of interest for their novelty, scientific and practical significance.

3. All materials coming to the journal editorial office are pre-screened for their correspondence to the subject of the journal and to the formal criteria for articles.

4. The volume of the article should be 7-8 pages of typewritten text (for the degree of Candidate of Science) and 10-12 pages (for the degree of Doctor of Science), including tables, figures and references.

5. Sheet format – A4 (210x297); font – 14 (Times New Roman), interval – 1.5; the red line is 1.25. Margins: on the left – 30 mm, on the right – 15 mm, on the top – 20 mm, on the bottom – 20 mm. Text is typed in width without hyphenation. The tables and diagrams presented in the text should have continuous numbering. The names of the tables are typed

in a standard font centered above the table, the title of the picture is typed in italics centered, below the picture.

6. The text of the article should be carefully edited. Before the beginning of the article the following information should be indicated: the UDC; information about the author (full name), academic degree, academic title, position, place of work, postal address, e-mail address, telephone number of each co-author).

7. The title of the article is typed in capital letters, without hyphenation, in bold, centered.

8. The abstract is in Russian – in italics (150–250 words, includes: relevance of the research topic, problem statement, research objectives, research methods, results and conclusions). 150–250 words, includes: relevance of the research topic, problem statement, research objectives, research methods, results and conclusions).

9. Keywords – in italics (8–10 words and phrases; reflect the specifics of the topic, the object and the results of the research).

10. In the text, references to the literature cited are given in square brackets at the end of the sentence before the point, indicating the ordinal number of the reference and the page, e.g. [1, p. 15], [2, p. 46], [3, p. 68], etc. The bibliography should be made in accordance with GOST 7.0.5-2008.

11. The articles are sent to the editorial office by e-mail at uprnd@mkgtu.ru.

12. Manuscripts of articles may also be sent to the editorial office in the form of postal parcels with a disc containing the text of the article (address: 385000, the Republic of Adygea, Maikop, 191 Pervomayskaya Str.).

An example

UDC 348.516

Kotov R.A.

A SOCIO-CULTURAL COMPONENT IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE

Kotov Roman Alexeevich,

Doctor of Pedagogy, an associate professor, professor of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy FSBEI HE "Maikop State Technological University", Maikop, Russia

e-mail: mincon@mail.ru,

tel.: +7 (918) 427 88 10

The text of the abstract in Russian (150–200 words) should contain the relevance of the research topic, problem statement, research objectives, research methods, results and conclusions.

Keywords: (8–10 words and phrases) should reflect the specifics of the topic, the object and the results of the study.

THE ARTICLE TEXT

Table 1 (**table name**)

Fig. 1. (name of the figure)

References:

1. Filipovich I.I. Subject-language integrated learning. A new step in the development of competencies // Scientific Herald of the Southern Institute of Management. 2015. No. 4. P. 74–78.

Manuscripts and electronic versions of the articles are not returned.

Additional information is available by e-mail:

e-mail: uprnd@mkgtu.ru; tel.: (8772) 52 30 03;

Kubova Angela Askerovna

RULES OF SCIENTIFIC ARTICLE REVIEW IN “VESTNIK MAJKOPSKOGO GOSUDARSTVENNOGO TEHNOLOGIČESKOGO UNIVERSITETA”

1. The journal reviews all incoming materials that correspond to its subject matter with the purpose of their expert evaluation.

2. Primary examination is conducted by the responsible secretary of the editorial board of the “Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta”. At the initial examination the compliance of the scientific article with the rules of article submission guidelines and with the requirements established by the journal’s editorial office are assessed.

3. The chief editor (deputy chief editor) determines the correspondence of the article to the journal profile, the requirements for article submission, and directs it for review. Non-profile articles are not returned to the author, the author is notified about the discrepancy of the article to the journal profile.

4. Before sending for review the material is checked for the presence of borrowed information in the “Anti-plagiarism” system. Detection of a high level of borrowing leads to the rejection of the material.

5. The journal uses two-sided blind reviewing (the reviewer does not know who the author of the article is, the author of the article does not know who the reviewer is).

6. Both members of the editorial board of the journal and outside experts holding a scientific degree of a candidate or doctor of science, and having publications on the subject of reviewed materials in the last three years, with sufficient experience of scientific work on the scientific subject stated in the article are involved in the review. The submitted author’s article is passed on to the members of the editorial board of the journal overseeing the relevant branch of science for review. In case of absence of a member of the editorial board or in case of receiving an article from a member of the editorial board, the chief editor sends the article for review to external reviewers.

7. The editorial office reserves the right (with the agreement of the author) to make a literary correction, as well as to refuse publication (on the basis of a review by the members of the editorial board of the journal or external reviewers), if the article does not correspond to the journal profile or has insufficient quality of the material. In case of rejection of the article, the editorial office sends a motivated refusal to the author.

8. The editorial office sends copies of the reviews or motivated refusals to the authors of the submitted materials, and also undertakes to send copies of the reviews with the author’s indication to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

9. A review is confidential for the authors of the articles, a copy of the review is provided to the author of the manuscript without signing and indicating the name, position, and workplace of the reviewer.

10. A review should contain an assessment of the relevance of the issues considered in the presented article, originality, scientific novelty of the research. A reviewer should evaluate scientific and methodological level of the research, evaluate the results of the study, evaluate

the reliability of the scientific results presented in the article, and assess the practical significance and importance of the research results for science and practice. In conclusion, the reviewer concludes about the expediency of the article publication.

11. A reviewer peers the author's article within 15 calendar days, after which he sends an appropriately prepared review to the editorial office.

12. A review must be signed by the reviewer (contain his contact details) and certified by the seal of the organization.

13. A reviewer may recommend an article for publication; recommend for publication after revision, taking into account the comments; or may not recommend the article for publication. If the reviewer recommends the article for publication after revision, taking into account the comments or does not recommend the article for publication, the reasons for such a decision should be indicated in the review.

14. A reviewer has the right to point out the need for making additions and clarifications to the manuscript, which is then sent (through the editorial office) to the author for revision. In this case, the date of the revised manuscript return is considered to be the date of its coming to the editorial office is. The revised article is sent for review again.

15. The final decision on the expediency of the publication is taken by the editorial board of the journal. The articles are published in the order of priority of their coming to in the editorial office. The Editorial Board can decide on an unscheduled publication of an article.

16. Rejected articles are not sent to the authors.

17. The originals of the reviews, certified by signatures and seals are stored in the "Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta" editorial board for 5 years.

Научное издание

Ежеквартальный рецензируемый научный журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета».

Том 14 № 4 2022

Издательство ФГБОУ ВО «МГТУ»

385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191.

Подписано в печать 29.12.2022 г. Бумага Xerox Performer. Печать цифровая.

Гарнитура Times New Roman. Формат 60x84¹/₈ Усл. п.л. 17,8. Тираж 500 экз. Заказ 059.

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии ИП Кучеренко В.О.

385008, г. Майкоп, ул. Пионерская, 403/33.

Тел. для справок 8-928-470-36-87.

E-mail: slv01.maykop.ru@gmail.com